

Карл Густав Юнг

Психология переноса

Карл Густав Юнг
Психология переноса
Серия: Актуальная психология

Издательства: Рефл-бук, Ваклер
Суперобложка, 298 стр.
ISBN 5-87983-027-6, 5-87983-060-8, 966-543-003-3
Тираж: 8000 экз.
Формат: 84x104/32

В книге впервые представлены лучшие терапевтические работы К. Г. Юнга, в частности - 'Шизофрения', 'Практическое использование анализа сновидений', а также монография 'Психология переноса', в которой он на базе алхимического трактата рассматривает принципы и теорию переноса и контрпереноса, их природу и символизм, дает ценные терапевтические советы.

ПСИХОЛОГИЯ ПЕРЕНОСА. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НА ОСНОВЕ АЛХИМИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Quaero non pono, nihil hic determino dictans Coniicio, conor, confero, tento, rogo...

Я ищу и ничего не утверждаю, ничего не определяю окончательно. Пробую, сравниваю, пытаюсь, вопрошаю...

Кнорр фон Розенрот *Adumbratio Kabbalae Christlanæ*
Моей жене

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый, кто обладает хоть каким-то практическим опытом психотерапии, знает, что процесс, который Фрейд называл "переносом", зачастую вырастает в весьма трудную проблему. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что почти все случаи, требующие продолжительного лечения, тяготеют к феномену переноса, и что успех или же неуспех лечения представляется фундаментальнейшим образом связанным с этим феноменом. Следовательно, психология не вправе не замечать данную проблему или уклоняться от ее рассмотрения, и психотерапевту нельзя делать вид, что так называемое "разрешение переноса" - нечто само собой разумеющееся. Обсуждая подобные феномены, люди часто говорят о них так, как будто это - сфера компенсации разума, или интеллекта и воли; как будто с ними можно справиться с помощью изобретательности и искусства врача, располагающего хорошими техническими навыками. Такой щадящий, успокаивающий подход в достаточной мере полезен, когда ситуация не слишком проста и не приходится ожидать легкого получения результатов; он, однако, невыгоден тем, что маскирует реальную трудность проблемы и, тем самым исключает либо избегает более глубокого исследования. Хотя поначалу и был солидарен с Фрейдом в том, что трудно переоценить важность переноса, постепенно накапливавшийся опыт заставил меня осознать относительность его важности. Перенос подобен тем лекарствам, которые оказываются для одних панацеями, для других же - чистым ядом. В одном случае появление переноса может означать изменение к лучшему, в другом это - помеха, осложнение, если не перемена к худшему, в третьем - нечто

сравнительно несущественное. Если говорить обобщенно, это все же - критическое по своему характеру явление, наделенное изменчивыми оттенками значения, и его отсутствие столь же значимо, как и его присутствие.

В настоящей книге я концентрирую внимание на "классической" форме переноса и его феноменологии. Будучи определенным родом отношения, перенос всегда подразумевает наличие визави. Если перенос негативен или вообще отсутствует, визави играет незначительную роль; например, обычно так обстоят дела в случае комплекса неполноценности, сочетающегося с компенсаторной потребностью в самоутверждении* (Это не означает, что в подобных случаях никогда не бывает переноса. Отрицательная форма переноса, принимающая обличив сопротивления,

неприязни или ненависти с самого начала наделяет другого человека большой значимостью, — даже если это значимость негативна, — и делает все от нее зависящее, дабы помешать положительному переносу. Как следствие, не может получить развитие столь характерный для последнего символизм

синтеза противоположностей).

Читателю может показаться странным, что, поставив себе цель пролить свет на явление переноса, я обращаюсь к чему-то по всей видимости столь отдаленному, как алхимический символизм. Однако каждый, кто прочтет мою книгу "Психология и алхимия", должен будет узнать о наличии тесных связей между алхимией и теми феноменами, которые по практическим соображениям следует рассматривать в рамках психологии бессознательного. Он поэтому не удивится, узнав, что и данный феномен, частая встречаемость и важность которого подтверждается опытом, также находит себе место в символике и образности алхимии. Образы такого рода вряд ли являются сознательными репрезентациями отношения переноса; скорее, в них это отношение неосознанно принимается как данность, почему мы и можем пользоваться ими как нитью Ариадны, способной направлять нас в нашем рассуждении.

В этой книге читатель не найдет описания клинического явления переноса. Книга предназначена не для новичков, нуждающихся в предварительном ознакомлении; она адресована исключительно тем, кто в своей собственной практике уже успел накопить достаточный опыт. Моя цель - дать читателю некоторые ориентиры в этой недавно открытой и все же неисследованной области, а также познакомить его с кое-какими из связанных с ней проблем. Ввиду значительных трудностей, преграждающих нам здесь дорогу, мне хотелось бы подчеркнуть предварительный характер моего исследования. Я постарался свести воедино свои наблюдения и идеи, и передаю их на суд читателя в надежде привлечь его внимание к определенным точкам зрения, важность которых мне со временем пришлось ощутить в принудительном порядке. Боюсь, мое описание их окажется нелегким чтением для тех, кто не знаком хотя в какой-то мере с более ранними моими работами. Поэтому я в примечаниях указал свои работы, могущие послужить подспорьем читателю.

Тот, кто возьмется за чтение настоящей книги, будучи более или менее неподготовленным, вероятно, удивится объему исторического материала, привлекаемого в качестве имеющего отношение к моему исследованию. Внутренняя необходимость этого объясняется тем фактом, что прийти к верному пониманию и оценке какой-либо психологической проблемы можно, лишь достигнув некоей расположенной вне нашего времени точки, откуда мы могли бы наблюдать ее, таким наблюдательным пунктом может быть только какая-нибудь прошедшая эпоха, разрабатывавшая те же проблемы, хотя и в других условиях и отличающихся формах. Становящийся при этом возможным сравнительный анализ, естественно, требует соответственным образом детализированного учета исторических аспектов ситуации. Последние можно было бы описывать гораздо более сжато, если бы мы имели дело с хорошо известным материалом, где достаточно немногих ссылок и намеков. Но, к несчастью, дело обстоит совсем не так, поскольку рассматриваемая здесь психология алхимии представляет собой почти целинную территорию. Поэтому я вынужден предполагать некоторое знакомство читателя с моей "Психологией и алхимией"; в

противном случае, ему будет трудно разобраться в содержимом настоящего тома. Те из читателей, чей личный и профессиональный опыт в достаточной мере ознакомил их с обширностью проблемы переноса, простят мне это допущение. Хотя данное исследование может считаться вполне самостоятельным, оно в то же время служит введением к более объемлющему рассмотрению проблемы противоположностей в алхимии, их феноменологии и синтеза, которое будет выпущено позднее под заглавием *Mysterium Coniunctionis*". Здесь мне хотелось бы выразить благодарность всем, кто прочел рукопись и привлек мое внимание к ее недостаткам. В особенности, я признателен доктору Мари-Луизе фон Франц за щедро оказанную мне помощь.

К.Юнг осень 1945г.

Шизофрения

[Впервые опубликовано в *Schweizer Archiv Fur Neurologie und Psychiatrie LXXXI* (Zurich 1958), pp. 163-177. Перевод В. В. Никитина.]

Обозревать пройденный путь - привилегия пожилого человека. Я благодарен доброжелательному интересу профессора Манфреда Блейлера за возможность обобщить мой опыт в области шизофрении в обществе моих коллег.

В 1901 году я - молодой ассистент в клинике Бургхольцли - обратился к своему тогдашнему шефу профессору Юджину Блейлеру с просьбой определить мне тему моей будущей докторской диссертации. Он предложил экспериментальное исследование распада идей и представлений при шизофрении. С помощью ассоциативного теста мы тогда уже настолько проникли в психологию таких больных, что знали о существовании аффективно окрашенных комплексов, которые проявляются при шизофрении. В сущности, это были те же самые комплексы, которые обнаруживаются и при неврозах. Способ, которым комплексы выражались в ассоциативном тесте, во многих не слишком запутанных случаях был приблизительно тем же, что и при истериях. Зато в других случаях, в особенности когда был затронут центр речи, складывалась картина, характерная для шизофрении - чрезмерно большое по сравнению с неврозами количество провалов в памяти, перерывов в течении мыслей, персевераций, неологизмов, бессвязностей, неуместных ответов, ошибок реакции, происходящих при или в окружении затрагивающих комплекс слов-стимулов.

Вопрос заключался в том, каким образом с учетом всего уже известного можно было бы проникнуть в структуру специфических шизофренических нарушений. На тот момент ответа не находилось. Мой уважаемый шеф и учитель тоже ничего не мог посоветовать. В результате я выбрал - наверное, не случайно - тему, которая, с одной стороны, представляла меньшие трудности, а с другой, содержала в себе аналогию шизофрении, поскольку речь шла о *стойком расщеплении личности* у молодой девушки. [О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов см.: GW 15. (Русский перевод см. в: «Конфликты детской души». М., 1994. С. 225-330. - ред.)] Она считалась медиумом и впадала на спиритических сеансах в подлинный сомнамбулизм, в котором возникали бессознательные содержания, неведомые ее сознательному разуму, демонстрируя очевидную причину расщепления личности. При шизофрении также очень часто наблюдаются чужеродные содержания, более или менее неожиданно врываются в сознание и расщепляющие внутреннюю целостность личности, правда, специфическим для шизофрении образом. В то время как невротическая диссоциация никогда не теряет свой систематический характер, шизофрения являет картину, так сказать, несистематической случайности, в которой смысловая целостность и связность, столь характерная для неврозов, часто искажается настолько, что становится крайне неясной.

В опубликованной в 1907 году работе «Психология раннего слабоумия» я попытался изложить тогдашнее состояние моих знаний. Речь шла, в основном, о случае типичной паранойи с характерным нарушением речи. Хотя патологические содержания определялись как компенсаторные, и потому нельзя было отрицать их систематическую природу, однако

идеи и представления, лежавшие в их основе, были извращены несистематической случайностью до полной неясности. Чтобы вновь сделать видимым их первоначально компенсаторный смысл, часто требовался обширный материал амплификации.

Поначалу было непонятно, почему специфический характер неврозов нарушается при шизофрении и вместо систематических аналогий возникают лишь спутанные, гротескные и вообще в высшей степени неожиданные их фрагменты. Можно было лишь констатировать, что характерной чертой для шизофрении является такого рода распад идей и представлений. Это свойство роднит ее с известным нормальным феноменом - *сновидением*. Оно тоже носит случайный, абсурдный и фрагментарный характер и для своего понимания нуждается в амплификации. Однако явное отличие сна от шизофрении состоит в том, что сновидения возникают в спящем состоянии, когда сознание пребывает в «сумеречной» форме, а явление шизофрении почти или вовсе не затрагивает элементарную ориентацию сознания. (Здесь следует в скобках заметить, что было бы трудно отличить сны шизофреников от снов нормальных людей). С ростом опыта мое впечатление глубокого родства феномена шизофрении и сна все более усиливалось. (Я анализировал в то время не менее четырех тысяч снов в год).

Несмотря на то, что в 1909 году я прекратил свою работу в клинике, чтобы полностью посвятить себя психотерапевтической практике, несмотря на некоторые опасения, я не утратил возможности работать с шизофренией. Напротив, к своему немалому удивлению, я именно там вплотную столкнулся с этой болезнью. Число латентных и потенциальных психозов в сравнении с количеством явных случаев удивительно велико. Я исхожу - не будучи, впрочем, в состоянии привести точные статистические данные, - из соотношения 10:1. Немало классических неврозов, вроде истерии или невроза навязчивого состояния, оказываются в процессе лечения латентными психозами, которые при соответствующих условиях могут перейти в явный факт, который психотерапевту никогда не следует упускать из виду. Хотя благосклонная судьба в большей степени, чем собственные заслуги, уберегла меня от необходимости видеть, как кто-то из моих пациентов неудержимо скатывается в психоз, однако в качестве консультанта я наблюдал целый ряд случаев подобного рода. Например, обсессивные неврозы, навязчивые импульсы которых постепенно превращаются в соответствующие слуховые галлюцинации, или несомненные истерии, оказывающиеся лишь поверхностным слоем самых разных форм шизофрении - опыт, не чуждый любому клиническому психиатру. Как бы там ни было, но занимаясь частной практикой, я был удивлен большим числом латентных случаев шизофрении. Больные бессознательно, но систематически избегали психиатрических учреждений, чтобы обратиться за помощью и советом к психологу. В этих случаях речь не обязательно шла о лицах с шизоидной предрасположенностью, но и об истинных психозах, при которых компенсирующая активность сознания еще не окончательно подорвана.

Прошло уже почти пятьдесят лет с тех пор, как практический опыт убедил меня в том, что шизофренические нарушения можно лечить и излечивать психологическими методами. Шизофреник, как я убедился, ведет себя по отношению к лечению так же, как и невротик. У него те же комплексы, то же понимание и те же потребности, но нет той же самой уверенности и *устойчивости* в отношении собственных основ. В то время как невротик инстинктивно может положиться на то, что его расщепление личности никогда не утратит свой систематический характер и сохранится его внутренняя целостность, латентный шизофреник всегда должен считаться с возможностью неудержимого распада. Его представления и понятия могут потерять свою компактность, связь с другими ассоциациями и соразмерность, вследствие чего он боится непреодолимого хаоса случайностей. Он стоит на зыбкой почве и сам это знает. Опасность часто проявляется в мучительно ярких снах о космических катастрофах, гибели мира и т.п. Или же твердь, на которой он стоит, начинает колебаться, стены гнутся или движутся, земля становится водой, буря уносит его в воздух, все его родные мертвы и т.д. Эти образы описывают фундаментальное расстройство отношений - нарушение раппорта (*связи*) пациента со своим окружением, - и зримо

иллюстрируют ту изоляцию, которая угрожает ему.

Непосредственной причиной такого нарушения является сильный аффект, вызывающий у невротика аналогичное, но быстро проходящее отчуждение или изоляцию. Образы фантазии, изображающие нарушение, могут в некоторых случаях иметь сходство с продуктами шизоидной фантазии, но без угрожающего и ужасного характера последних; эти образы лишь драматичны и преувеличены. Поэтому их можно без вреда игнорировать при лечении. Но совершенно иначе должны оцениваться симптомы изоляции при латентных психозах. Здесь они имеют значение грозных предзнаменований, опасность которых следует распознать как можно раньше. Они требуют немедленных мер - прекращения лечения, тщательного восстановления личных связей (раппорта), перемены окружения, выбора другого терапевта, строжайшего отказа от погружения в бессознательное - в частности, от анализа сновидений - и многого другого.

Само собой разумеется, это только общие меры, а в каждом конкретном случае должны быть свои средства. Для примера я могу упомянуть случай неизвестной мне до того высокообразованной дамы, посещавшей мои лекции по тантрическому тексту, глубоко касавшемуся содержания бессознательного. Она все больше вдохновлялась новыми для нее идеями, не будучи в состоянии сформулировать поднимающиеся в ней вопросы и проблемы. В соответствии с этим возникли компенсаторные сны непонятной природы, быстро превратившиеся в деструктивные образы, а именно, в перечисленные выше симптомы иллюзий. На этой стадии она пришла на консультацию, желая, чтобы я проанализировал ее и помог понять непостижимые для нее мысли. Однако ее сны о землетрясениях, рушащихся домах и наводнениях открыли мне, что пациентку надо спасать от надвигающегося прорыва бессознательного путем изменений нынешней ситуации. Я запретил ей посещать мои лекции и посоветовал ей вместо этого заняться основательным изучением книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление». [Я выбрал именно Шопенгауэра, потому что этот философ, находясь под влиянием буддизма, придает особое значение спасительному действию сознания.] К счастью, она оказалась достаточно рассудительной, чтобы последовать моему совету, после чего сны-симптомы тут же прекратились, и возбуждение спало. Как выяснилось, у пациентки за двадцать пять лет до этого был непродолжительный шизофренический приступ, который за прошедшее время не дал рецидивов.

У пациентов с шизофренией, находящихся в процессе успешного лечения, могут случаться эмоциональные осложнения, вызывающие психотический рецидив или острый начальный психоз, если симптомы, предвещающие опасность (в частности, деструктивные сны) такого рода развития, вовремя не распознаны. Сознание пациента можно, так сказать, увести на безопасное расстояние от бессознательного и обычными терапевтическими мерами, предложив пациенту нарисовать карандашом или красками картину своего психического состояния. (Рисование красками эффективнее, поскольку через краски в изображение вовлекается и чувство). Благодаря этому общий непостижимый и неукротимый хаос объективируется и визуализируется, и может рассматриваться сознательным разумом дистанцированно - анализироваться и истолковываться. Эффект этого метода, видимо, состоит в том, что первоначальное хаотическое и ужасное впечатление заменяется картиной, в некотором роде перекрывающей его. Картина «заклинает» ужас, делает его ручным и банальным, отводит напоминание об исходном переживании страха. Хороший пример такого процесса дает видение брата Клауса, который в долгой медитации с помощью неких диаграмм баварского мистика преобразовал ужасавший его лик Бога в тот образ Троицы, который висит ныне в приходской церкви Заксельна.

Шизоидная предрасположенность характеризуется аффектами, исходящими от обычных комплексов, которые имеют более глубокие разрушительные последствия, чем аффекты при неврозах. С психологической точки зрения аффективные сопутствующие обстоятельства комплекса являются симптоматической спецификой шизофрении. Как уже подчеркивалось, они несистематичны, с виду хаотичны и случайны. Кроме того, они характеризуются по аналогии с некоторыми снами примитивными или архаичными

ассоциациями, тесно связанными с мифологическими мотивами и комплексами идей. Подобные архаизмы случаются также у невротиков и здоровых людей, но гораздо реже.

Даже Фрейд не смог помочь провести сравнение между комплексом инцеста, часто обнаруживающимся при неврозе, и мифологическим мотивом, и выбрал для него подходящее название *Эдипов комплекс*. Но этот мотив далеко не единственный. Скажем, для женской психологии надо было бы выбрать другое название - *комплекс Электры*, как я уже давно предлагал. Кроме них есть еще много других комплексов, которые также можно сопоставить с мифологическими мотивами.

Именно наблюдаемое при шизофрении частое обращение к архаическим формам и комплексам ассоциаций впервые натолкнуло меня на мысль о бессознательном, состоящем не только из первоначально сознательных содержаний, впоследствии утраченных, но также из более глубокого слоя универсального характера, сходного с мифическими мотивами, характеризующими человеческую фантазию вообще. Эти мотивы ни в коей мере не *изобретены или выдуманы*, они *обнаружены* как типичные формы, спонтанно и универсально встречающиеся в мифах, волшебных сказках, фантазиях, снах, видениях и бредовых идеях. Их более внимательное исследование показывает, что речь идет о типичных установках, формах поведения, типах представлений и импульсах, рассматриваемых как составляющие части инстинктивного поведения, типичного для человека. Поэтому термин, который я выбрал для этого, а именно, *архетип*, совпадает по своему смыслу с известным биологическим понятием «*паттерн поведения*». Здесь речь идет вовсе не об унаследованных идеях и представлениях, а об унаследованных инстинктивных побуждениях, импульсах и формах, наблюдаемых у всех живых существ.

Поэтому, если в шизофрении особенно часто встречаются архаические формы, то это, по моему мнению, указывает на тот факт, что биологические основания психического подвержены воздействию в этой болезни в гораздо большей степени по сравнению с неврозом. Опыт показывает, что в снах здоровых людей архаические образы с их характерной нуминозностью возникают, главным образом, в ситуациях, каким-либо образом задевающих основы индивидуального существования, в опасные для жизни моменты, перед или после несчастных случаев, тяжелых болезней, операций и т.д., или же в случае проблем, придающих катастрофический оборот индивидуальной жизни (вообще в критические периоды жизни). Поэтому сны такого рода не только сообщались в древности ареопагу или римскому сенату, но в первобытных обществах и сегодня являются предметом обсуждения, откуда явствует, что за ними исконно признавалось коллективное значение.

Нетрудно понять, что в жизненно важных обстоятельствах мобилизуется инстинктивная основа психического, даже если сознательный разум и не понимает сложившейся ситуации. Можно даже сказать, что как раз в *этом* случае инстинкту предоставляется случай взять на себя бразды правления. Угроза для жизни при психозе очевидна, и понятно, откуда появляются обусловленные инстинктами содержания. Примечательно только, что эти проявления не систематичны, - что сделало бы их доступными сознанию - как, например, в истерии, где одностороннему сознанию личности в качестве компенсации противостоит уравновешенность и рационализм, дающие шанс для интеграции. По контрасту с этим шизофреническая компенсация почти всегда остается крепко привязанной к коллективным и архаическим формам, тем самым лишая себя понимания и интеграции в гораздо большей степени.

Если бы шизофреническая компенсация, т. е. выражение аффективных комплексов, ограничивалась лишь архаическим или мифологическим формулированием, то ассоциативные образы можно было бы понять как *поэтические разглагольствования и иносказания* (poetic circumlocutions). Однако обычно это не так, равно как и в нормальных снах тоже; ассоциации бессистемны, бессвязны, гротескны, абсурдны и, разумеется, почти непонятны или непонятны вообще. То есть продукты шизофренических компенсаций не только архаичны, но еще и искажены хаотической случайностью.

Здесь, очевидно, речь идет о дезинтеграции, распаде апперцепции в том виде, как он

наблюдается в случаях крайнего, по Жане, «понижения ментального уровня» при сильном утомлении и интоксикации. Исключенные из нормальной апперцепции варианты ассоциаций появляются при этом в поле сознания, - именно те многообразные нюансы форм, смыслов и ценностей, которые характерны, например, для действия мескалина. Как известно, этот наркотик и его производные вызывают *снижение* порога сознания, которое позволяет воспринимать перцептивные варианты [Этот термин несколько более специфичен, чем используемое Уильямом Джемсом понятие «кайма сознания» (/77/ - ред.)], обычно остающиеся бессознательными, тем самым удивительно обогащая апперцепцию, но препятствует ее интеграции в общую ориентацию сознания. Именно поэтому аккумуляция вариантов, становящаяся сознательной, дает каждому единичному акту апперцепции возможность полностью загрузить все сознание. Это объясняет и то неотразимое очарование, столь типичное для мескалина. Нельзя отрицать, что шизофреническое восприятие имеет много сходного.

Однако экспериментальный материал не позволяет утверждать с уверенностью, что мескалин и патогенный фактор шизофрении вызывают *одинаковые* расстройства. Бессвязный, жесткий и прерывистый характер апперцепции шизофреника отличается от текучей и подвижной непрерывности мескалинового феномена. С учетом повреждений симпатической нервной системы, обмена веществ и кровообращения вырисовывается общая психологическая и физиологическая картина шизофрении, которая во многих отношениях напоминает токсическое расстройство, что заставило меня еще пятьдесят лет назад предположить наличие специфического обменного (метаболического) токсина. Тогда у меня не было достаточного психологического опыта, и я был вынужден оставить открытым вопрос о первичности или вторичности токсической этнологии». Сегодня я пришел к убеждению, что *психогенная этиология болезни вероятнее, чем токсическая*. Есть много легких и проходящих явно шизофренических заболеваний, не говоря уже о еще более частых латентных психозах, которые чисто психогенно начинаются, так же психогенно протекают и излечиваются чисто психотерапевтическими методами. Это наблюдается и в тяжелых случаях.

Так, например, я вспоминаю случай девятнадцатилетней девушки, которая в семнадцать лет была помещена в психиатрическую больницу из-за кататонии и галлюцинаций. Ее брат был врачом, и так как он сам был замешан в цепь приведших к катастрофе патогенных переживаний, то в отчаянии утратил терпение и дал мне «карт бланш» - включая и возможность суицида - для того, чтобы «наконец было сделано все, что в человеческих силах». Он привез ко мне пациентку в кататоническом состоянии, в полном мутизме, с холодными синими руками, застойными пятнами на лице и расширенными, слабо реагирующими зрачками. Я поместил ее в расположенный неподалеку санаторий, откуда ее ежедневно привозили ко мне на часовую консультацию. После многонедельных усилий мне удалось заставить ее к концу каждого часа шепотом сказать несколько слов. В тот момент, когда она собиралась говорить, у нее каждый раз сужались зрачки, исчезали пятна на лице, вскоре затем согревались и приобретали нормальный цвет руки. В конце концов она начала говорить - поначалу с бесконечными перерывами в течении мыслей и провалами в памяти - и рассказывать мне содержание своего психоза. У нее было лишь очень несистематическое образование, она выросла в маленьком городке в буржуазной среде и не имела ни малейших мифологических или фольклорных познаний. И вот она рассказала мне длинный и подробный миф, описание своей жизни на Луне, где она играла роль женщины-спасителя лунных людей. Классическая связь Луны с «лунатизмом» была ей неизвестна, как, впрочем, и другие многочисленные мифологические мотивы в ее истории. Первый рецидив произошел после приблизительно четырехмесячного лечения и был вызван внезапным прозрением, что она уже не сможет вернуться на Луну после того, как открыла свою тайну человеку. Она впала в состояние сильного возбуждения, так что пришлось перевести ее в психиатрическую клинику. Профессор Блейлер, мой бывший шеф, подтвердил диагноз кататонии. Через приблизительно два месяца острый период постепенно прошел, и пациентка смогла

вернуться в санаторий и возобновить лечение. Теперь она была доступнее для контакта и начала обсуждать проблемы, характерные для невротических случаев. Ее прежняя апатия и бесчувственность постепенно уступили место тяжеловесной эмоциональности и чувствительности. Перед ней все больше открывалась проблема возвращения в нормальную жизнь и принятия социального существования. Когда она увидела перед собой неотвратимость этой задачи, произошел второй рецидив, и ее вновь пришлось госпитализировать в тяжелом приступе бреда. На этот раз клинический диагноз был «необычное эпилептоидное сумеречное состояние» (предположительно). Очевидно, за прошедшее время вновь пробудившаяся эмоциональная жизнь стерла шизофренические черты.

После годичного лечения я смог, несмотря на некоторые сомнения, отпустить пациентку как излеченную. В течение тридцати лет она письмами информировала меня о своем состоянии здоровья. Через несколько лет после выздоровления она вышла замуж, у нее были дети, и она уверяла, что у нее никогда более не было приступов болезни.

Впрочем, психотерапия тяжелых случаев ограничена относительно узкими рамками. Было бы заблуждением считать, что есть более или менее пригодные методы лечения. В этом отношении теоретические предпосылки не значат практически ничего. Да и вообще следовало бы оставить разговоры о *методах*. Что в первую очередь важно для лечения - так это личное участие, серьезные намерения и отдача, даже самопожертвование врача. Я видел несколько поистине чудесных исцелений, когда внимательные сиделки и непрофессионалы смогли личным мужеством и терпеливой преданностью восстановить психическую связь с больным и добиться удивительного целебного эффекта. Конечно, лишь немногие врачи в небольшом количестве случаев могут взять на себя столь тяжелую задачу. Хотя, действительно, можно заметно облегчить, даже излечить психическими методами и тяжелые шизофрении, - но в той степени, в какой это «позволяет собственная конституция». Это очень серьезный вопрос, поскольку лечение требует не только необычных усилий, но может вызвать у некоторых (предрасположенных к тому) терапевтов психические инфекции. В моем опыте при такого рода лечении произошло не менее трех случаев индуцированного психоза.

Результаты лечения порой весьма причудливы. Так, я вспоминаю случай шестидесятилетней вдовы, в течение тридцати лет страдавшей хроническими галлюцинациями после острого шизофренического периода, когда она была помещена в психиатрическую клинику. Она слышала «голоса», исходящие из всей поверхности тела, особенно громкие вокруг всех телесных отверстий, а также вокруг сосков и пупка. Она весьма страдала от этих неудобств. Я принял этот случай (по не обсуждаемым здесь причинам) для «лечения», похожего, скорее, на контроль или наблюдение. Терапевтически случай казался мне безнадежным еще и потому, что пациентка обладала весьма ограниченным интеллектом. Хотя она сносно справлялась со своими домашними обязанностями, разумная беседа с ней была почти невозможна. Лучше всего это получалось, когда я адресовался к голосу, который пациентка называла «голосом Бога». Он локализовался приблизительно в центре грудины. Этот голос сказал, что она должна на каждой нашей встрече читать выбранную мной главу Библии, а в промежутках заучивать ее и раздумывать над ней дома. Я должен был проверять это задание при следующей встрече. Это странное предложение оказалось впоследствии хорошей терапевтической мерой, оно привело к значительному улучшению не только речи пациентки и ее способности выражать свои мысли, но и психических связей. Конечный успех состоял в том, что приблизительно через восемь лет правая половина тела была полностью освобождена от голосов. Они продолжали сохраняться только на левой стороне. Этот непредвиденный результат был вызван постоянно поддерживаемым вниманием и интересом пациентки. (Впоследствии она умерла от апоплексии).

Вообще же уровень интеллекта и образованности пациента имеет большое значение для терапевтического прогноза. В случаях острого периода или в ранней стадии обсуждение

симптомов, в частности, психотических содержаний, имеет величайшую ценность. Так как захваченность архетипическими содержаниями очень опасна, то разъяснение их общего безличного значения представляется особенно полезным, в отличие от обсуждения личных комплексов. Последние являются первопричинами архаических реакций и компенсаций; они в любой момент могут вновь привести к тем же последствиям. Поэтому пациенту нужно помочь хотя бы временно оторвать свое внимание от личных источников раздражения, чтобы он сориентировался в своем запутанном положении. Вот почему я взял бы себе за правило давать умным пациентам как можно больше психологических знаний. Чем больше он знает, тем лучше будет его прогноз вообще; будучи вооружен необходимыми знаниями, он сможет понять повторные прорывы бессознательного, лучше ассимилировать чуждые содержания и интегрировать их в сознание. Исходя из этого, обычно в тех случаях, когда пациент помнит содержание своего психоза, я подробно обсуждаю его с больным, чтобы сделать максимально доступным пониманию.

Правда, этот способ действий требует от врача не только психиатрических знаний - он должен ориентироваться в мифологии, первобытной психологии и т.д. Сегодня такие познания должны входить в арсенал психотерапевта так же, как они составляли существенную часть интеллектуального багажа врача до эпохи Просвещения. (Вспомним, например, средневековых последователей Парацельса!) К человеческой душе, особенно страдающей, нельзя подходить с невежеством непрофессионала, ограниченного знанием в психическом только своих собственных комплексов. Именно поэтому соматическая медицина предполагает основательные знания анатомии и физиологии. Как есть объективное человеческое тело, а не только субъективное и личное, точно так же есть и объективная психика с ее специфическими структурами и процессами, о которых психотерапевт должен иметь (по меньшей мере) удовлетворительное представление. К сожалению, в этом отношении за последние полстолетия мало что изменилось. Правда, было несколько, с моей точки зрения преждевременных, попыток создания теории, которые провалились из-за профессиональных предрассудков и недостаточного знания фактов. Необходимо накопить еще много опыта во всех областях психологии, прежде чем будут обеспечены основы, сопоставимые, например, с результатами сравнительной анатомии. Об устройстве тела мы знаем сегодня бесконечно больше, чем о структуре психики, жизнь которой становится все более важной для понимания соматических расстройств и самого человека.

* * *

Общая картина шизофрении, которая сложилась у меня за пятидесятилетнюю практику и которую я попытался коротко набросать здесь, не указывает на однозначную этиологию этой болезни. Правда, поскольку я исследовал свои случаи не только в рамках анамнеза и клинических наблюдений, но и аналитически, то есть с помощью снов и вообще психотического материала, я смог выявить не только начальное состояние, но и компенсацию в ходе лечения, и должен констатировать, что мне не встречались случаи, которые бы не имели логически и причинно взаимосвязанного развития. При этом я отдаю себе отчет, что материал моих наблюдений состоит, в основном, из более легких, корригируемых случаев и латентных психозов. Я не знаю, как обстоят дела с тяжелыми кататониями, которые могут привести к летальному исходу и которые, естественно, не встречаются на приеме у психотерапевта. Таким образом, я оставляю открытой возможность существования таких форм шизофрении, при которых психогенная этиология мало значима.

Несмотря, однако, на несомненную психогенность большинства случаев шизофрении, в ее течении наступают осложнения, которые трудно объяснить психологически. Как указывалось выше, это происходит в окружении патогенного комплекса. В нормальном случае и при неврозе формирующий комплекс или аффект вызывает симптомы, которые можно истолковать как более легкие формы шизофренических, - прежде всего, известное *«понижение ментального уровня»* с характерной для него односторонностью, затруднением суждения, слабостью воли и характерными реакциями, такими, как заикание, персеверации, стереотипность, аллитерации и ассонансы в речи. Аффект проявляется и как источник

неологизмов. Все эти феномены учащаются и усиливаются при шизофрении, что недвусмысленно указывает на чрезвычайную силу аффекта. Как часто бывает, аффект не всегда проявляется внешне, драматически, но развивается, невидимый внешнему наблюдателю, как бы внутрь, где он вызывает интенсивные бессознательные компенсации, отвечая, таким образом, за характерную апатию шизофреника. Подобные явления проявляются особенно в бредовых речах и в сновидениях, овладевающих сознанием с неотвязной силой. Степень неотразимости соответствует силе патогенного аффекта и ею же, как правило, и объясняется.

В то время как в области нормы и неврозов острый аффект проходит сравнительно быстро, а хронический аффект не слишком сильно расстраивает общую ориентацию сознания и дееспособность, шизофренический комплекс обладает несравненно более мощным воздействием. Его проявления становятся фиксированными, сравнительная автономия делается абсолютной, и он столь полно овладевает сознательным разумом, что отчуждает и разрушает личность. Он не создает «раздвоенную личность», а лишает эго-личность власти, узурпируя его место. Это наблюдается лишь в самых острых и тяжелых аффективных состояниях: при патологических аффектах и бредовых состояниях. Нормальная форма подобного состояний - сновидение, которое, в отличие от шизофрении, имеет место не при бодрствовании, а во сне.

Возникает дилемма: слабость эго-личности или сильный аффект тому первопричина? Я считаю, что последнее перспективнее - по следующим причинам. Общеизвестная слабость эго-сознания в состоянии сна практически ничего не значит для психологического понимания содержания сновидения. А вот окрашенный чувством комплекс и динамически, и содержательно оказывает решающее воздействие на смысл сновидения. Этот вывод можно применить и к шизофрении, ибо вся феноменология этой болезни концентрируется в патогенном комплексе. При попытке объяснения лучше всего исходить именно из этого и рассматривать слабость эго-личности как вторичное и деструктивное последствие окрашенного чувством комплекса, возникшего в области нормального, но впоследствии взорвавшего единство личности своей интенсивностью.

Каждый комплекс, в том числе и при неврозах, обладает явной тенденцией к нормализации, встраиваясь в иерархию высших психических связей или, в худшем случае, порождая новые диссоциации (расщепленные субличности), совместимые с эго-личностью. В отличие от этого при шизофрении комплекс остается не только в архаическом, но и хаотически-случайном состоянии вне зависимости от своего социального аспекта. Он остается чуждым, непонятным, асоциальным, как и большинство сновидений. Эта их особенность объясняется состоянием сна. По сравнению с ними для шизофрении в качестве объясняющей гипотезы приходится использовать специфический патогенный фактор. Им может являться токсин специфического действия, вырабатываемый под воздействием чрезмерного аффекта. Он не оказывает общего воздействия, расстройства функций восприятия или двигательного аппарата, а действует только в окружении патогенного комплекса, ассоциативные процессы которого вследствие интенсивного понижения ментального уровня опускаются до архаической ступени и разлагаются на элементарные составные части.

Однако этот постулат заставляет думать о локализации, что может показаться слишком смелым. Правда, похоже, что двум американским исследователям недавно удалось вызвать галлюцинаторное видение архетипического характера путем раздражения ствола мозга. Речь идет о случае эпилепсии, в котором продромальным симптомом припадка всегда выступало видение круга в квадрате (квадратуры круга = *quadratura circuli*). [Американскими исследователями были У. Пенфилд и Г. Джас-пер, и случай (случай А. Бра), на который ссылается Юнг обнаружен в их книге «Эпилепсия и функциональная анатомия человеческого мозга (1954) /78/, - ред.] Этот мотив входит в длинный ряд так называемых символов *мандалы*, локализацию которых в мозговом стволе я давно предполагал. Психологически речь идет об архетипе, имеющем центральное значение и всеобщее

распространение, спонтанно появляющемся независимо от всякой традиции в образах бессознательного. Он легко распознается и не может остаться тайной ни для кого, кто видит сны. Причина, заставившая меня предположить такую локализацию, состоит в том, что именно этому архетипу присуща роль направляющего, «инстанции порядка». Причина, приведшая меня к предположению локализации физиологической основы этого архетипа в стволе головного мозга, заключалась в том, что сам психологический факт, который, будучи специфически характеризуем в качестве инстанции порядка и ориентирующей роли для своих объединяющих свойств, является аффективным по своему основному признаку. Я мог предположить, что такая субкортикальная система могла бы тем или иным образом отражать характеристики архетипических форм в бессознательном. Они никогда не бывают четко очерченными образованиями, но всегда имеют окаймления, которые делают их трудными или даже невозможными для описания, поскольку они могут оказаться не только частично совпадающими, но и вовсе неразличимыми. В результате, похоже, что мы имеем дело с несовместимыми значениями. [Теория о том, что ретикулярная формация, или центроцефалическая система (простирающаяся от медуллы облонгаты до базальных ганглий и до таламуса) есть, возможно, та интегративная система моз-га, которая, как кажется, могла бы сделать предположение Юнга более специфичным и поставить его на экспериментальную основу. См. рабо-ты Пенфилда и Джаспера /78/. - ред.] Поэтому символы мандалы часто появляются в моменты духовной дезориентации - как компенсирующие, упорядочивающие факторы. Последний аспект выражается преимущественно *математической структурой символа*, известной герметической натур-философии еще с поздней античности как аксиома Марии Пророчицы (представительница неоплатонической философии 3 века), и бывшей в течение 1400 лет предметом интенсивных спекуляций. [Исторической основой этого, вероятно, мог бы послужить «Тимей» Платона с его космогоническими трудностями. (Ср. «Попытка пси-хологического истолкования догмата о Троице», в /75- стр.5-108/, - ред.)]

Если бы последующий опыт подтвердил мысль о локализации архетипа, то саморазрушение патогенного комплекса специфическим токсином стало бы намного вероятнее, и появилась бы возможность объяснить деструктивный процесс как своего рода ошибочную биологическую защитную реакцию.

Впрочем, пройдет еще немало времени, пока физиология и патология мозга, с одной стороны, и психология бессознательного, с другой, смогут соединиться. До этого им, видимо, придется шагать по разным дорогам. Но психиатрия, которую интересует целостный человек, призвана решать задачи понимания и лечения болезни и вынуждена учитывать как одну, так и другую сторону - вопреки пропасти, разделяющей оба аспекта психического феномена. Хотя нашему пониманию не дано пока найти мосты, соединяющие друг с другом видимость и осязаемость мозга и кажущуюся бесплотность психических форм и образов, но есть несомненная уверенность в их существовании. Пусть эта уверенность убережет исследователей от опрометчивого и нетерпеливого пренебрежения одним ради другого или даже стремления заменить одно другим. Природы ведь не было бы без субстанциональности - как не было бы ее и без психической рефлексии.

Приложение

[Опубликовано в «Химические понятия психоза». (Труды симпозиума) под ред. Макса Ринкеля и Германа Денбера. New York, 1958.]

В письме к Председателю Симпозиума о химическом понимании психоза, проведенного на Втором международном конгрессе по психиатрии в Цюрихе (сентябрь (1-7), 1957 года), профессор Юнг сообщает следующее:

Пожалуйста, передайте мою искреннюю благодарность открывающейся сессии вашего Общества. Я рассматриваю как большую честь быть номинированным в качестве почетного Президента, хотя мой подход к химическому решению проблем, представленных случаями шизофрении, несколько отличается от вашего, поскольку я рассматриваю

шизофрению с психологической точки зрения. Но именно мой психологический подход привел меня к гипотезе о химическом факторе, без которого я не имел возможности объяснить некоторые патогномоничные [Патогномоничный - характерный для определённой болезни. - ред.] детали в симптоматологии шизофрении. Я пришел к химической гипотезе скорее путем психологического исключения нежели в результате специальных химических исследований. Поэтому я приветствую ваши химические попытки с огромным интересом.

Поясню уже сказанное. Я рассматриваю этиологию шизофрении двойственным путем, а именно: вплоть до определенного момента психология необходима и обязательна для объяснения природы и причин изначальных эмоций, запускающих метаболические изменения. Эти эмоции, по всей видимости, сопровождаются химическими процессами, которые вызывают специфические - временные или хронические - нарушения или поражения.

Ссылки

1. Erich Arndt. Ueber die Geschichte der Katatonie. 1902.
2. Freusberg. Ueber motorische Symptome bei einfachen Psychosen. 1886.
3. Психиатрия, учебник для студентов и врачей. 1883.
4. К проблеме кататонии. 1898.
5. Allg. Zeitschr. f. Psych. Bd. L.
6. Zur Syraptomatologie der Katatonie. 1906.
7. Нейссер. Ueber die Katatonie. Stuttgart-Enke, 1887.
8. E. Meyer. Beitrag zur Kenntniss der akut entstandenen Psychosen. Berlin, 1892.
9. Зоммер. Lehrbuch der psychopathologischen Untersuchungsmethoden. 1899.
10. Фурман. Ueber akute juvenile Verblodung. 1905.
11. Diem. Die einfach gemeinte form der dementia simplex. Arch. f. Psych. Bd. XXXVII.
12. Breukink. Ueber eknoische Zustaende. Monatsschrift f. Psych, u. Neur., Bd. XIV.
13. Bonhoeffer. Deutsche med. Wochenschrift Nr. 39, 1904.
14. Flournoy. From India to the Planet Mars. 1900.
15. Flournoy. Nouvelles observations sur un cas de somnambulisme avec glossalalie. 1901.
16. Jung C. G. Zur Psychologie und Pathologic sogenannter occulter Phaenomene. Leipzig, 1902.
17. Diagn. Assoc.-Stud., IV Beitrag. Ueber das Verhalten der Reactionszeit beim Assoziationsexperiment. J. A. Barth, Leipzig, 1901.
18. R. Vogt: Zur Psychologie der katatonen Symptome, Zentralbl. fuer Nervenheilkunde und Psych. Bd. XIX., S. 433.
19. Stransky. Ueber die Sprachverwirrtheit. Marhold, Halle, 1905.
20. Гейльбруннер. Ueber Haftenbleiben und Stereotypie (Monatsschrift f. Psych, u. Neur., Bd. XVIII, Erg.-Heft).
21. Кайзер. Differentialdiagnose zwischen Hysterie und Katatonie, Allgemeine Zeitschrift f. Psych. LVIII.
22. P. Janet: Les obsessions et la psychasthenie. Paris, 1903.
23. Бине. Attention et adaption. Annee psychologique, 1900.
24. Evensen. Die psychologische Grundlage der Krankheitszeichen. Neurologic. Zentralbl. f. Neur. Psych, usw. Изд. K. Miura - Tokio, Bd. II.
25. Masselon. Psychologie des dementis precoces. Thuse de Paris, 1902.
26. Masselon. La demence precoces. Paris, 1904.
27. Riklin. Zur Psychologie Hysterischer Daemmerzustaende und der Ganserschen Symptoms. Psychol.-Neurol. Wochenschrift, 1904.
28. Кант. Критика практического разума.
29. W. Weygandt: Alte dementia praecox. Zentralblatt f. Nervenheilkunde u. Psychiatrie. Jahrgang XXVII.

30. Вундт. Grundriss der Psychologie. 1902.
31. Вундт. Grundzuege der physiologischen Psychologie. 1903.
32. Pelletier. L'association des idees dans la manie aigue et dans la debilite mentale. Thuse de Paris, 1903.
33. Liepmann. Ueber Ideenflucht, Begriffsbestimmungen und psychologische Analyse. Halle, 1904.
34. Chaslin. La confusion mentale primitive.
35. Блейлер. Die neganive Suggestabilitaet ein psychologisches Prototyp des Negativismus. 1905.
36. Паульхан. L'Activite mentale et des elements de l'esprit. 1889.
37. Жане. Les Obsessions et la psychasthenie. 1903.
38. Пик. On Contrary Actions. 1904.
39. Свенсон. Om Katatoni. 1902.
40. Дж. Ройс. The Case of John Bunyan. 1894.
41. Stransky. Zur Kenntnis gewiser erworbener Bloedsinnsformen. 1903. // Jahrb. f. Psych., Bd. XXIV.
42. Stransky. Zur Lehre von der dementia praecox. // Zentralbl. f. Nevenheilkunde u. Psych., XXII Jahrgang.
43. Stransky. Zur Auffassung gewisser Symptome der dementia praecox. // Neurol. Zentralbl. 1904, NN 23, 24.
44. Rud. Meringer, Karl Meyer. Versprechen und Verlesen. Eine psychologisch-linguistische Studie. Stuttgart, Goeschen, 1885.
45. Stransky. The Association of Normal Subjects.
46. Нейссер. Ueber die Sprachneubildungen Geisteskranker. // Allg. Zeitschr. f. Psych. LV.
47. Gross. Ueber Bewusstseinszerfall. Monatschrift f. Psych. u. Neur.
48. Gross. Beitrage zur Pathologie des Negativismus. Psych-Neur. Wochenschrift. 1903, Nr.26.
49. Gross. Zur Nomenklatur dementia sejunctiva. Neurol. Zentralbl. 1906, Nr.26.
50. Gross. Zur Differentialdiagnostik negativistischer Phaenomene. Psych.-Neur. Wochenschr. 1908, Nr.37,38.
51. Freud. Ueber den psychischen Mechanismus psychischer Phaenomene. // Neurol. Zentralbl. 1893, H.1 u. 2.
52. Tiling. Individuelle Geistesartung und Geistesstoerung.
53. Tiling. Zur Aetiologie der Geistesstoerungen. // Zentralbl. f. Nervenheilkunde u. Psych. 1903.
54. Neisser. Individualitaet u. Psychose. Berlin, 1906.
55. Freud. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie. Deuticke, Leipzig u. Wien, 1905.
56. Крепелин. Ueber Sprachstoerungen im Traum. // Psych Arbeiten, Bd.V, H.1.
57. Stadelmann. Geisteskrankheit u. Naturwissenschaft. Muenchen, 1905.
58. Riklin. Analytische Untersuchungen der Symptome und Assoziationen tines Falles von Hysterie. Psych.-Neur. Wochenschrift, 1905.
59. Forel. Selbstbiographie eines Falles von Mania Acuta.
60. Schreber. Denkwuerdigkeiten eines Nervenkranken. Mutze, Leipzig.
61. Jung C. G. Bin Fall von hysterischem Stupor bei einer Untersuchungsgefangenen. // Journal fuer Psych. u. Neurol. 1902.
62. Weiskorn, «Transitorische Geistesstoerungen beim Geburtsakt». 1897.
63. Riklin. Ueber Versetzungsbesserungen. Psych.-Neurol. Wochenschrift, 1905.
64. Cf. Margulies. Die primaere Bedeutung der Afiekte im ersten Stadium der Paranoia. 1906.
65. Клаус. Catatonie et stupeur. Bruxelles, 1903.
66. Mendel. Leitfaden der Psych.
67. Santa de Santis. Die Traeume. Halle, 1901.

68. Kazowsky. Neurolog. Zentralblatt, 1901.
69. Pfister. Ueber Verbigeration. Vortrag auf der Versammlung des Deutschen Vereins fuer Psych. in Muenchen. // Neurol.-Psych. Wochenschrift. Nr.7, 1906.
70. Meige et Feindel. Le Tic.
71. Блейлер. Dementia Praecox, oder die Gruppe der Schizophrenien. Leipzig und Vienna, 1911.
72. Bressler. Kulturhistorischer Beitrag zur Hysterie. 1897.
73. Zundel, Pfarrer. Blumhardt. 1880.
74. К. Г. Юнг. Психологические типы. СПб., 1996.
75. К. Г. Юнг. Ответ Иову. М., 1995.
76. Блейлер. Zur Theorie des schizophrenen Negativismus // Ps.-neur. Wochenschrift (Halle), XII (1910-1911), 171.
77. В. Джемс. Прагматизм. СПб., 1910.
78. W. Penfield, H. Jasper. Epilepsy and the Functional Anatomy of the Human Brain. 1954.

Практическое использование анализа сновидений

Терапевтическая применимость анализа сновидений – все еще очень спорная тема. Многие считают анализ сновидений в лечении неврозов обязательным и тем самым поднимают сновидение до функции, эквивалентной по психической важности сознанию. Другие, напротив, оспаривают правомерность анализа сновидений и, следовательно, считают их маловажным, побочным психическим продуктом. Само собой разумеется, что всякая точка зрения, приписывающая бессознательному решающую роль в этиологии неврозов, одновременно признает важное практическое значение сновидений как непосредственного проявления бессознательного. Точно так же воззрения, отвергающие бессознательное или хотя бы считающие его этиологически незначимым, объявляют и анализ снов необязательным. Можно было бы посчитать достойным сожаления, что в лето Господне 1931, более чем через полстолетия после того, как Карус (Carus) предложил понятие бессознательного, более чем столетием после того, как Кант говорил о "неизмеримом поле темных представлений", почти через 200 лет после того, как Лейбниц постулировал бессознательное психическое, не говоря уже о достижениях Жана, Флурнуа (Flournoy) и многих других, – что после всего этого существование бессознательного еще может быть предметом противоречий. Но я не собираюсь здесь, когда речь идет исключительно о практическом вопросе, провозглашать апологию бессознательного, хотя специальная проблема анализа сновидений существует и рушится вместе с гипотезой бессознательного. Без нее сновидение всего лишь *lusus naturae* (Игра природы (лат.) – Прим. пер.), бессмысленный конгломерат рассыпавшихся остатков дня. Если бы это действительно было так, то для дискуссии о применимости анализа сновидений не было бы оправдания. Мы вообще можем обсуждать эту тему, только признав бессознательное реальным, так как цель анализа сновидений – не некое умственное упражнение, но выявление и осознание бессознательных содержаний, представляющихся важными для объяснения или лечения невроза. Кому эта гипотеза представляется неприемлемой, для того не существует и вопроса применимости анализа сновидений.

Итак, поскольку наша гипотеза предполагает этиологическое значение бессознательного, и поскольку сновидения являются непосредственными проявлениями бессознательной психической деятельности, то попытка анализа и толкования сновидений, по крайней мере с научной точки зрения,

теоретически оправданное предприятие. Если эта попытка удастся, то, помимо возможного терапевтического эффекта, в первую очередь можно ожидать от нее научного объяснения структуры и этиологии душевных проявлений. Но так как для практика научные открытия могут означать разве что приятный побочный продукт терапевтической

деятельности, то возможность теоретического освещения этиологической подоплеки, пожалуй, вряд ли будет достаточным мотивом или даже показанием для практического использования анализа сновидений. Разве что врач ожидает терапевтического эффекта как раз от такого теоретического освещения. В этом случае он возводит применение анализа сновидений во врачебную обязанность. Как известно, фрейдовская школа в основном придерживается взгляда, что распознавание и объяснение, т.е. полное осознание бессознательных этиологических факторов имеет величайшее терапевтическое значение.

Если мы согласимся с тем, что это ожидание подтверждается фактами, то остается только вопрос, исключительно или относительно (т.е. в комбинации с другими методами) пригоден анализ сновидений или же он вообще не годится для выявления бессознательной этиологии. Я могу, очевидно, исходить из того, что фрейдовская позиция известна. Я также могу подтвердить эту позицию в той мере, в какой сны, особенно инициальные (т.е. в самом начале лечения) нередко недвусмысленно демонстрируют этиологически существенный фактор. Следующий пример может служить иллюстрацией сказанного.

Мужчина, занимающий руководящее положение, обращается ко мне за консультацией. Он страдает от страхов, неуверенности, головокружения (иногда до тошноты), стеснения дыхания – состояние, очень напоминающее горную болезнь. Пациент сделал чрезвычайно успешную карьеру. Он начал свою жизнь как честолюбивый сын бедного крестьянина и поднялся благодаря большому труду и хорошим способностям со ступени на ступень до руководящего положения, открывавшего колоссальные перспективы для продолжения социального взлета. Он действительно достиг того трамплина, с которого он мог бы начать полет ввысь, если бы ему неожиданно не помешал его невроз. Пациент не мог не произнести в этом месте сакраментальную фразу, начинающуюся стереотипными словами: "И как раз сейчас, когда ..." и т.д. Симптоматика горной болезни, пожалуй, особенно подходит для яркой характеристики своеобразной ситуации пациента. Он принес на консультацию два сновидения предыдущей ночи. Первый сон: *"Я снова в маленькой деревне, где я родился. На улице стоят несколько крестьянских мальчишек, которые ходили со мной в школу. Я делаю вид, что не знаю их, и иду мимо. Тут я слышу, как один из них говорит, указывая на меня: "Этот тоже нечасто приезжает в нашу деревню".*

Не нужна никакая акробатика, чтобы увидеть в этом сне указание на скромную исходную точку его карьеры и понять, что значит этот намек. Он, очевидно, хочет сказать: "Ты забываешь, как глубоко внизу ты начал".

Второй сон: *"Я очень спешу, потому что хочу уехать. Собираю еще свой багаж, ничего не нахожу. Время поджидает, поезд скоро уйдет. Наконец мне удастся собрать свои пожитки, я выбегаю на улицу, обнаруживаю, что забыл папку с важными документами, запыхавшись, бегу назад, нахожу ее наконец, несусь к вокзалу, но почти не продвигаюсь вперед. Наконец, последним усилием, выбегаю на перрон, чтобы увидеть, как поезд выезжает из вокзала. Он длинный, идет по странной S-образной кривой, и я думаю: если машинист не будет внимателен и даст полный ход, выйдя на прямой участок, то задние вагоны поезда еще будут на развороте и при ускорении сойдут с рельсов. И точно, машинист дает полный ход, я пытаюсь кричать, задние вагоны, ужасно качаются и действительно сходят с рельсов. Страшная катастрофа. Я просыпаюсь в ужасе".*

Здесь также нетрудно понять картину сновидения. Сначала оно рисует напрасную нервную спешку в стремлении пойти еще дальше, несмотря ни на что. Но так как машинист все же безоглядно рвется вперед, то сзади возникает невроз, неустойчивость и срыв.

Пациент, очевидно, на нынешнем отрезке жизни достиг своего потолка, низкое происхождение и труды долгого подъема истощили его силы. Ему следовало бы удовлетвориться достигнутым, но вместо этого его честолюбие гонит его дальше, все выше, в слишком разреженную для него атмосферу, к которой он не приспособлен. Поэтому его настигает предостерегающий невроз.

По некоторым причинам я не мог продолжать лечение пациента, да и моя точка зрения

ему не понравилась. Поэтому намеченная в этом сновидении судьба пошла своим чередом. Он тщеславно попытался использовать свой шанс, и при этом настолько "сошел с рельсов" в своей работе, что катастрофа стала реальностью.

То, что на основе анамнеза можно было только предполагать, – горная болезнь, символизирующая невозможность подняться выше — подтверждается сновидениями как факт.

Здесь мы наталкиваемся на важный в использовании анализа сновидений факт: сон рисует внутреннюю ситуацию, реальность которой сознание вообще не признает или признает неохотно. Сознательно пациент не видит ни малейшего основания останавливаться, напротив, он тщеславно рвется вверх и отрицает собственную несостоятельность, которая отчетливо проявилась в последующих событиях его жизни. Мы не можем быть точно уверены в анамнезе, полученные с его помощью сведения можно толковать двояко. В конце концов, и простой солдат носит маршалский жезл в своем ранце, и не один сын бедных родителей достиг высочайшего успеха. Почему здесь это невозможно? Мое суждение может быть ошибочным, более того, почему моя догадка должна быть лучше, чем у пациента? И вот тут-то вступает сновидение как выражение непроизвольного, неподвластного влиянию сознания, бессознательного психического процесса, представляющего внутреннюю правду и действительность такой, как она есть; не потому что я предполагаю, что ее таковой, не желаемой, а такой, *как есть*. Поэтому я взял себе за правило рассматривать сновидения сначала как физиологические проявления: если в моче сахар, то там сахар, а не белок, мочевины или что-нибудь еще, что, возможно, больше соответствовало бы моим ожиданиям. То есть я вижу в сновидении диагностически полезный факт.

Мой маленький пример из сновидения дал больше, чем мы ожидали. Сон дал нам не только этиологию невроза, но и прогноз, более того: мы даже непосредственно узнали, где должна начинаться терапия. Мы должны помешать пациенту дать полный ход. Ведь он сам себе говорит это во сне.

Давайте пока удовлетворимся этим намеком и вернемся к нашим рассуждениям, пригодны ли сновидения для выявления этиологии неврозов. Мой пример показывает положительный в этом отношении случай. Но я без труда мог бы процитировать бесчисленные инициальные сны, в которых нельзя распознать и следа этиологического фактора, даже если речь идет о снах весьма прозрачных. Дело в том, что я хотел бы пока оставить в стороне сновидения, требующие подробного анализа и толкования.

Как известно, есть неврозы, подлинная этиология которых выясняется только в самом конце, и есть также неврозы, этиология которых более или менее непринципиальна. Тут я возвращаюсь к гипотезе, из которой мы исходили, что осознание этиологического фактора обязательно. В этом предположении скрыта существенная часть старой травматической теории. Хотя я и не отрицаю совсем, что многие неврозы травматогенны, но не согласен, что *все* неврозы вызываются травмой (в смысле решающей роли детских переживаний). Такое представление обуславливает каузалистское, ориентированное в основном на прошлое внимание врача, всегда задающее только вопрос "почему" и не интересующееся не менее существенным "для чего" часто во вред пациенту, которого всем этим вынуждают иногда годами искать детское переживание, грубейшим образом пренебрегая вещами, которые были бы непосредственно важны. Чисто каузалистская установка слишком узка и не отвечает ни сущности сновидения, ни природе невроза. Поэтому подход, использующий сновидения только для выявления этиологического фактора, предвзят и игнорирует большую часть того, что может дать сон. Наш пример как раз мог бы показать, что, хотя этиология ясно выделена, но наряду с ней дан еще и прогноз или антиципация (Предвосхищение. –Прим. пер.), а также терапевтическая подсказка. К тому же бывает много инициальных сновидений, которые не затрагивают этиологию, а касаются совершенно других вопросов, например, отношения к врачу.

В качестве примера я хочу привести три сновидения одной и той же пациентки, приснившиеся в начале лечения у трех различных аналитиков. Первый сон: "Мне надо бы

перейти границу, но я нигде не нахожу ее и никто не может мне сказать, где она". Это лечение было вскоре прервано как безрезультатное. Второй сон: "Мне надо бы перейти границу. Темная ночь, и я не могу найти таможенную. После длительных поисков я обнаруживаю маленький огонек вдаль и предполагаю, что там граница. Но чтобы попасть туда, мне нужно пройти ложбину и темный лес, в котором я теряю ориентацию. Тут я замечаю, что рядом кто-то есть. Вдруг он как сумасшедший вцепляется в меня и я в ужасе просыпаюсь".

Это лечение было прервано через нескольких недель из-за того, что сложилась бессознательная идентичность аналитика и пациентки, вызвавшая полную дезориентацию.

Третий сон приснился в начале лечения у меня. *"Я должна перейти границу, то есть я ее уже перешла и нахожусь в швейцарской таможене. У меня только дамская сумочка и я думаю, что мне ничего не надо декларировать. Однако таможенник открывает мою сумку и, к моему удивлению, вытаскивает целых два матраца"*.

Пациентка вышла замуж во время моего лечения, которому она поначалу сильно сопротивлялась. Этиология этого невротического сопротивления стала ясна только через много месяцев, она совершенно не затрагивалась в инициальных снах. Все сны без исключения являются предвосхищением и касаются трудностей, ожидаемых у соответствующего врача.

Я надеюсь, что эти примеры наряду с другими, подобными, показывают, что сновидения часто являются антиципациями, при чисто каузалистской интерпретации полностью теряющими свой истинный смысл. Эти сны дают ясную информацию об аналитической ситуации, правильная оценка которой имеет огромное терапевтическое значение. Врач номер один, правильно оценив ситуацию, направил пациентку к врачу номер два. У последнего пациентка сама сделала выводы из сна и ушла по своей воле. Мое толкование хоть и разочаровало ее, но тот факт, что сон изобразил переход границы состоявшимся, решительно помог ей выдержать анализ, несмотря на все трудности.

Инициальные сновидения часто удивительно прозрачны и ясны. Но с продвижением анализа они вскоре теряют эту ясность. Если же в виде исключения она сохраняется, то можно быть уверенным, что анализ вообще не затронул существенную часть личности. Как правило, вскоре после начала лечения сны становятся менее прозрачными и четкими, что сильно затрудняет их толкование – в том числе и потому, что можно достигнуть уровня, на котором врач действительно больше не в силах охватить ситуацию. Доказательство этому – весьма субъективный (для врача) вывод о том, что сны становятся все непонятнее. Для сведущего нет ничего неясного, лишь непонимающему вещи представляются запутанными и смутными. Природа снов сама по себе ясная, они точно соответствуют истинному положению дел. Взглянув на такие сны в последующей стадии лечения или даже спустя годы, часто хватаешься за голову: как можно было быть таким слепым? То есть если мы в ходе анализа натываемся на сны, которые, в отличие от ясных инициальных сновидений, явно темны, врачу следует не обвинять их в запутанности или пациента в намеренном сопротивлении, а воспринимать это как признак своего начинающегося непонимания. Точно так же психиатр, называющий пациента запутанным, должен распознать свою проекцию и назвать путаником самого себя, так как своеобразное поведение больного мешает пониманию его патологии. Кроме того, терапевтически чрезвычайно важно своевременно дать себе в этом отчет, ведь ничто не вредит пациенту больше, чем постоянное (якобы) понимание. Он и так полагается на таинственное умение врача, провоцируя его профессиональное тщеславие, он буквально поселяется в самоуверенном "глубоком" понимании врача и теряет при этом всякое чувство реальности, что становится одной из существенных причин упорных переносов и задержек в лечении.

Понимание, как известно, – очень субъективный процесс. Он может быть односторонним, когда врач понимает, а пациент нет. В этом случае врач считает своей обязанностью убедить пациента, а если тот вдруг не поддается убеждению, то врач упрекает его в сопротивлении. В этом случае, то есть когда понимание односторонне, можно спокойно

говорить о *непонимании*, потому что в принципе не важно, понимает ли врач; но все зависит от того, понимает ли пациент. Поэтому понимание должно быть, скорее, *взаимопониманием* как плодом совместных размышлений. Опасность при одностороннем понимании состоит как раз в том, что врач составляет суждение о смысле сна на основании предвзятого мнения, соответствующего теории или даже истинного по существу. Но оно не вызовет добровольного согласия пациента и потому практически неверно; неверно еще и потому, что предвосхищает и тем самым парализует развитие пациента. Пациенту нельзя внушить истину, при этом мы обращаемся только к его голове, он должен сам дойти до этой истины – тогда мы достигнем сердца, что затрагивает глубже и действует сильнее.

Если же толкование врача соответствует только какой-либо теории или иному предвзятому мнению, то, даже если удастся убедить пациента или достичь известного успеха, причиной будет главным образом *внушение*, в отношении которого не следует тешиться иллюзиями. Конечно, в суггестивном воздействии нет ничего плохого, но его успех имеет свои пределы, оно также влияет на самостоятельность характера, что на длительную перспективу нежелательно. Тот, кто занимается аналитическим лечением, имплицитно верит в смысл и ценность сознания, благодаря которому ранее бессознательные части личности подчиняются сознательному выбору и критике. Это ставит перед пациентом проблемы и требует сознательных оценок и решений. Но это означает, по существу, прямую провокацию этической функции и мобилизацию всей личности. Поэтому в отношении созревания личности аналитическое вмешательство стоит намного выше, чем внушение, представляющее собой нечто вроде волшебного средства, действующего во тьме и никогда не предъявляющего этических требований к личности. Внушение – всегда иллюзорное и лишь вспомогательное средство, поэтому его по возможности следует избегать как несовместимого с принципом аналитического лечения. Конечно, во избежание суггестии врач должен осознавать ее возможность. Бессознательно же для него остается более чем достаточно суггестивного воздействия.

Если мы хотим не допустить сознательного внушения, то следует рассматривать толкование сновидения как неверное до тех пор, пока не найдена формула, с которой пациент будет согласен.

Эти правила обязательно надо учитывать в работе со сновидениями, неясными лишь потому, что ни врач, ни пациент их не понимают. Врач должен рассматривать такие сны как нечто совершенно новое, как информацию о неизвестных условиях, которые одинаково хорошо нужно понимать и ему, и пациенту. При этом само собой разумеется, что он отказывается от всяких теоретических предположений, и в каждом отдельном случае готов открыть новую теорию сновидений, ибо здесь необъятное поле деятельности для первопроходческой работы. То, что сны представляют собой лишь исполнение вытесненных желаний, – давно устаревшая точка зрения. Конечно, есть и сны, явно рисующие исполнившиеся желания или опасения. Но чего только в снах нет! Сны могут быть безжалостными истинами, философскими сентенциями, иллюзиями, дикими фантазиями, воспоминаниями, планами, предвосхищением событий, даже телепатическими видениями, иррациональными переживаниями и Бог знает чем еще. Нельзя забывать: почти половина нашей жизни протекает в более или менее бессознательном состоянии. Специфическим проявлением бессознательного является сновидение. Как у души есть дневная сторона, сознание, так у нее есть и ночная сторона, бессознательная психическая жизнь, которую можно было бы представить себе как подобное сновидению фантазирование. И как в сознании есть не только желания и опасения, но и бесконечное множество других вещей, так существует и большая вероятность того, что наша сновидящая душа обладает таким же, а может, даже и намного большим богатством смыслов и возможностей, чем сознание, принципиальная природа которого заключается в концентрации, ограничении и исключительности.

При таком положении дел было бы не только оправдано, но настоятельно необходимо не допускать при анализе априорного доктринерского ограничения смысла сновидения.

Нужно помнить, что нередко бывают пациенты, которые в духе старой сентенции даже в своих снах воспроизводят технический или теоретический жаргон соответствующего врача: *Canis panem somniat, piscator pisces* (Собаке снится хлеб, рыбаку рыба (лат.). –Прим. пер.)

Причем это совсем не значит, что рыбы, которые снятся рыбаку – всегда только рыбы и ничего больше. Нет языка, который нельзя было бы использовать иносказательно. Нетрудно представить, как это может сбить врача с толку; бессознательное как будто даже имеет известную тенденцию "закручивать" врача в его собственной теории до изнеможения. Поэтому именно при анализе сновидений я стараюсь как можно больше отрешиться от теории (конечно, не совсем, ибо немного теории всегда необходимо), чтобы правильно понимать вещи. Теоретически мы ожидаем, что сон вообще имеет смысл. Это не всегда так, ведь есть сны, просто непонятные – ни врачу, ни пациенту. Но это нужно допустить, чтобы вообще заниматься снами. Еще одна теория – что сон прибавляет сознательного понимания, а если это не так, то он недостаточно истолкован. Эту гипотезу мне приходится допускать, чтобы объяснить себе, почему я вообще анализирую сны. А вот все прочие теории, например, о функциях и структуре сновидения, – просто рабочие правила, подлежащие постоянной модификации. При этой работе ни на мгновение нельзя упускать из виду, что движешься по зыбкой почве, где единственной опорой является неуверенность. Так и хочется призвать толкователя снов: "Не думай, что понял!", чтобы он не спешил в своем толковании.

При неясном сне речь идет поначалу не о том, чтобы понять и истолковать, а о тщательном восстановлении контекста. Под этим я подразумеваю не безбрежное "свободное ассоциирование" по поводу образов сновидения, а тщательное сознательное освещение тех ассоциативных связей, которые объективно группируются вокруг них. Многих пациентов для этой работы еще нужно подготовить, потому что они, как и врач, имеют непреодолимую склонность сразу понимать и толковать, особенно под влиянием чтения или неудачного анализа. В таких случаях первым делом ассоциируют теоретически, толкуя, а не понимая, и часто застревают в этом. Как и врачу, пациенту хочется сразу "заглянуть за сон" в ошибочном допущении, что сон – просто фасад, скрывающий истинный смысл. Но так называемый фасад в большинстве домов совсем не иллюзия или обманчивое искажение, а соответствует содержанию дома и даже часто полностью выдает его. Поэтому картина сна и есть сам сон, она содержит *весь* смысл. Если я нахожу сахар в моче, то это сахар, а не просто фасад белка. То, что Фрейд называет "фасадом сновидения", это его неясность, являющаяся в действительности лишь проекцией непонимания. То есть о фасаде мы говорим только потому, что не понимаем сон. Поэтому лучше сказать, что речь идет о чем-то вроде непонятного текста, у которого вообще нет фасада, мы просто не можем его прочесть. Тогда не стоит толковать *скрытое* за ним сначала нужно попытаться его прочесть.

Как я уже сказал, лучше всего сделать это через восстановление контекста. Так называемое свободное ассоциирование не приведет к цели, как нельзя с его помощью расшифровать хеттскую надпись. Оно "выведет наружу" комплексы, но для этого сон не нужен, это с таким же успехом можно сделать на основании запрещающей таблички или предложения в газете. Свободное ассоциирование извлекает комплексы, и только в исключительных случаях смысл сновидения. Чтобы понять смысл сна, надо как можно ближе придерживаться его образов. Если снится еловый стол, то недостаточно ассоциации с собственным письменным столом, – уже по той простой причине, что стол сновидца сделан не из елового дерева. Однако во сне однозначно имеется в виду еловый стол. Если предположить, что сновидцу больше ничего не приходит в голову, то это затруднение имеет объективное значение, потому что оно намекает, что в непосредственном окружении образа господствует особая тьма, которая должна бы заставить задуматься. В нормальной ситуации возникли бы десятки ассоциаций с еловым столом, и то, что это не так, уже значительно. В этом случае следует вернуться к образу, и я тогда обычно говорю своим пациентам: "Представьте себе, что я вообще не знаю, что значат слова "еловый стол", и дайте мне такое описание предмета и его естественной истории, чтобы я понял, что это такое". Таким

образом удастся приблизительно выявить весь контекст образа сновидения. После того, как это сделано для всего сна, может начинаться риск толкования.

Каждое толкование есть лишь гипотеза, попытка прочтения незнакомого текста. Отдельный неясный сон редко можно истолковать сколь-нибудь надежно. Поэтому я придаю небольшое значение толкованию изолированных сновидений. Более или менее надежны только серии снов, когда последующие сновидения исправляют ошибки в толковании предыдущих. Да и основные содержания и мотивы в серии различимы намного лучше. Поэтому я советую своим пациентам тщательно записывать свои сны и толкования. Я прошу их именно так готовить сновидения, принося на консультацию уже записанный сон и контекстный материал. На более поздних этапах я позволяю им самим разрабатывать толкования. Таким образом пациент учится правильно обращаться со своим бессознательным и без врача.

Если бы сны были только источником информации об этиологически важных моментах, то всю работу с ними можно было бы спокойно оставить врачу. Или если бы врач использовал сновидения только для того, чтобы извлечь из них полезные намеки или психологические выводы, то моя методика была бы избыточной. Но так как сновидения могут содержать больше того, что служит подспорьем в ремесле врача (как это показывают мои примеры), то анализу снов следует уделять особое внимание. Ведь иной раз речь идет даже об опасности для жизни. Среди многих случаев такого рода мне особенно запомнился следующий. Один из моих коллег-врачей, немного старше меня, имел обыкновение подтрунивать надо мной при встрече по поводу толкования снов. Встретившись со мной на улице, он как-то воскликнул:

"Ну, как дела? Все еще толкуем сны? Вот, кстати, мне недавно приснилось нечто идиотское. Это тоже что-нибудь значит?" Ему приснилось: *"Я поднимаюсь на высокую гору по крутому склону. Поднимаюсь все выше, стоит чудесная погода. Чем выше взбираюсь тем мне радостнее, хочется вечно так подниматься. Когда я добираюсь до вершины, душевный подъем и ощущение счастья так велики, что я чувствую, что мог бы подняться и дальше в космос. Я действительно могу это сделать и поднимаюсь в воздух. Просыпаюсь в полном экстазе"*.

На это я ему ответил: "Дорогой коллега, так как я знаю, что альпинизм Вы бросить не можете, то я хотел бы убедительно попросить Вас отказаться отныне от всех одиночных походов. Когда Вы идете в горы, берите двух проводников, которым под честное слово пообещаете абсолютное повиновение". Он рассмеялся: "Вы неисправимы", и мы распрощались. Я больше никогда его не видел. Через два месяца после этого раздался первый звонок: в одиночном походе его накрыла лавина, но в последний момент откопал случайно находившийся неподалеку военный патруль. Три месяца спустя наступил конец: во время восхождения без проводника с молодым приятелем он, как видел стоявший ниже проводник, буквально шагнул в воздух при спуске по стене, рухнул на голову ожидавшего ниже приятеля и оба скатились в пропасть. Это был *ekstasis* (Восхищение (гр.) – крайняя степень восторга, исступленное состояние. — Прим. ред.) во всех отношениях.

При всем моем скепсисе и критичности я никогда не считал сновидения фактором, которым можно пренебречь. Если они кажутся глупыми, то на самом деле глупы мы сами, ибо не обладаем способностью правильно прочесть загадочное послание нашей ночной стороны. Но тем тщательнее следовало бы клинической психологии изолировать свое восприятие систематической работой над снами, ведь по меньшей мере половина нашей душевной жизни проходит в ночной тьме. Так же, как сознание не полностью бездействует ночью, бессознательное проявляется в нашей дневной жизни. Никто не сомневается в важности сознательного переживания, с чего тогда сомневаться в значении бессознательной жизни? Это *тоже* наша жизнь, иногда даже более опасная или полезная, чем дневная.

Поскольку сновидения дают информацию о скрытой внутренней жизни и выявляют компоненты личности, которые в дневной жизни означают лишь невротические симптомы, то пациента можно лечить не только сознательно, но и бессознательно. Насколько позволяют

судить наши нынешние знания, единственный путь для этого – ассимиляция сознанием содержаний бессознательного.

Под *ассимиляцией* в этом случае следует понимать взаимное проникновение сознательных и бессознательных содержаний, а не их одностороннюю оценку, перетолкование и переиначивание сознанием (как принято думать, да и практиковать). В этом отношении существуют очень далекие от истины представления о ценности и значении бессознательных содержаний. Как известно, фрейдовская теория видит бессознательное в абсолютно негативном свете, равно как и примитивный человек, по мнению этой школы, подлинное чудовище. Рассказы об ужасном первобытном человеке вместе с учением об инфантильно-извращенно-криминальном бессознательном смогли представить естественный феномен, каковым, собственно, является бессознательное, опасным монстром. Как если бы все доброе, все разумное, все достойное жизни и прекрасное было прописано только в сознании! Неужели мировая война с ее ужасами еще не открыла нам глаза чуть пошире и мы все еще не видим, что наше сознание – вещь гораздо более дьявольская и извращенная, чем естественная сущность (Naturwesen) бессознательного?

Недавно меня упрекнули в том, что моя теория ассимиляции бессознательного подрывает культуру и ввергает примитивному наши величайшие ценности. Подобное мнение может основываться только на совершенно ошибочном представлении о бессознательном как о монстре. Это представление проистекает из страха перед природой и реальной действительностью. Фрейдовская теория для спасения из воображаемых когтей бессознательного изобрела понятие сублимации. То, что реально и существует как таковое, не может быть алхимически сублимировано, а сублимированное вообще никогда не было тем, чем казалось неправильному толкованию.

Бессознательное не демоническое чудовище, а индифферентная в моральном, эстетическом и интеллектуальном отношении естественная сущность, опасная только при безнадежно неправильном сознательном отношении к ней. Опасность бессознательного возрастает по мере его вытеснения. Но в тот момент, когда пациент начинает ассимилировать свои бывшие неосознанными содержания, уменьшается и опасность. Диссоциация личности, боязливое разделение дневной и ночной стороны прекращается с продвижением ассимиляции. То, чего опасается мой критик, затопление сознания бессознательным, случается всего скорее как раз тогда, когда бессознательное отрезается от участия в жизни вытеснением, ложным толкованием и недооценкой.

Основная ошибка по отношению к бессознательному заключается, пожалуй, в распространенном предположении, что его содержания однозначны и имеют неизменное значение. По моему скромному разумению, это представление слишком наивно. Душа как саморегулирующаяся система сбалансирована, как и жизнь тела. Для всех эксцессов сразу же и неизбежно наступают *компенсации*, без них не было бы ни нормального обмена веществ, ни нормальной психики. В этом смысле теорию компенсации можно вообще объявить основным правилом психической жизни. Недостаток *здесь* вызывает избыток *там*. Поэтому и отношения между сознанием и бессознательным – также компенсаторные. Это одно из самых обоснованных рабочих правил толкования снов. В практическом толковании мы всегда с пользой можем задать вопрос: какая сознательная установка компенсируется этим сном?

Компенсация, как правило, не просто иллюзорное исполнение желания, а реальность, которая становится тем сильнее, чем больше она вытесняется. Жажда, как известно, не проходит от того, что ее вытесняют. Поэтому содержание сна следует воспринимать всерьез, как реальность, и включать ее в сознательную установку как один из определяющих факторов. Если человек не делает этого, то он остается в плену той эксцентричной, односторонне перекошенной сознательной установки, которая и потребовала бессознательной компенсации. При этом нельзя представить себе, как достичь правильного представления о себе самом и сбалансированного поведения.

Если бы кому-нибудь пришло в голову поставить бессознательное содержание на место

сознательного (именно этого опасаются мои критики), то оно, конечно же, вытеснило бы последнее, и ранее сознательное содержание взяло бы на себя компенсаторную роль. При этом бессознательное полностью изменило бы облик и стало бы боязливо разумным в резком контрасте с предшествовавшим положением дел. Бессознательное обычно не считают способным на такое, хотя это происходит постоянно и является его исконной функцией. Каждый сон есть источник информации и контроля, а потому – эффективнейшее вспомогательное средство развития личности.

В бессознательном самом по себе нет взрывоопасных вещей, если только надменное или трусливое сознание не нагромоздило их там. Тем больше оснований не проходить мимо без внимания!

По этим причинам я взял за правило задавать при каждом толковании вопрос: какая сознательная установка компенсируется этим сновидением? То есть я ставлю сон в тесную взаимосвязь с состоянием сознания, я Даже утверждаю, что без знания сознательной ситуации сон вообще нельзя истолковать сколь-нибудь надежно. Только руководствуясь сознательной установкой, можно определить, какой знак следует придать бессознательным содержаниям. Ведь сон не изолированное событие, отрезанное от дневной жизни и ее характера. Если он таким представляется, то это не более чем непонимание, субъективная иллюзия. В действительности между сознанием и сновидением существует строжайшая причинная связь и тончайшая взаимозависимость.

Я хотел бы пояснить эту важную процедуру оценки бессознательных содержаний на примере. Молодой человек предложил мне следующий сон: *"Мой отец уезжает из дому на своей новой машине. Он едет очень неловко, и я волнуюсь из-за его очевидной глупости. Отец вкривь и вкось едет задним ходом, подвергая опасности автомобиль, и наконец врежется в стену, сильно повреждая машину. Я в ярости кричу ему, чтобы он вел себя по-человечески. Тут отец смеется, и я вижу, что он совершенно пьян"*. У сновидения нет реальной основы в виде действительного события такого рода. Пациент уверен, что его отец, даже будучи пьян, никогда не повел бы себя так. Он сам автомобилист, очень умеренный в потреблении спиртного, особенно за рулем; он может сильно рассердиться из-за неумелого вождения и незначительных повреждений машины. Отношение к отцу положительное. Он восхищается им, потому что тот, по его словам, необыкновенно удачлив. Без особых ухищрений в толковании можно сказать, что сон рисует отца в крайне неблагоприятном свете. Как же надо ответить на вопрос о значении сновидения для сына? Возможно, его отношение к отцу только внешне хорошее, а в действительности состоит из гиперкомпенсированных сопротивлений? В этом случае содержанию сновидения следует приписать положительный знак, т.е. нужно было бы сказать: *"Это Ваше истинное отношение к Вашему отцу"*. Но так как в реальном отношении сына к отцу нельзя найти ничего невротически двусмысленного, неоправданно обременять чувства молодого человека столь уничижительным выводом. Терапевтически это было бы просто ошибкой.

Но если его отношение к отцу действительно хорошее, зачем тогда сновидению специально изобретать столь невероятную историю, чтобы дискредитировать отца? В бессознательном сновидца должна быть тенденция, породившая этот сон. Может быть, у него все же есть сопротивления – из зависти или по другим мотивам неполноценности? Прежде чем упрекать, что неоправданно и опасно, не лучше ли спросить – не почему, а *зачем* ему приснился такой сон? В этом случае ответ будет –его бессознательное, очевидно, хочет принизить отца. Если мы примем эту тенденцию как компенсаторный факт, то мы вынуждены сделать вывод, что его отношение к отцу не просто хорошее, но даже слишком хорошее. И действительно, он как раз тип, который французы называют *filz a papa* (Папенькин сынок (фр.) –Прим. пер.).

Отец в существенной мере гарантирует его жизнь, и сновидец еще живет как бы "начерно", ожиданиями будущего. В этом заключается даже некоторая опасность: из-за отца он не видит своей собственной действительности; вот почему бессознательное нарочно обращается к кошунству, чтобы принизить отца и, тем самым, возвысить сновидца. Конечно,

аморальная процедура! Неделикатный отец был бы возмущен, но это весьма целесообразная компенсация, ибо она заставляет сына противопоставить себя отцу, без чего он никогда не смог бы прийти к осознанию самого себя.

Это последнее толкование было правильным и потому подействовало, т.е. вызвало спонтанное согласие сновидца, и при этом ни одна действительно существовавшая ценность не была задета ни у отца, ни у сына. Но это толкование стало возможным только при тщательном освещении всей сознательной феноменологии отношений между отцом и сыном. Без знания сознательной ситуации истинный смысл сна остался бы *in suspens o* (В подвешенном состоянии (лат.) — Прим. ред.).

Для ассимиляции содержаний сновидения очень важно бережно относиться к реальным ценностям сознательной личности, ведь иначе ассимиляция просто невозможна. Признание бессознательного — это не большевистский эксперимент, который ставит все с ног на голову и тем создает состояние, которое нужно исправить. Поэтому надо строго следить за тем, чтобы ценности сознательной личности были сохранены, ведь компенсация эффективна только тогда, когда она взаимодействует с целостным сознанием. При ассимиляции речь никогда не идет об "или-или", а всегда об "и — и".

Как для толкования сна необходимо иметь точное знание соответствующей установки сознания, так в отношении символики сновидения важно учитывать философские, религиозные и моральные убеждения. Практически полезнее рассматривать символику сна не семиотически, т.е. как знак или симптом постоянного характера, а как подлинный символ, т.е. выражение еще не распознанного сознанием и понятийно не сформулированного содержания, соотносящегося с определенной установкой сознания. Я говорю, что *практически* целесообразно действовать так, потому что теоретически есть сравнительно стабильные символы, при толковании которых, однако, не следует соотносить их с содержательно известным и понятийно формулируемым. Если бы таких относительно постоянных символов не было, то о структуре бессознательного вообще ничего нельзя было бы сказать, поскольку не было бы ничего доступного выделению и обозначению.

Может показаться странным, что я придаю относительно постоянным символам неопределенный (в содержательном плане) характер. Если бы это было не так, то они были бы не символами, а знаками или симптомами. Как известно, фрейдовская школа предполагает постоянные сексуальные *символы*, т.е. в данном случае *знаки*, и придает им определенный характер. К сожалению, как раз фрейдовское понятие сексуальности бесконечно растяжимо и до такой степени расплывчато, что в нем может поместиться почти все. Хоть слово и звучит знакомо, но обозначаемое им содержание это X, который колеблется, мерцающий и неопределенный, между крайностями физиологической функции и самыми возвышенными озарениями духа. Поэтому я предпочитаю исходить из того, что символ обозначает неизвестную, трудно познаваемую и, в конечном счете, никогда полностью не известную величину. Не стоит догматически предполагать, что знакомое слово обозначает знакомую вещь. Возьмем для примера так называемые фаллические символы, которые, якобы, обозначают исключительно *membrum virile* (Мужской половой член (лат.) — Прим. пер.).

Но с точки зрения психики и *membrum* является, как показывает Кранефельдт (Kranefeldt) ¹ в недавней работе, символом довольно обширного содержания; так, древним и примитивным народам, очень щедро пользовавшимся фаллическими символами, никогда не приходило в голову смешивать фаллос как ритуальный символ с пенисом. фаллос всегда означал созидательную *мана*, "чрезвычайно действенное", пользуясь выражением Леманна (Leh-mann), исцеляющую и оплодотворяющую силу, выражавшуюся, равным образом, также и быком, ослом, гранатом, йони, козлом, молнией, лошадиной подковой, танцем, магическим соитием на поле, *menstruum* (Менструальный цикл, — Прим. ред.) и многими другими аналогиями — точно как и в сновидении. То, что лежит в основе всех аналогий, в том числе и сексуальности, — это архетипический образ неопределенного характера, к которому психологически ближе всего, пожалуй, примитивный символ мана. Все эти символы

относительно постоянны, но при этом в каждом конкретном случае у нас нет априорной уверенности, что символ и практически должен истолковываться именно так.

Практическая необходимость может быть совсем другой. Конечно, если бы нашей задачей было бы теоретическое, т.е. научно исчерпывающее толкование, то мы должны были бы связать эти символы с архетипами. Но на практике это может быть просто ошибкой, потому что конкретная психологическая ситуация пациента может не требовать отвлечения на теорию сновидений. Поэтому *in praxi* (На практике (лат.) – *Прим. пер.*) лучше прежде всего посмотреть, каково значение символа относительно сознательной установки, т.е. не обращаться с символом как с чем-то жестким. Иначе говоря, следует отказаться от всякой предвзятости и авторитарности и исследовать (в первую очередь) значение символов для пациента. Само собой разумеется, что теоретическое толкование при этом останавливается на полдороги, а часто и вообще в самом начале. Если же практик слишком увлекается жесткими символами, то он впадает в бесплодную рутину и опасный догматизм, с которым он пройдет мимо пациента. К сожалению, я вынужден отказаться от иллюстрации сказанного примером, потому что сам пример потребовал бы стольких подробностей, что мне не хватило бы времени. Кроме того, я уже опубликовал достаточно материала по этой проблеме.

Очень часто уже в начале лечения бывают сны, открывающие врачу всю программу бессознательного на далекую перспективу. Такое понимание обеспечивается знанием относительно устойчивой символики. Но реально совершенно невозможно объяснить пациенту глубинное значение сновидения. С этой стороны мы тоже ограничены практическими соображениями. Прогностически же и диагностически такая информация может иметь величайшее значение. Однажды ко мне обратились за консультацией по поводу семнадцатилетней девушки. Один из специалистов высказал предположение, что речь может идти о начале прогрессирующей мышечной атрофии, другой считал, что речь идет об истерии. В связи с этим последним мнением привлекли и меня. Это было похоже на соматическое расстройство, но были и истерические признаки. Я спросил о снах. Пациентка сразу же ответила:

"Да, мне снятся кошмарные сны. *"Сегодня мне снилось, что я прихожу домой ночью. Повсюду мертвая тишина. Дверь в салон полуоткрыта, и я вижу, как моя мать, висят на люстре, раскачивается на холодном ветру, дующем из открытых окон. Потом мне снилось, что ночью в доме поднимается страшный шум. Я иду посмотреть и обнаруживаю, что по квартире мечется испуганная лошадь. Наконец она находит дверь в коридор и выпрыгивает из окна четвертого этажа на улицу. Я с ужасом видела, как она, разбившись, лежала там внизу"*.

Уже только зловещий характер сновидений заставляет насторожиться. Но и у других людей бывают кошмарные сны. Поэтому нам необходимо подробнее заняться значением двух основных символов "мать" и "лошадь". Речь, по-видимому, идет об эквивалентах, потому что обе они совершают одно и то же: суицид. "Мать" – это архетип, который намекает на первоисточник, природу, пассивно порождающее (вещество, *materia*), следовательно, материальную природу, лоно (матку) и вегетативные функции. Он указывает на бессознательное, естественное и инстинктивное, физиологическое, тело, в котором человек живет или заключен, потому что "мать" – это и сосуд, полость (опять же лоно), несущая и питающая; психически выражает основы сознания. С включенностью и облакаемостью связано темное, ночное и страшное (теснота). Все эти намеки передают большую часть мифологических и этимологических вариантов понятия матери или существенную часть понятия *инь* китайской философии. Это не индивидуальное приобретение 17-летней девушки, а коллективное наследие. С одной стороны оно еще живет в языке, а с другой – это наследственная структура психики, обнаруживаемая во все времена и у всех народов.

Слово "мать" относится, видимо, к хорошо знакомой индивидуальной матери, "моей матери", но как символ – к упорно сопротивляющейся понятийной формулировке, подоплеку

которой очень неопределенно и на уровне предчувствия можно было бы обозначить как скрытую природную, телесную жизнь, – что опять слишком узко и исключает много обязательных побочных значений. Лежащий в основе образа первичный психический факт исключительно всеобъемлющ и может быть понят только при самом широком взгляде, да и то лишь на уровне предчувствия. Именно поэтому необходимы символы.

Если мы подставим найденное выражение в сон, то толкование будет следующим: бессознательная жизнь разрушает сама себя. Это весть сознанию и всякому, кто имеет уши, чтобы слышать.

"Лошадь" – широко распространенный в мифологии и фольклоре архетип. Как животное она представляет не-чело-веческую психику, до-человеческое, животное, следовательно – бессознательно-психическое; поэтому лошади в фольклоре ясновидящи, и время от времени говорят. Как верховые животные они тесно связаны с архетипом матери (валькирии, несущие мертвых героев в Вальгаллу, троянский конь и т.д.). В качестве находящихся под человеком они представляют лоно и встающий из него мир инстинктов. Лошадь есть *dynamis* (Движитель (греч.) – *Прим. пер.*) и средство передвижения, она несет человека, как инстинкт, но и подвержена панике, потому что ей не хватает высших качеств сознания. Она имеет отношение к магии, т.е. иррациональному, волшебному действию, особенно черные (ночные) лошади, предвещающие смерть.

Следовательно, "лошадь" – эквивалент "матери" с легким смещением оттенка значения с жизни-первопричины на просто животную, физическую жизнь. Если мы подставим это выражение в текст сновидения, то получим: животная жизнь разрушает сама себя.

То есть смысл обоих снов почти идентичен, причем второй, как это обычно и бывает, выражается более специфически. Нетрудно заметить особую тонкость сна: он не говорит о смерти индивида. Как известно, может сниться и собственная смерть, но тогда это не всерьез. Когда дело доходит до такого, сновидение говорит другим языком. Таким образом, оба сна указывают на тяжелое органическое заболевание с летальным исходом. Этот прогноз вскоре подтвердился.

Что же касается вопроса относительно устойчивых символов, то данный пример может дать некоторое представление об их природе. Их бесконечно много, все они отличаются тончайшими сдвигами оттенков значения. Научное определение их природы возможно только путем сравнительных мифологических, фольклорных, историко-религиозных и этимологических исследований. В сновидении филогенетически сложившаяся сущность психики проявляется намного больше, чем в сознании. Во сне говорят ее образы и побуждения, произрастающие из самой первобытной природы. Через ассимиляцию бессознательных содержаний жизнь сознания, легко отклоняющаяся от закона природы, может быть приближена к нему; тем самым мы возвращаем пациента к его природным внутренним законам.

Я изложил здесь лишь элементарное. Рамки доклада не позволили собрать отдельные кирпичики и соорудить то здание, которое возводится бессознательным в каждом отдельном анализе и осуществляется до окончательного восстановления всей личности. Путь последовательных ассимиляций ведет далеко за пределы важного для врача успеха лечения и направлен к далекой цели, возможно, вызвавшей жизнь в качестве первопричины: к полной реализации целостного человека, к индивидуации. Мы, врачи, стали, пожалуй, первыми сознательными наблюдателями этого темного природного процесса. Правда, мы обычно видим лишь болезненно разлаженную часть развития и теряем пациента из виду, когда он исцелен. Но как раз после выздоровления предоставляется настоящая возможность для изучения нормального процесса, идущего годы и десятилетия. Если бы мы хоть что-то знали о целях бессознательной тенденции развития и если бы врач черпал свою психологическую информацию не из патологической фазы расстройства, то, возможно, открывающиеся сознанию в сновидениях процессы производили бы менее запутанное впечатление и можно было бы яснее увидеть, на что нацелены символы в конечном счете. По моему мнению, каждый врач должен отдавать себе отчет в том, что любой психотерапевтический метод, и

особенно аналитический, вмешивается в целенаправленную систему и процесс то в одном, то в другом месте, и вскрывает их отдельные фазы, которые кажутся противоречивыми по своей направленности. Каждый анализ показывает лишь одну часть или один аспект лежащего в основе процесса, поэтому казуистические сравнения могут поначалу вызвать лишь безнадежную путаницу. Поэтому я охотно ограничился элементарным и практическим, так как только в непосредственной близости от повседневной практики возможно прийти к сколь-нибудь удовлетворительному взаимопониманию.

W.M.Kranefeldt: "Komplex" und Mythos, in: C.G.Jung, Seelenprobleme der Gegenwart, 1931, Olten 1973

Психология Переноса.

ВВЕДЕНИЕ

Bellica pax, vultus dulce, suave malum.

("Воинственный мир, сладостная рана, нежное зло.")

Джон Гауэр, Confessio amantis, II, p.35

1

353 Тот факт, что идея мистического брака играет в алхимии столь важную роль, будет не столь уж удивителен, если мы вспомним, что наиболее часто употребляемый в связи с этим термин coniunctio" относился в первую очередь к тому, что мы сейчас называем химическим соединением, и что вещества или "тела", которые предстояло соединить, влекло друг к другу то, что мы назвали бы сродством. В давние времена люди использовали в таких случаях разнообразные термины, и все они обозначали человеческие, точнее - эротические взаимоотношения; эти термины - nuptiae, matrimonium, coniugium, amici-tia, attractio, adulatio*** Соответственно, соединяемые тела представляли себе как *agens et patiens*****, как *vir+* или *masculus++* и как *femina, mulier, femineus+++* или же описывали их более причудливо - как кобеля и суку¹, коня (жеребца) и ослицу², петуха и курицу³, а также как крылатого и бескрылого дракона⁴. Чем более антропоморфными и териоморфными становятся эти термины, тем очевиднее роль творческой фантазии, а следовательно, и бессознательного, и тем больше мы

* *"Исповедь влюбленного (лат.) — поэма средневекового английского поэта Джона Гауэра (ок.1330 — 1408) — Прим. перев.*

** *Соединение (лат.) — Прим. перев.*

**** *Свадьба, брак, супружество, дружба, влечение, заискивание (лат.) — Прим. перев.*

**** *Действующее и претерпевающее (лат.) — Прим. перев.*

+ *Муж (лат.) — Прим. перев.*

++ *Мужчина, самец (лат.) — Прим.. перев.*

+++ *Женищина, жена, самка (лат.) — Прим.. перев.*

видим, как философы-естествоиспытатели прошлого, покуда их мысли были заняты изучением темных, неведомых свойств материи, испытывали искушение уклониться в сторону от строгого химического исследования и поддаться очарованию "мифа материи". Поскольку никто никогда не может быть абсолютно свободен от предрассудков, даже самый объективный и беспристрастный исследователь, вступая в область, где никогда не рассеивается тьма и где он ничего не в состоянии распознать, способен стать жертвой какого-либо бессознательного допущения. Это - не обязательно несчастье, ибо идея, предлагающая себя в таких случаях в качестве субститута неизвестного, принимает форму хотя и архаичной, но не всегда неуместной аналогии. Так, видение танцующих пар Кекуле⁵,

которое впервые навело его на след структуры определенных соединений углерода, а именно - бензольных колец, несомненно, было видением coniunctio, совокупления, занимавшего умы алхимиков на протяжении семнадцати столетий. Именно этот образ всегда уводил разум исследователя в сторону от проблемы химии, назад к древнему мифу о царском или божественном браке; однако в видении Кекуле он в конце концов достиг своей химической цели и тем самым сослужил максимально возможную службу как нашему пониманию органических соединений, так и последующим беспрецедентным достижениям в области химической синтетики. Задним числом мы можем сказать, что алхимики проявили немалое чутье, сделав это *arsanum asca-pogitb*", этот *donum Dei et secretum altissimil*" эту глубочайшую тайну искусства получения золота вершиной своего делания. Последовавшее позже подтверждение другой центральной идеи получения золота - трансмутируемости химических элементов - также заняло достойное место в запоздалом триумфе алхимической мысли. Учитывая выдающееся практическое и теоретическое значение двух этих ключевых идей, мы вполне можем заключить, что они представляли собой интуитивные предвосхищения, завораживающая сила которых объяснима в свете происходившего в дальнейшем развития⁸. 354 Мы, однако, обнаруживаем, что алхимия не просто превратилась в химию, постепенно выясняя, как ей избавиться от своих мифологических предпосылок; она также стала - или всегда была - своего рода мистической философией. С одной

** Тайное тайных (лат.) — Прим, перев.*

стороны, идея coniunctio помогла пролить свет на тайну химического соединения, с другой же стороны, она послужила символом unio mystica*. поскольку в своем качестве мифологемы она дает выражение архетипу соединения противоположностей. Но архетипы не выступают представителями чего-либо внешнего, не-психического, хотя, конечно, и обязаны своей конкретной образностью впечатлениям, получаемым извне. Скорее уж они, независимо от принимаемых ими внешних форм и иногда даже в прямом противоречии с ними, репрезентируют жизнь индивидуальной психе, ее сущность. Хотя эта психе у каждого индивида является врожденной, сам он не в состоянии ни изменить ее, ни обладать ею личностным образом. Она одинакова и в индивиде, и в конце концов, в каждом человеке. Она - предварительное условие всякой индивидуальной психе, так же как море - носитель индивидуальных волн.

355 Алхимический образ coniunctio, практическая важность которого была доказана на позднейшей стадии развития, в равной мере ценен и с психологической точки зрения: в исследовании темных глубин психе он играет ту же роль, что и в изучении загадки материи. В самом деле, он не смог бы столь действенно проявить себя в материальном мире, если бы уже до того не обладал способностью зачаровывать и, таким образом, фиксировать внимание исследователя в нужном направлении. Coniunctio представляет собой априори существующий образ, занимающий выдающееся место в истории психического развития человека. Если мы проследим эту идею вглубь, то обнаружим, что в алхимии она имеет два истока: один - христианский, другой - языческий. Христианский источник - это, безусловно, учение о Христе и Церкви, sponsus" и sponsa*", где Христос берет на себя роль Солнца, а Церковь - роль луны⁹. Языческий источник - это, с одной стороны, иеро-гамия¹⁰, а с другой - брачный союз мистика с Богом¹¹. Опыт такого рода психических переживаний и следы, оставленные ими в традиции, объясняют многое, что иначе оставалось бы совершенно непостижимым в странном мире алхимии и в ее тайном языке.

356 Как уже было сказано, образ coniunctio всегда занимал важное место в истории человеческой психики. Недавние дости-

** Мистическое единение (лат.) — Прим.. перге. ** Жених (лат.) — Прим. пер ев. *** Невеста (лат.) — Прим. перев.*

жения медицинской психологии с помощью наблюдений над психическими процессами, протекающими при неврозах и психозах, заставили нас все более тщательно

исследовать ту основу психики, которую обычно называют бессознательным. Такие исследования необходимы прежде всего для психотерапии, ибо мы более не можем соглашаться с возможностью объяснения психических расстройств исключительно теми изменениями, что происходят в теле или же в сознании; для объяснения требуется некий третий фактор, а именно, гипотетические бессознательные процессы.

357 Практика анализа показала, что бессознательные содержания вначале неизменно проецируются на конкретных лиц и конкретные ситуации. Многие проекции могут быть в конце

концов реинтегрированы индивидом, после того как он распознает их субъективное происхождение; другие же проекции сопротивляются интеграции и, будучи отделены от своих первоначальных объектов, оказываются перенесенными на личность врача. Особенно важная роль среди этих содержаний принадлежит отношению к лицу противоположного пола из

числа родителей, то есть отношению сына к матери, дочери к отцу; важны также отношения брата и сестры¹. Как правило, такой комплекс не может быть полностью интегрирован, пос

кольку врачу почти всегда отводится место отца, брата или даже матери (последнее, конечно, встречается реже). Опыт показал, что проекция такого рода удерживается во всей своей первоначальной интенсивности (которую Фрейд считал этиологической), тем самым создавая связь, во всех отношениях соответствующую исходному инфантильному отношению; при

этом проявляется тенденция пересказать врачу все свои детские переживания. Другими словами, невротическая неприспособленность пациента теперь оказывается перенесенной на врача¹⁴. Фрейд, первым познакомившийся с данным феноменом и описавший его, предложил термин "невроз переноса"¹⁵.

358 Такая связь зачастую настолько интенсивна, что мы почти с полным правом можем говорить о "соединении". Когда два химических вещества соединяются, оба претерпевают изменения. Именно так и получается при переносе. Фрейд верно распознал терапевтическую важность этой связи, состоящую в том, что благодаря ей возникает *mixtum composition**, составленное из собственного психического здоровья врача и

**Смешанное соединение (лат.) —Прим. перев.*

неприспособленности пациента. Согласно фрейдовской технике, врач старается, насколько возможно, отстранить от себя перенос - что в достаточной мере понятно с человеческой точки зрения, хотя в определенных случаях это и может существенно ухудшить терапевтический эффект. Той или иной степени вовлеченности врача избежать невозможно; здоровье его собственной нервной системы при этом также может пострадать¹⁶. Он почти буквально "берет на себя" страдания своего пациента и делит их с ним. Тем самым он подвергает себя риску, и риск этот представляется чем-то вполне естественным¹⁷. То, что Фрейд придавал огромное значение феномену переноса, стало понятно мне во время первой же нашей личной встречи в 1907 году. Тогда мы говорили несколько часов подряд, а затем наступила пауза. Внезапно, он ни с того ни с сего спросил меня: "А что Вы думаете о переносе?" Я с глубочайшей убежденностью ответил, что это - альфа и омега аналитического метода; на что он заметил: "Ну что ж, самое главное Вы поняли".

359 Большое значение переноса часто порождало ошибочную идею о его абсолютной необходимости для лечения, о том, что его нужно как бы требовать от пациента. Но чего-то в таком роде можно потребовать не больше, чем веры, которая ценна лишь тогда, когда она спонтанна. Навязанная вера есть не что иное, как духовные судороги. Всякий, кто считает, что должен "потребовать" переноса, забывает о том, что последний - только один из терапевтических факторов, да и само слово "перенос" весьма близко по значению к "проекции" - феномену, в отношении которого требования вообще неуместны¹⁸. Сам я

всегда бываю рад, если присутствует лишь слабый перенос, или если он вообще практически незаметен. Это налагает на меня гораздо меньше обязанностей личностного характера и позволяет удовлетворяться действенностью других терапевтических факторов. Среди таких факторов важная роль принадлежит собственной интроспекции пациента, его доброй воле, авторитету врача, суггестии¹⁹, доброму совету²⁰, пониманию, сочувствию, ободрению и т.п. Более серьезные случаи, естественно, не попадают в данную категорию.

360 Тщательный анализ феномена переноса дает столь сложную картину с настолько озадачивающе подчеркнутыми особенностями, что зачастую мы испытываем соблазн выбрать одну из них в качестве главной и затем, как бы все объясняя, воскликнуть: "Ну конечно же, это только...!" Я имею в виду, в основном, эротический или сексуальный аспект фантазии переноса. Существование данного аспекта невозможно отрицать, но он не всегда является единственным и не всегда существенным. Еще одним аспектом выступает воля к власти (описанная Адлером), проявляющая себя совместно с сексуальностью, так что часто весьма нелегко выяснить, какой из двух аспектов преобладает. Даже двух этих аспектов самих по себе достаточно для появления на их основе конфликта, оказывающего парализующее действие.

361 Есть, однако, и другие формы инстинктивной *concupiscencia*, исходящие прежде всего от "голода", от желания обладать; есть еще и другие, основанные на инстинктивном отрицании желания, так что жизнь кажется построенной на страхе или самоуничтожении. Небольшого *abaissement de niveau mental*^{**}, то есть ослабления иерархической упорядоченности эго, достаточно, чтобы привести в движение эти инстинктивные влечения и желания и вызвать диссоциацию личности - иными словами, умножение числа ее центров тяготения. (При шизофрении происходит и действительная фрагментация личности). Такие динамические компоненты следует рассматривать в качестве реальных или же симптоматических, жизненно важных или просто носящих характер синдромов, в зависимости от степени их преобладания. Хотя самые сильные инстинкты несомненно требуют конкретного осуществления и обычно силой добиваются его, их нельзя считать чем-то исключительно биологическим, поскольку путь, которому они реально следуют, подвержен сильным видоизменениям, берущим начало в личности. Если темперамент данного человека наделяет его духовными наклонностями, то даже конкретные проявления инстинктов приобретут в определенной мере символический характер. Эти проявления уже не будут простым удовлетворением инстинктивных импульсов, поскольку теперь они ассоциируются со "значениями" или усложняются ими. В случае инстинктивных процессов, представляющих собой синдромы в чистом виде и не требующих в полной мере конкретного осуществления, символический характер их реализации становится еще более заметным. Самые выразительные примеры таких усложнений обнаруживаются, вероятно, в эротической феноменологии. В позднеклассический период были известны

* *Вожделение (лат.) — Прим.. перев.*

** *Снижение плато интеллекта (фр) — Прим. перев.*

четыре стадии эротизма: Хавва (Ева), Елена (Троянская), Дева Мария и София. Этот ряд повторяется в "Фаусте" Гете, в виде фигуры Гретхен как персонификации чисто инстинктивного отношения (Ева); Елены как фигуры анимы²¹; Марии как персонификации "небесного", то есть христианского или религиозного отношения; наконец, "вечной женственности" как выражения алхимической *Sapientia**, Как показывает приведенный перечень, мы имеем дело с гетеросексуальным Эросом или фигурой анимы, проходящей четыре стадии, то есть - с четырьмя стадиями культа Эроса. Первая стадия - Хавва, Ева, земля, - является чисто биологической; женщина приравнивается к матери и представляет собой нечто, подлежащее оплодотворению. На второй стадии все еще господствует сексуальный Эрос, однако он находится на том эстетическом и романтическом уровне, где женщина уже приобретает некоторую ценность в качестве индивидуальности. Третья стадия возвышает Эрос до уровня религиозного почитания и, таким образом, одухотворяет его:

Хавва замещается духовным материнством. Наконец, четвертая стадия иллюстрирует нечто, неожиданно превосходящее почти не могущую быть превзойденной третью стадию: это Sapiientia. Как может мудрость трансцендировать самое священное и самое чистое? - По всей видимости, лишь благодаря той истине, что меньшее иногда означает большее. Данная стадия представляет собой одухотворение Елены, а вместе с тем и Эроса как такового. По этой причине, Sapiientia рассматривалась как параллель Суламифи из "Песни Песней".

2

362 Есть не только разные инстинкты, не сводимые друг к другу; есть также различные уровни, на которых они действуют. Ввиду такой далеко не простой ситуации неудивительно, что перенос - процесс также отчасти инстинктивный - с большим трудом поддается интерпретации и оценке. Инстинкты и специфические фантазии, образующие соответствующие содержания, отчасти конкретны и отчасти символичны (то есть "нереальны"), представляют собой то одно, то другое, сохраняя и при проецировании все тот же парадоксальный характер. Пе-

* *Мудрость (лат.) — Прим. перев.*

Перенос отнюдь не является простым феноменом, имеющим одно-единственное значение, и мы никогда не можем заранее знать, о чем здесь идет речь. То же можно сказать и о специфическом содержимом переноса, которое обычно называется инцестом. Нам известно, что можно интерпретировать содержания фантазии, соответствующие инстинктам, либо как знаки, автопортреты инстинктов -то есть путем редукции; либо как символы, как духовные значения природных инстинктов. В первом случае инстинктивные процессы считаются "реальными", во втором - "нереальными".

363 В каждом конкретном случае зачастую почти невозможно сказать, что представляет собой "дух", а что - "инстинкт".

Вместе они образуют непроницаемую массу, настоящую магму, вырывающуюся из глубин первозданного хаоса. Встретившись с подобными содержаниями, сразу же понимаешь, почему психическое равновесие у невротика оказывается нарушенным и почему при шизофрении рассыпается вся система психики. От них исходит зачаровывающая сила, не только подчиняющая (точнее, уже подчинившая) себе пациента, но и способная

индуктивным путем воздействовать на бессознательное беспристрастного наблюдателя, в данном случае - врача. Бремя таких хаотических бессознательных содержаний тяготит пациента; ибо хотя они имеются у каждого, только у него они стали активными и поместили его в изоляцию, в духовное одиночество, непонятное ни ему самому, ни другим, и как бы обреченное на ложные интерпретации. К сожалению, если мы не нащупаем

путь вхождения в ситуацию и приблизимся к ней чисто внешне, то будет слишком легко отмахнуться от нее с помощью каких-нибудь слов, либо подтолкнуть ее развитие в ложном направлении. Собственно, как раз этим пациент и занимается уже

давно сам по себе, предоставляя врачу массу возможностей для неверных интерпретаций. Поначалу кажется, что секрет связан с родителями пациента, однако когда эта его связь с ними ослабляется и проекция оказывается устранена, вся тяжесть сваливается на врача, перед которым в полный рост встает вопрос: "Что ты собираешься делать с переносом?"

364 Врач, добровольно и осознанно принимая на себя психические страдания пациента, становится открытым для всепоглощающих содержаний бессознательного и, следовательно, для их индуктивного воздействия. Клинический случай начинает "зачаровывать" его. Это также легко объяснить в терминах личных симпатий и антипатий; правда придется закрыть глаза на тот факт, что мы получим лишь еще одно *ignotum per igno-tius**. На самом деле, если эти личные чувства и существуют в какой-либо существенной мере, то ими управляют все те же активизировавшиеся бессознательные содержания. Возникает бессознательная связь, которая затем в фантазиях пациента принимает все формы и размеры, описанные в

литературе в большом изобилии. Благодаря индуктивному воздействию, в большей или меньшей степени всегда исходящему от проекций, пациент, перенося на врача активизировавшееся содержимое своего бессознательного, вызывает у того констелляцию соответствующего бессознательного материала. Таким образом, врач и пациент вступают в отношения, основанные на взаимной бессознательности.

365 Врачу нелегко осознать этот факт. Обычно крайне неприятно признавать свою способность подпадать под воздействие самого что ни на есть личного свойства со стороны практически любого пациента. Но чем более бессознательным образом это происходит, тем больше врач испытывает искушение занять позицию "предотвращения"; *persona medicī*, личина, за которой он прячется, служит (или кажется) отличным инструментом для подобных целей. От *persona* врача неотделимы и врачебная рутина, и претензии на знание всего наперед - одна из излюбленных подпорок опытного практика с его непогрешимой авторитетностью. Однако такое нежелание вникать в суть дела - плохой советчик, поскольку инфицирование на бессознательном уровне создает в ходе терапии возможность (которую не следует недооценивать) переноса болезни на врача. Мы, само собой разумеется, должны предполагать, что врач лучше своего пациента способен осознать констеллированные содержания; в противном случае все сведется к тому, что оба будут загонять друг друга в плен одного и того же состояния бессознательности. Наибольшее затруднение состоит в том, что у врача зачастую активизируются содержания, которые в норме могли бы оставаться латентными. Он может оказаться настолько нормальным, что никакие бессознательные установки подобного рода не нужны ему для компенсирования ситуации его сознания. По крайней мере часто положение внешне выглядит так, хотя остается открытым вопрос, таково ли оно в более глубоком смысле. Предположительно, врач имел

**Неизвестное через еще более неизвестное (лат.) — Прим. перев.*

основательные причины для выбора профессии психиатра и для особого интереса к лечению психоневрозов; и он не смог бы преуспеть в этом, не приобретя кое-какого понимания своих собственных бессознательных процессов. Да и сам его интерес к бессознательному не может целиком объясняться свободой выбора; скорее, за ним стоит фатальная предрасположенность, изначально склонившая его к занятиям медициной. Чем больше наблюдаешь за человеческой судьбой и замечаешь потайные пути, по которым она осуществляет свое действие, тем прочнее впечатление силы бессознательных мотиваций и ограниченности возможностей свободного выбора. Врач знает - или по крайней мере должен знать, - что свой выбор профессии он сделал не случайно; в особенности же психотерапевт обязан ясно понимать, что, какими бы излишними ни казались ему психические инфекции, они фактически заранее предполагались как нечто сопутствующее его работе и, таким образом полностью согласуются с инстинктивной предрасположенностью, имеющейся в его собственной жизни. Осознание этого позволит ему занять верную позицию в отношении пациента. Пациент тогда будет что-то значить для него лично, и тем самым будет обеспечено наиболее благоприятное основание для лечения.

3

366 В старой до-аналитической психотерапии, восходящей еще к врачам романтической эпохи, перенос уже был определен как "раппорт". Он составляет основу терапевтического воздействия, раз исходные проекции пациента рассеиваются. В процессе подобной работы становится ясно, что проекции способны затемнять также и суждения врача - в меньшей мере, конечно, ибо иначе любая терапия была бы невозможна. Хотя мы вправе ожидать от врача как минимум какого-то знакомства с действием бессознательного на его собственную личность, а потому можем выставить требование, чтобы всякий, кто намеревается заняться практикой психотерапии, прежде сам подвергся подготовительному анализу, - тем не менее даже наилучшая подготовка не обеспечит его знанием всего о бессознательном. О полном "исчерпании" бессознательного не может быть и речи, хотя бы по той причине, что его творческие возможности постоянно порождают новые образования.

Сознание, при всей своей широте, всегда обречено оставаться чем-то вроде меньшего круга внутри большего круга бессознательного, неким островом, который окружает море; и, подобно настоящему морю, бессознательное производит на свет бесчисленное, само себя пополняющее множество живых существ, богатство коего не поддается измерению. Можно давно уже знать значение, действия и характеристики бессознательных содержаний, но так и не определить их потенциальной глубины, так как они способны к бесконечному варьированию и никогда не теряют своего потенциала. Единственный способ на практике добраться до них - добиться такой сознательной позиции, которая позволяет бессознательному сотрудничать с сознанием, а не выступать оппозицией к нему.

367 Даже самый опытный психотерапевт будет снова и снова обнаруживать, что попал в плен связи, основанной на взаимной бессознательности. И, насколько бы он ни считал себя располагающим всеми необходимыми знаниями относительно констеллированных архетипов, в конце концов он вынужден будет признать, что на самом деле существует очень много такого, что и не снилось его академическому знанию. Каждый новый случай, требующий основательного лечения, представляет собой пионерскую работу, и любой намек на рутину в подобных случаях оказывается тупиковым. Таким образом, психотерапия высшего уровня - дело, требующее крайне многого; иногда она ставит задачи, бросающие вызов не только нашему пониманию и состраданию, но и нашей человеческой личности в целом. Врач склонен требовать, чтобы вся совокупность соответствующих усилий предпринималась пациентом; однако ему следовало бы осознавать, что само это требование будет действенным, лишь если он применит его и к себе.

368 Ранее я говорил, что содержания, участвующие в переносе, как правило, первоначально проецировались на родителей пациента либо на других членов его семьи. Из-за того факта, что эти содержания всегда несут эротический аспект, а то и вовсе сексуальны по своей субстанции (не считая уже упоминавшихся других факторов), им несомненно присущ инцестуальный характер - что и привело к появлению фрейдовской теории инцеста. Экзогамность, возникающая при переносе таких содержаний на врача, не меняет существа ситуации. Просто врач посредством проекции вовлекается в специфическую атмосферу семейного инцеста. Это неизбежно создает некую нереальную близость, крайне неприятную и для врача, и для пациента, из-за чего обе стороны начинают испытывать сомнения и оказывать сопротивление. Резкое неприятие подлинных открытий Фрейда никуда бы нас не привело, поскольку речь идет об эмпирически доказуемом факте, получающем столь всеобщее подтверждение, что только полные невежды все еще пытаются противостоять ему. Однако интерпретация данного факта, в полном согласии с его природой, остается в высшей мере спорной. Что это - подлинный инстинкт инцеста или патологическое отклонение? Является ли инцест одной из "переделок" воли к власти (по Адлеру)⁵ Или ж он представляет собой регрессию нормального либидо²² к инфантильному уровню, вызванную страхом перед по всей видимости непосильными жизненными задачами²³? Или, может быть, инцестуаль-ные фантазии носят чисто символический характер и, таким образом, выступают новой активизацией архетипа инцеста, играющего столь важную роль в истории человеческой души?

369 Для всех этих интерпретаций, сильно расходящихся междусобой, мы в состоянии подобрать более или менее удовлетворительные аргументы в их пользу. Наибольшее неудовольствие, вероятно, должно вызвать то, что инцест представляет собой подлинный инстинкт. Однако учитывая почти повсеместное табуирование инцеста, мы с полным правом можем заметить: то что никому не нравится и никем не желаемо, обычно незачем бывает запрещать. По моему мнению, каждая из приводившихся выше интерпретаций в определенной мере оправданна, поскольку каждый из соответствующих оттенков значения присутствует в тех или иных индивидуальных случаях, - хотя и с переменной интенсивностью. Иногда превалирует один аспект, иногда - другой. Я далек от того, чтобы отрицать возможность дальнейшего пополнения вышеприведенного перечня.

370 На практике, однако, крайне важно, как именно интерпретируется инцестуальный

аспект. Объяснения будут меняться в зависимости от природы клинического случая, от стадии лечения, от проницательности пациента и степени зрелости его суждений.

371 Существование элемента инцеста не только вызывает интеллектуальные затруднения, но и (что хуже всего) эмоционально осложняет терапевтическую ситуацию. Этот элемент таит в себе все самые потаенные, болезненные, пылкие, нежные, стыдливые, робкие, причудливые, аморальные, но в то же время и священнейшие чувства, доводящие до полноты неопишное и необъяснимое богатство человеческих взаимоотношений и придающие им их непреодолимую силу. Подобно щупальцам осьминога, они невидимо обвиваются вокруг родителей с их детьми, а посредством переноса - и вокруг врача и пациента. Такая связующая сила проявляет себя в непреодолимой прочности и стойкости невротического симптома и в том, как отчаянно пациент цепляется либо за мир своего детства, либо за врача. Слово "одержимость", пожалуй, наилучшим способом описывает это состояние.

372 Примечательные эффекты, производимые бессознательными содержаниями, позволяют нам делать кое-какие умозаключения по поводу их энергии. Все бессознательные содержания, однажды активизировавшись - то есть став ощутимыми, - оказываются как бы наделены специфической энергией, позволяющей им проявлять себя повсюду (как это бывает, например, с мотивом инцеста). Однако в норме этой энергии недостаточно для перемещения данного содержания внутрь сознания. Для такого перехода должна существовать предрасположенность со стороны сознания, а именно, некий дефицит, выражающийся в потере энергии. Теряемая таким образом энергия повышает психический потенциал определенных компенсаторных содержаний, находящихся в бессознательном. *Abaissement du niveau mental*, потеря энергии сознания, представляет собой феномен, ярче всего проявляющийся в "утрате души", встречающийся у первобытных народов, у которых имеются также интересные психотерапевтические методы возвращения заблудившейся души назад. Здесь не место вдаваться в соответствующие подробности; достаточно будет простого упоминания²⁴. Сходные явления можно наблюдать и у цивилизованных людей. Цивилизованный человек также способен безо всякой видимой причины внезапно терять инициативу. Отыскание реальных причин этого - нелегкая задача, обычно ведущая к весьма щекотливому обсуждению кроющихся в глубине мотивов. Разного рода беззаботность, пренебрежение обязанностями, откладывание задач на потом, вспышки преднамеренно вызывающего поведения и т.п. - все это способно в такой степени заблокировать жизнедеятельность человека, что определенные кванты энергии, уже не находящие сознательного выхода, устремляются в бессознательное, которое в свою очередь начинает оказывать понуждающее действие на сознание. (Отсюда проистекает очень распространенное сочетание крайне пренебрежительного отношения к обязанностям с неврозом принуждения).

373 Таков один из тех способов, какими может происходить потеря энергии. При другом способе, потеря вызывается не сбоем в функционировании сознания, а "спонтанной" активизацией бессознательных содержаний, на которые сознание реагирует уже как бы вторичным образом. В человеческой жизни бывают моменты, когда оказывается перевернутой новая страница. Появляются новые интересы, до того не привлекавшие внимания, или же происходят внезапные перемены в личности (так называемое изменение характера). Во время инкубационного периода таких перемен мы часто можем наблюдать потерю сознательной энергии: новое направление

развития оттягивает необходимую энергию у сознания. Такое энергетическое понижение отчетливее всего видно перед началом некоторых психозов, а также - в той пустоте, что предшествует творческой работе.

374 Следовательно, заметное усиление бессознательных содержаний всегда указывает на соответствующее ослабление сознания и его функций. Последним как бы угрожает бессилие.

Для первобытного человека подобная опасность представляет собой одно из наиболее

устрашающих случаев "магии". Поэтому можно понять наличие сходного страха и у цивилизованных людей. В серьезных случаях, это - тайная боязнь сойти с ума; в менее серьезных случаях - страх перед бессознательным: даже у вполне нормального человека этот страх проявляется в виде сопротивления психологическим воззрениям и объяснениям. Сопротивление такого рода граничит с гротеском, когда доходит до отбрасывания любого психологического объяснения искусства, философии и религии - как будто бы человеческая психе не имеет или не должна иметь никакого отношения к этим сферам. Врачу такие охраняемые зоны известны из практики работы с пациентами: эти зоны напоминают островные крепости, которые невротик пытается оборонять от щупалец осьминога. ("Счастливым островком невроза", как один из моих пациентов назвал свое сознательное состояние!) Врач знает, что его пациенту нужен такой остров: без него он потерял бы себя. Остров служит убежищем сознания, последним бастионом, защищающим от угрожающих объятий бессознательного. То же самое относится к табуированным участкам у нормального человека, которых психология не должна касаться. Но поскольку войны никогда еще не выигрывались с оборонительных позиций, то, чтобы положить конец враждебности, нужно начать переговоры с противником и узнать, каковы в самом деле его условия. Таковы намерения врача, добровольно берущего на себя роль посредника. Он далек от стремления разрушить довольно шаткую островную идиллию или сравнить с землей укрепления. Напротив, он только рад тому, что где-то есть твердая точка опоры и что нет необходимости вначале решать невероятно трудную задачу извлечения ее из хаоса. Он знает, что островок слегка тесноват, а жизнь на нем весьма скудна и сопряжена со всевозможными воображаемыми лишениями, поскольку вне ее осталась слишком уж большая часть реальной жизни, в результате чего в ее глубинах было создано, точнее — разбужено ото сна некое устрашающее чудовище. Он также знает, что этот зверь, по внешней видимости небезопасный, связан с островом тайным отношением компенсаторности и способен предоставить все то, чего на острове недостает.

375 Перенос, однако, изменяет психологическую позицию, занимаемую врачом, хотя тот поначалу этого не замечает. Он становится безучастным и теперь ему так же, как самому пациенту, трудно провести разграничение между пациентом и тем, что завладело им. Это ставит их обоих в положение непосредственной конфронтации с демоническими силами, прячущимися во тьме. Возникающая в результате парадоксальная смесь позитивного и негативного, доверия и страха, надежды и сомнения, притяжения и отталкивания характерна для исходного отношения. Это - ненависть и любовь между элементами, которую алхимики уподобляли первозданному хаосу. Активизировавшееся бессознательное выглядит как внезапно обрушившийся шквал безудержных крайностей, вызывающих попытки примирить их, так чтобы, по выражению алхимиков, родилась великая панацея, *medicina catholica**.

**Всеобщее лекарство (лат.) — Прим. перев.*

376 Следует подчеркнуть, что в алхимии исходное темное состояние *nigredo** часто рассматривается как результат предыдущих действий; следовательно оно не представляет собой абсолютного начала²⁶. Соответственно, психологическая параллель *nigredo* является результатом предваряющих ее бесед, которые в определенный, зачастую долго откладываемый момент "затрагивают" бессознательное и ведут к установлению бессознательного тождества²⁷ врача и пациента. Этот момент может замечаться и фиксироваться сознательно, однако обычно он остается не замеченным сознанием, и установившаяся таким образом связь осознается лишь позднее и косвенно, по ее результатам. Иногда примерно в то же время случаются сновидения, указывающие на возникновение переноса. Например, сновидение может сообщать, что в подвале начался пожар или что в помещение вломился грабитель, или что умер отец пациента, или же оно может изображать эротическую или какую-либо иную двусмысленную ситуацию²⁸. С момента появления такого сновидения может начаться своеобразный бессознательный отсчет времени, длящийся месяцами, иногда даже больше. Мне часто приходилось наблюдать этот процесс; приведу один конкретный случай:

377 Проводя терапию с некоей женщиной, возрастом старше 60 лет, я был поражен следующим фрагментом сновидения, приснившегося ей 21 октября 1938 г.: Прекрасный маленький ребенок, шестимесячная девочка, играет на кухне со своим дедом и бабушкой и со мной, - матерью этого ребенка. Дед и бабушка расположились в левой части комнаты, а ребенок стоит на квадратном столе посередине кухни. Я стою возле стола и играю с ребенком. Бабушка говорит, что ей с трудом

верится, что мы знаем этого ребенка всего шесть месяцев. Я говорю, что это и не удивительно, поскольку мы знали и любили это дитя задолго до его рождения.

378 Сразу же становится ясно, что ребенок представляет собой нечто особенное, то есть это дитя-герой либо божественное дитя. Отец ребенка не упоминается; его отсутствие - составная

** Чернота (лат.) — Прим. Перев.*

часть картины. Кухня в качестве сцены, где все происходит, указывает на бессознательное. Квадратный стол - это кватернион, классическая опора "особенного" ребенка³⁰, поскольку ребенок является символом самости, символическим выражением которой служит кватернион. Самость как таковая носит вневременной характер, она существовала до чьего бы то ни было рождения³¹. Женщина, видевшая указанное сновидение, находилась под сильным влиянием индийских текстов и неплохо знала Упанишады, но не знала имеющего значение для данного случая средневекового христианского символизма. Точность в определении возраста ребенка вынудила меня попросить женщину просмотреть свои прежние записи, дабы выяснить, что произошло с ее бессознательным шесть месяцев ранее. Она отыскала следующее сновидение, датированное 20 апреля 1938 г.:

379 Я вместе с несколькими другими женщинами рассматриваю гобелен, представляющий собой квадрат с символическими фигурами. Сразу же после этого я в обществе нескольких женщин сижу перед чудесным деревом. Дерево это великолепно разрослось; поначалу оно кажется мне каким-то из хвойных деревьев, но затем я думаю - во сне - что это чилийская араукария \ дерево рода *Araucaria*], с ветвями, растущими вверх, как свечи [перепутано с *Cereus candelabrum**) К нему прикрепляется рождественская елка, причем так, что поначалу они кажутся одним деревом вместо двух. - Когда женщина записывала этот свой сон сразу же по пробуждении, еще имея перед глазами отчетливый образ дерева, у нее внезапно возникло видение маленького золотого ребенка, лежащего у подножия дерева (мотив рождения дерева). Так ей наяву продолжает сниться смысл ее сна. Он, несомненно, изображает рождение божественного ("золотого") ребенка.

380 Но что произошло за девять месяцев до 20 апреля 1938 г.? Между 19 и 22 июля 1937 г. она нарисовала картину, где слева изображалась кучка разноцветных полированных (драгоценных камней); сверху на ней располагалась серебряная змея, с крыльями и в короне. Посередине картины стоит обнаженная женская фигура, от гениталий которой до области сердца тянется та же змея, вставшая на дыбы, возле сердца она превращается в великолепно сияющую пятиконечную золотую звезду. Справа

**Восковая свеча (лат.) — Прим. перев.*

показана летящая вниз разноцветная птица с небольшой веткой в клюве. На ветке находятся пять цветков, расположенных в виде quaternio - желтый, синий, красный, зеленый, но выше всех - золотой; очевидно, - это структура мандалы³². Змея изображает Кундалини, восходящую вверх с шипением; в соответствующей йоге ее восхождение означает первый момент процесса, завершающегося слиянием с божеством в божественной Самости, в сизигии Шивы и Шакти³³. По всей очевидности, это - момент символического зачатия, являющегося одновременно тантрическим и - в связи с птицей - христианским по своему характеру, где присутствует контаминация символики Благовещения и голубя, принесшего Ною ветвь оливы. ³⁸¹ Приведенный нами случай и, в особенности, последний образ, служат

классическим примером того рода символизма, которым отмечено начало переноса. Голубь Ноя (эмблема примирения), *incarnatio Dei**, соединение Бога с материей с целью рождения спасителя, змеиная тропа, Сушумна, представляющая собой линию на полпути между солнцем и луной, - все это составляет первую, предварительную стадию еще не выполненной (в тот момент) программы, кульминация которой заключается в объединении противоположностей. Такое объединение аналогично "царской свадьбе" в алхимии. События предварительного свойства знаменуют встречу разнообразных противоположностей, их столкновение, а потому с полным правом могут быть названы хаосом и чернотой. Как упоминалось выше, такое может произойти в начале лечения, или же ему может предшествовать длительный анализ, стадия *rapprochement*". Таков, в частности, случай, когда пациент демонстрирует энергичное сопротивление в сочетании со страхом перед активизировавшимся содержимым бессознательного³⁴. Для сопротивления у него есть веские основания и причины, и это сопротивление ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не следует ни преодолевать силой, ни опровергать как что-то не существующее. Его также нельзя преуменьшать, высмеивать, пренебрегать им; напротив, его надо воспринимать со всей серьезностью, как жизненно важный механизм защиты от подавляющих и часто с трудом контролируемых психических содержаний. Общее правило должно быть таково: слабость сознательной позиции пропорциональна силе сопротивления.

**Воплощение Бога (лат.) — Прим. перев.*

*** Сближение (фр.) — Прим. перев.*

Следовательно, когда присутствует сильное сопротивление, необходимо внимательно наблюдать за контактами с пациентом на уровне сознания и, в определенных случаях, - оказывать его сознательной позиции поддержку, простирающуюся до таких пределов, что иногда, предвидя путь дальнейшего развития, приходится проявлять вопиющую непоследовательность. Это неизбежно, поскольку никогда нельзя слишком уж полагаться на то, что ослабленное сознание пациента сможет справиться с атакой бессознательного, которая затем последует. Фактически, нужно поддерживать сознательную ("репрессивную", как ее называет Фрейд) позицию пациента до тех пор, пока он не будет в состоянии позволить "подавленным" содержаниям спонтанно выйти на поверхность. Если случайно обнаружится латентный психоз³⁵, ранее не поддававшийся выявлению, то указанная предосторожность, возможно, предотвратит опустошительное вторжение бессознательного или, по крайней мере, затормозит его во времени. В любом случае совесть врача будет чиста: он будет знать, что сделал все от него зависящее, дабы избежать фатального исхода³⁶. Уместно также добавить, что последовательная поддержка позиций сознания сама по себе весьма полезна в терапевтическом смысле и нередко дает удовлетворительные результаты. Было бы опасным предрассудком считать анализ бессознательного единственной панацеей, которую, как таковую, нужно применять абсолютно во всех случаях. Скорее, это - некое подобие хирургической операции; но к скальпелю следует прибегать, лишь если ничего не удалось сделать другими методами. Бессознательное лучше предоставить самому себе, покуда оно себя не навязывает. Читателю должно быть ясно, что обсуждение, которому я подвергаю здесь проблему переноса, предоставляет собой не отчет о повседневной рутине психотерапевта, но скорее описание того, что случается, когда нарушается нормальный контроль сознания над бессознательным - хотя вообще это не обязательно должно произойти. Те случаи, когда архетипическая проблема переноса приобретает обостренный характер, далеко не всегда принадлежат к числу "серьезных", то есть это - не всегда случаи тяжелых заболеваний. Бывают среди них, конечно и такие; но бывают и умеренные неврозы, и просто психологические затруднения, не поддающиеся диагностике. Примечательным образом, именно последняя категория случаев ставит врача перед самыми трудными проблемами. Люди, оказавшиеся в подобных ситуациях, зачастую терпят невыразимые страдания, не проявляя при этом невротических симптомов, которые давали бы им право называться больными. Мы только так и можем назвать их переживания - сильными

страданиями, страстями души, но не болезнью ума.

383 Как только бессознательное содержание констеллируется, оно начинает проявлять тенденцию разрушения, отношений сознательного доверия между врачом и пациентом, посредством проекции создавая атмосферу иллюзии, которая либо ведет к непрерывным ложным интерпретациям и недоразумениям, либо порождает совершенно сбивающее с толку впечатление гармонии. Второе представляет собой еще более трудное испытание, чем первое; ибо первое в худшем случае (а иногда и к лучшему!) способно воспрепятствовать лечению, тогда как во втором варианте потребуются громадные усилия, чтобы обнаружить точки расхождения. Однако при обоих вариантах констелляция бессознательного - фактор, причиняющий немалое беспокойство. Ситуация облекается в некое подобие тумана, и это целиком согласуется с природой содержимого бессознательного: оно "черно чернее черного" (*nigrum nigrius nigro*)³⁷, как верно замечают алхимики и вдобавок заряжено опасными полярными тенденциями, *inimicitia elementorum**. Мы попадаем внутрь непроницаемого хаоса; в самом деле, хаос - один из синонимов таинственной *prima materia*** . Последняя соответствует природе бессознательного содержания во всех отношениях, кроме одного: на сей раз она проявляет себя не в алхимической субстанции, но в самом человеке. В случае алхимии достаточно очевидно, что бессознательное содержание имеет человеческое происхождение, как я показал в работе "Психология и алхимия"³⁸. *Prima materia* или *lapis philosophorum****, предмет вековых поисков, так никогда и не найденный, в согласии со справедливым подозрением немногих алхимиков, должен быть открыт в самом человеке. Но данное содержание, кажется, никак невозможно отыскать и интегри-

**Вражда элементов (лат.) — Прим. перев.*

*** Первое вещество, первоматерия (лат.) — Прим.перев.*

**** Философский камень (лат.) — Прим.перев.*

ровать напрямую; это достижимо лишь путем проекции. Ибо бессознательное, как правило, впервые являет себя в спроецированной форме. Когда оно осуществляет свои непосредственные вторжения - в видениях, снах, прозрениях, психозах и т.д. - им всегда предшествуют психические состояния, явственно подтверждающие наличие проекции. Классический пример этого - фанатичное преследование Савлом христиан, прежде чем Христос явился ему в видении.

384 Ускользающее, обманчивое, вечно меняющееся психическое содержание, завладевшее пациентом, подобно демону, перепархивает теперь от пациента к врачу и, составляя как бы третью сторону их союза, продолжает игру, иногда капризная и поддразнивая, а иногда ведя себя действительно по-дьявольски. Алхимики удачно персонифицировали его в виде лукавого бога откровения Гермеса или Меркурия; и, хотя они и жалуются на то, как он обманывает их, тем не менее наделяют его высочайшими именами, возводя его почти в ранг божества³⁹. При всем этом, они считают себя добрыми христианами, чья сердечная вера не подлежит сомнению, и свои трактаты начинают и заканчивают благочестивыми мольбами⁴⁰. И все-таки я погрешил бы против истины, если бы ограничился негативным описанием злых шуток Меркурия, его неистощимой изобретательности, его инсинуаций, его измышляемых интриг и хитростей, его амбивалентности и - зачастую - его несомненной злонамеренности. Он способен и на прямо противоположное, и я вполне могу понять, почему алхимики наделяли своего Меркурия высочайшими духовными качествами, хотя последние явно противоречат его резко выраженному теневому характеру. Содержания бессознательного в самом деле обладают величайшей важностью, поскольку, в конце концов, бессознательное представляет собой матрицу человеческой души со всеми ее измышлениями. Сколь бы чудесно изобретательной ни была эта вторая сторона бессознательного, из-за своей нуминозной природы она способна на крайне опасную обманчивость. Поневоле вспоминаются демоны, упоминаемые св. Афанасием в житии св.Антония: они разговаривают очень благочестиво, поют псалмы, читают священные книги, и - что хуже всего - они говорят правду. Трудности

психотерапевтической работы научили нас принимать истину, добро и красоту там, где мы их находим. Они не всегда обнаруживаются там, где мы ищем их; часто они либо бывают скрыты под грязью, либо их охраняет дракон. "In stercore invenitur" ("отыскивается в грязи")⁴¹ - алхимическая сентенция, ничуть не менее ценная в силу такого своего характера. Но это правило способно преобразить грязь и уменьшить зло не более, чем последние - умалить Божьи дары. Контраст весьма мучителен, и парадокс немало озадачивает. Высказывания вроде

("Небеса наверху

Небеса внизу

Звезды наверху

Звезды внизу

Все, что наверху

То и внизу

Возьми это

И возрадуйся")⁴²

чересчур оптимистичны и поверхностны; в них упускаются из виду моральные мучения, причиняемые противоположностями, и важность этических ценностей.

385 Очищение *prima materia*, то есть содержимого бессознательного, требует присутствия неиссякаемого терпения, упорства⁴³, спокойствия духа, знания и способностей со стороны врача, а со стороны пациента - приложения всех его сил и способности страдать; впрочем, страдание отчасти задевает и терапевта. Глубокое значение христианских добродетелей, в особенности - главнейшей из них, станет при этом понятным даже неверующему; ибо все они временами могут понадобиться ему, когда надо спасти свое сознание и саму свою жизнь от поглощающей ямы хаоса; окончательно и притом безнасильственно подчинить этот хаос - задача необычайно трудная. Если делание удастся, оно часто воспринимается как чудо, и нетрудно понять, что заставляло алхимиков вводить в свои рецепты всем сердцем прочувствованную фразу *Deo concedente**, допуская, что лишь если Бог совершит чудо, их процедуры придут к успешному завершению.

**С божьего соизволения (лат.) – Прим. Перев.*

6

386 Читателю может показаться странным, что "медицинская процедура" требует учета подобных соображений. Хотя для болезней тела не существует средств и способов лечения, которые можно было бы счесть бесспорно действенными в любых обстоятельствах, есть, тем не менее, немало средств, которые, вероятнее всего, дадут желаемый эффект, и ни врачу, ни пациенту при этом ничуть не понадобится подразумевать условие *Deo concedente*. Однако мы здесь имеем дело не с телом; мы имеем дело с психе. А посему, мы и не можем пользоваться языком телесных клеток и бактерий; нам необходим другой язык, соизмеримый с природой психе и, кроме того, нам необходима позиция учета размеров грозящей опасности, позволяющая противостоять ей. Все это должно быть подлинным - иначе оно не окажет действия и, если окажется пустым, причинит вред и врачу, и пациенту. Формула *Deo concedente* - не просто риторическое украшение; она выражает твердую позицию человека, не воображающего себя знающим все и во всех случаях, но целиком осознающего, что противостоящий ему бессознательный материал есть нечто живое, что это - парадоксальный Меркурий, о котором в давние времена магистр сказал: "*Et est ille quern natura paululum operata est et in metal-licam formam formavit, tamen imperfectum relinquit*" ("И он - тот, над кем природа потрудились лишь немного и, оформив его в металлической форме, все же оставила незавершенным")¹⁴ - то есть природное существо, стремящееся интегрироваться в целостность человека. Это - как бы фрагмент первозданной психе, куда никакое сознание еще не проникло и не создало в ней разграничений и порядка: "объединенная двойственная природа", по выражению Гете, бездна двусмысленности.

387 Поскольку мы не можем (если только вовсе не утратили способности критического

суждения) представить себе, что сегодняшнее человечество достигло наивысшей из возможных степеней сознания, должна существовать какая-то остаточная бессознательная психе, развитие которой повлечет за собой дальнейшее расширение сознания и более высокую его дифференциацию. Никто не в состоянии сказать, насколько велик или мал указанный "остаток", ибо в нашем распоряжении нет

средств для измерения диапазона достижимого сознательного развития, не говоря уже об измерении того, до каких пределов простирается бессознательное. Но, однако, нет ни малейшего сомнения в том, что существует *massa confusa** недифференцированных архаических содержаний, которая не только проявляет себя при неврозах и психозах, но и образует что-то вроде "скелета в шкафу" у бесчисленного числа людей, не проявляющих действительных черт патологии. Мы настолько привыкли слышать о наличии у каждого "трудностей и проблем", что принимаем их как банальный факт и не задаемся вопросом, что же на самом деле означают эти проблемы и трудности. Почему человек никогда не бывает доволен самим собой? Почему он бывает неблагоразумным? Почему человек не всегда добр, и зачем вообще оставляются лазейки для зла? Почему иногда говорится слишком много, иногда - слишком мало? Почему совершаются глупости, избежать которых было бы нетрудно при минимальном предвидении? Что постоянно расстраивает наши планы, мешая нам в наших лучших намерениях! Почему встречаются люди, никогда не замечающие ничего из этих явлений и даже неспособные признать их существование? Наконец, почему люди в своей массе порождают все исторические безумства последних трех десятков лет? Почему Пифагору не удалось еще две тысячи четыреста лет назад раз и навсегда установить законы мудрости, а христианство не смогло создать на земле Царство Небесное?

388 У Церкви имеется доктрина дьявола, злого начала, - и нам нравится представлять его в виде получеловека-полузверя с раздвоенными копытами, с рогами и хвостом, в виде хтонического божества, похоже, сбежавшего со сборища Диониса и ставшего единственным оставшимся в живых проводником греховных радостей язычества. Эта выразительная картинка в точности отображает гротескную, зловещую сторону бессознательного; ибо по-настоящему мы еще никогда не вступали в схватку с ним и, как следствие, оно так и осталось в своем исходном состоянии дикости. Наверное, никто сегодня не осмелится по-прежнему утверждать, что европейский человек есть некое подобие агнца, и что человек этот не одержим дьяволом. Жуткие анналы нашего столетия находятся у всех перед глазами, и чудовищность их превосходит все, что только могли натворить предыдущие века с имевшимися в их распоряжении несовершенными орудиями.

389 Если бы (как многим хотелось бы верить) бессознательное было исключительно злым и нечестивым, ситуация упростилась бы и был бы ясен путь: делать добро, избегая зла. Но что такое "добро" и что такое "зло"? бессознательное не является одним лишь злом по природе, оно также - источник наивысшего "добра"⁴⁵; оно не только тьма, но и свет, не только что-то животное, недочеловеческое, демоническое, но и нечто сверх человеческого, духовное, "божественное" в классическом смысле слова. Меркурий, персонифицирующий бессознательное⁴⁶, обладает "двойственной" сущностью, парадоксально дуалистичен по природе, выступая демоном, монстром, зверем, но в то же время и панацеей, "сыном философов", *sapientia Dei** и *donum Spiritus Sancti*^{47**}.

390 Поскольку дело обстоит именно так, следует оставить всякую надежду на простое решение. Все определения добра и зла начинают вызывать подозрение или просто становятся недействительными. В качестве моральных сил добро и зло сохраняются в незыблемом виде и - как простые истины, каковыми их считают уголовный кодекс, десять заповедей и обычная христианская мораль - не вызывают сомнения. Однако конфликт привязанностей представляет собой нечто более утонченное и опасное, - и отточенная мирской мудростью совесть долее не удовлетворяется ни предписаниями, ни идеями, ни красивыми словами. Когда ей приходится иметь дело с пережитком первозданной психе, переполненным ожидания будущего и жаждущим развития, она начинает беспокойно озираться в поисках какого-нибудь руководящего принципа или точки опоры. В самом деле,

по достижении указанной стадии нашего знакомства с бессознательным становится остро ощутимым недостаток чего-то подобного. Поскольку единственными заметными спасительными силами в сегодняшнем мире выступают те великие психотерапевтические системы, которые мы именуем религиями, ожидая от них спасения души, вполне естественно, что многие предпринимают оправданную и нередко удачную попытку отыскать для себя нишу внутри одной из существующих конфессий и, тем самым, глубже постичь назначение традиционных спасительных истин.

391 Такое решение нормально и вполне удовлетворительно, так как догматически сформулированные истины христианской

**Мудрость Бога (лат.) — Прим. перев.*

*** Дар святого Духа (лат.) — Прим. перев.*

Церкви почти в совершенстве выражают природу психического опыта. Они служат хранилищами секретов души, и содержащееся в них ни с чем не сравнимое знание выражается в великолепных символических образах. Бессознательное, таким образом, обладает естественным сродством с духовными ценностями Церкви, в особенности в их догматической форме, своим специфическим характером обязанным столетиям теологических споров (сколь бы абсурдными они ни выглядели в глазах следующих поколений) и страстным усилиям многих великих людей.

7

392 Церковь была бы идеальным решением проблемы для всякого, кто ищет подходящего убежища, вместилища для хаоса бессознательного, - если бы не тот факт, что любое, даже самое утонченное творение человека имеет свои несовершенства. В действительности, возврат к Церкви, то есть в лоно определенной конфессии, не является всеобщим правилом. Гораздо чаще встречается улучшенное понимание религии как таковой и усиление связи с ней; а религию как таковую ничуть не следует путать с конкретной конфессией⁴⁸. По моему мнению дела складываются именно так из-за того, что, однажды постигнув оправданность наличия двух точек зрения или двух ветвей, на которые раскололось христианство*, никто уже не сможет отстаивать исключительную обоснованность какой-либо одной из них -ибо это было бы самообманом. Как христианин, он должен признать, что христианство, к которому он причисляет себя, уже четыреста лет пребывает в состоянии раскола и не только не спасает его, но напротив, впутывает его в конфликт и противостояние, до сих пор раздирающие на части тело Христово. Таковы факты, и ни одна из конфессий не сможет упразднить их, добиваясь решения в свою пользу, как будто бы она была совершенно уверена в обладании абсолютной истиной. Подобный подход несправедлив по отношению к современному человеку: он в состоянии отчетливо разглядеть преимущества протестантизма перед католицизмом и наоборот, и ему мучительно ясно, что сектантское упорство представляет собой попытку подавить его способность суждения и заставить его погрешить

** Западное, без учета православия. — Прим.. перев.*

против Святого Духа. Он даже понимает, почему церкви вынуждены так вести себя; он знает, что так и должно быть, чтобы никакой чересчур восторженный христианин не вообразил себя преждевременно, то есть уже сейчас, покоящимся в лоне Авраамовом, спасенным, умиротворенным и свободным от всякого страха. Страсти Христовы продолжают - ибо жизнь Христа в *corpus mysticum*", или христианская жизнь в обоих лагерях, пребывает в раздоре с самой собой, чего не может отрицать ни один честный человек. Таким образом, мы оказываемся точь-в-точь в ситуации невротика, вынужденного мириться с болезненным осознанием того, что он находится в центре конфликта. Его регулярные попытки подавить вторую сторону лишь усугубили его невроз. Врач обязан посоветовать ему принять конфликт, как он есть, вместе с тем страданием, которое он неизбежно за собой влечет; в противном случае, конфликт никогда не закончится.

Мыслящие европейцы - если они вообще интересуются подобными вопросами - оказываются (сознательно или полусознательно) протестантскими католиками либо католическими протестантами, ничуть не становясь от этого хуже. Неправы те, кто говорит мне, что таких людей не существует: я лично видел обе разновидности, и они весьма укрепили мои надежды на будущее европейцев. 393 Однако негативное отношение широкой публики ко всем "кредо" представляется в меньшей мере следствием религиозных убеждений, чем просто симптомом общей умственной лени и религиозного невежества. Можно сердиться на печально известный недостаток человеческой духовности; но если ты врач, ты не обязательно считаешь болезнь злонамеренной, а пациента - низшим в моральном отношении существом: напротив, следует предполагать, что отрицательные результаты вызваны применявшимся лекарством. Хотя мы вправе сомневаться, произошел ли хоть какой-нибудь отчетливо выраженный или вообще заметный прогресс морали на протяжении пяти тысячелетий известного нам цивилизованного развития человека, однако невозможно отрицать наблюдавшееся развитие сознания и его функций. Прежде всего имело место громадное расширение сознания в форме знания. Индивидуальные функции не только дифференцировались, но и в большой мере были поставлены под контроль эго - то есть развилась воля человека. Это особенно бросается в глаза, если мы сравним

* *Мистическое тело (лат.) — Прим. перге.*

нашу ментальность с ментальностью первобытных людей. Уверенность в себе нашего эго значительно возросла по сравнению с более ранними временами и совершила столь опасный рывок вперед, что, хотя мы иногда и говорим о "Божьей воле", но уже не знаем, что имеем в виду - ибо тотчас же на одном дыхании заявляем: "Было бы желание, а возможность найдется". Кому взбредет в голову апеллировать к Божьей помощи, а не к доброй воле, чувству долга и ответственности, разуму или интеллекту своих собратьев по человечеству?

394 Что бы мы ни думали об этих переменах в мировоззрении, изменить сам факт их наличия мы не в состоянии. Сейчас, когда произошли заметные сдвиги в состоянии сознания индивида, должны подвергнуться переменам и конstellлировавшиеся в связи с этим бессознательные содержания. И чем дальше ситуация сознания уходит от определенной точки равновесия, тем сильнее, а потому и опаснее становятся бессознательные содержания, борющиеся за восстановление баланса. В конце концов, это ведет к диссоциации: с одной стороны, эго-сознание делает конвульсивные попытки стряхнуть с себя своего невидимого оппонента (если вообще не подозревает в своем соседе дьявола!), а с другой стороны, оно все больше становится жертвой тиранической воли внутренней "правительственной оппозиции", обнаруживающей в комбинированном виде все харак

теристики демонического недочеловека и сверхчеловека.

395 Когда в такое состояние приходят несколько миллионов людей, создается именно та ситуация, которая ежедневно в течение последних десяти лет преподносит нам наглядные уроки. Все эти современные события самым своим своеобразием выдают свою психологическую основу. Бессмысленная страсть к опустошению и разрушению представляет собой реакцию на отклонение сознания от точки равновесия. Ибо между психическим эго и не-эго действительно существует равновесие, и равновесие это есть *religio*, "тщательный учет"⁴⁹ постоянно присутствующих бессознательных сил, пренебрегая коими, мы подвергаем себя опасности. Нынешний кризис вызревал столетиями как раз из-за указанного сдвига в положении сознания человека.

396 Приспособились ли церкви к этим переменам светского характера? Их истина может именоваться "вечной" даже с еще большим правом, чем мы осознаем, но светское облачение этой истины обязано отдавать дань мимолетности всего земного и учитывать происходящие психические изменения. Вечная истина нуждается в человеческом языке, меняющемся вместе с духом времени. Первозданные образы подвергаются непрерывным трансформациям, в сущности оставаясь теми же, - но только в новой форме они могут быть снова поняты. Всякий раз нужна новая их интерпретация, чтобы с обветшанием каждой

предыдущей интерпретации они не утрачивали своей способности зачаровывать и связывать fugax Mercurius^{50*} и не давали ускользнуть этому полезному, хотя и небезопасному противнику. Что такое "вливать новое вино в старые мехи"? Где найти то, что отвечало бы духовным потребностям и заботам новой эпохи? Где знания, чтобы справиться с психологическими проблемами, вызванными развитием современного сознания? Никогда ранее вечная истина не сталкивалась с такой самоуверенностью воли и власти.

8

397 Вероятно, в этом (если не учитывать мотивов личностного характера) заключены глубинные причины того факта, что большая часть Европы покорилась новому язычеству и антихристианству и противопоставила религиозный идеал светской власти метафизическому идеалу, основанному на любви. Однако принимаемое индивидом решение не принадлежать к Церкви не обязательно указывает на его антихристианскую позицию; оно может означать и прямо противоположное - а именно, новый взгляд на Царство Божье в сердце человека, где по словам св.Августина⁵¹, *mysterium paschale* "свершается" в своих внутренних, высших значениях". В древнем, давно сошедшем на нет представлении о человеке как микрокосме содержится высочайшая психологическая истина, которую все еще предстоит открыть. В прежние времена эта истина проецировалась на тело, так же как в алхимии бессознательная психе проецировалась на химические вещества. Но все выглядит совсем иначе, если микрокосм понимается как тот внутренний мир, чья глубинная природа проявляет себя в бессознательном в качестве ускользающего проблеска. Намек на это замен в словах Оригена: "Intellige te alium mundum esse in parvo et esse

* *Неуловимый Меркурий (лат.) — Прим. перев.* "

** *Пасхальное таинство (лат.) — Прим. перев.*

intra te Solem, esse Lunam, esse etiam stellas". ("Пойми, что ты есть второй, меньший мир, и что внутри тебя есть солнце и луна, и звезды")⁵². И, как космос не представляет собой разлетающуюся массу частиц, но покоится в единстве Божьих объятий, так и человек должен не растворяться в водовороте навязываемых ему бессознательным враждующих возможностей и тенденций, но стать единством, объемлющим их все. Ориген весьма кстати замечает: "Vides, quomodo ille, qui puta-tur unus esse, non est unus, tot in eo personae videntur esse, quot mores". ("Видишь, что тот, кто считается единым, не един, но кажется, что в нем столько лиц, сколько в нем устремлений .) . Одержимость бессознательным означает разорванность, разделение между многими людьми и вещами, *disiunctio**". Именно поэтому, согласно Оригену, цель христианина - стать внутренне объединенным человеческим существом⁵⁴. Слепое настаивание на внешнем единстве Церкви, естественно, не справляется с данной задачей; напротив, оно, само того не замечая, гарантирует внутреннее разъединение с внешним вместилищем, не осуществляя реального превращения *disiunctio* в *coniunctio*.

398 Тягостный конфликт, начинающийся с *nigredo* или *tenebro-sitas**" описывается алхимиками как *separatio* или *divisio elementorum***, *solutio*, *calcinatio*, *incineratio**** или как расчленение тела, как растерзание животных и принесение их в жертву, отсечение материнских рук или львиных лап, как атомизация жениха в теле невесты и т.д.⁵⁵. Покуда протекает эта крайняя форма *disiunctio*, происходит трансформация того тайного, что - будучи либо веществом, либо духом, - низменно оказывается загадочным Меркурием. Иными словами, из чудовищных животных форм постепенно возникает *res simplex**, чья природа едина, но тем не менее составлена из двойственности ("объединенная двойственная природа" Гете). Алхимик пытается обойти этот парадокс или антиномию с помощью разнообразных своих процедур и формул, и сделать из двух одно⁵⁶. Но сомнительность его успехов доказывается самим многообразием используемых символов и символических процессов. Очень редко можно встретить символы указанной цели, двой-

* *Разъединение (лат.) - Прим. перев.*

** *Затененность (лат.) - Прим. перев.*

*** *Разделение элементов (лат.) — Прим. перев.*

**** *Растворение, выжигание, испепеление (лат.) — Прим. перев.*

+ *Простая вещь (лат.) - Прим. перев.*

ственная природа которых не становилась бы сразу же заметной. Filius phlosophorum алхимика, его lapis, его rebis, его гомункулус - все они отличаются гермафродизмом. Его золото - поп vulgi**, его lapis - дух и тело; такова же его тинктура -sanguls splrltualls , "духовная кровь"⁵⁷. Таким образом, мы можем понять, почему nuptiae chymicae***, царская свадьба, занимает столь важное место в алхимии в качестве символа высшего и окончательного соединения: ею представлена "магия посредством аналогии", которая предположительно должна привести делание к завершению и связать любовью противоположности - ибо "любовь сильнее смерти".

9

399 Алхимия описывает, не просто в общих чертах, но часто в самых удивительных подробностях, такую же психологическую феноменологию, какая наблюдается при анализе бессознательных процессов. Показное единство индивида, подчеркнуто декларирующее "Я хочу, я думаю", распадается под натиском бессознательного. До тех пор пока пациент может считать кого-то другого (своих отца или мать) ответственными за испытываемые им затруднения, он способен сохранять некое подобие единства (putatur unus esse!)****. Но как только он осознает, что у него есть тень, что его враг находится в его собственном сердце, возникает конфликт, и одно становится двумя. Поскольку "второе" в конце концов оказывается очередной двойственностью, составленной из противоположностей, эго вскоре попадает в положение мячика, перебрасываемого между множеством "устремлений" и, как результат, случается, что "гаснет свет", то есть сознание лишается своего потенциала, и пациент уже не в состоянии распознать, где начинается и где заканчивается его личность. Ситуация подобна прохождению через затененную долину, и пациенту приходится цепляться за врача как за последний осколок реальности. Такая ситуация затруднительна и обременительна для обеих сторон; зачастую врач оказывается во многом в том же положении, что и

* *Сын философов (лат.) — Прим. перев.*

** *Не принадлежащее толпе (лат.) - Прим.. перев.*

*** *Химическая свадьба (лат.) — Прим. перев.*

**** *Считается единым (лат.) - Прим. перев.*

алхимик, которому уже трудно сказать - то ли он плавит в тигле таинственную амальгаму, то ли сам находится в огне, как саламандра. Психологическая индукция неизбежно заставляет обе стороны участвовать в трансформации некоего третьего и самим также трансформироваться в ходе этого процесса; все это время знания врача подобно мерцающей лампе служат единственным смутным проблеском света во тьме. Ничто не отображает психологическое состояние алхимика лучше, чем разделение его рабочей комнаты на "лабораторию", где он возится со своими тиглями и перегонными кубами, и "молельню", где он молит Бога о весьма необходимом ему просветлении: "очисти ужасающую тьму нашего разума"⁵⁸, как гласит цитата из Аугоа.

400 "Ars requirit totum hominem"* - читаем мы в одном из старинных трактатов⁵⁹. Это в высшей степени верно и по отношению к психотерапии. Искреннее участие, далеко выходящее за рамки профессиональной рутины, является абсолютным императивом - если, конечно, врач не предпочитает подвергнуть риску провала всю процедуру, уходя от своих собственных проблем, все настоятельнее требующих внимания. Врач обязан достигнуть пределов своих субъективных возможностей, иначе пациент не сможет следовать его примеру. Произвольно выставленные пределы здесь не годятся; речь идет о пределах реальных. Должен происходить подлинный процесс очищения, когда "все избыточное сжигается огнем", проступают наружу фундаментальные факты. Есть ли что-нибудь более

фундаментальное, чем осознание: "Это и есть я"? Оно выявляет единство, тем не менее выступающее - или ранее бывшее - разнообразием. Это уже - не прежнее эго с его притворством и искусственными уловками, а новое, "объективное" эго, которое в силу такого эго качества лучше назвать "самостью". Теперь это уже не просто подборка удобных фикций, но цепочка упрямых фактов, составляющих тот крест, который мы обречены нести, или ту судьбу, которую мы в себе воплощаем. Такие первые намеки на будущий синтез личности, как показано в моих прежних публикациях, проявляют себя в снах или в "активном воображении", где они приобретают форму символов мандалы, не чуждых также и алхимии. Однако первые знаки этого символизма отнюдь еще не указывают на то, что единство достигнуто. Как в алхимии имеется великое множество раз-

** Искусство требует всего человека (лат.) — Прим., перев.*

образнейших процедур, от семикратной до тысячекратной дистилляции, или от "работы одного дня" до "странствий и исканий", длящихся десятилетия, - так и напряженность, возникающая между психическими парами противоположностей, ослабляется лишь постепенно; и, подобно алхимическому конечному продукту, который всегда выдает свою сущностную двойственность, достигшая единства личность никогда до конца не утратит тягостное ощущение внутреннего разлада. Полное избавление от страданий мира сего всегда остается и будет оставаться иллюзией. Ведь и земная жизнь Христа закончилась не счастливым благодушием, а распятием. (Примечателен тот факт, что материализм, ставя свои гедонистические цели, как бы по-братски пожимает руку определенным разновидностям "радостного" христианства.) Цель важна лишь в качестве идеи; существенным здесь является *opus**, ведущее к цели; оно и есть цель на всю жизнь. В процессе достижения этой цели "левое и правое"⁶⁰ объединяются, и сознание и бессознательное начинают действовать в гармонии друг с другом.

10

401 *Coniunctio oppositorum***, олицетворяемых Солнцем и Луной, царственной парой брат-сестра или мать-сын, занимают в алхимии столь важное место, что иногда весь процесс принимает форму *hierogamos**** со всеми его мистическими последствиями. Вероятно, простейшей и наиболее полной иллюстрацией этого может служить серия рисунков, содержащихся в издании *Rosarium philosophorum***** 1550 г., которые я далее воспроизвожу. Столь подробное их рассмотрение оправдывается их психологической важностью. Все, что врач обнаруживает и испытывает в ходе анализа бессознательного своего пациента, самым примечательным образом совпадает с содержанием этих рисунков. Похоже, это - не простое совпадение; ибо в старину алхимики зачастую были также и врачами и, таким образом, у них были обширные возможности для переживания подобного опыта, - если они, как Парацельс, заботились о психологическом благополучии своих

** Делание (лат.) — Прим. перев.*

*** Соединение противоположностей (лат.) — Прим. перев.*

***** Иерогамия, священный брак (греч.) — Прим. перев.*

****** Четки философов (лат.) — Прим. перев.*

пациентов или вникали в их сновидения (с целью диагностики, прогностики и терапии). Таким путем они могли получать информацию психологического характера - не только от своих пациентов, но и от самих себя, то есть на основании наблюдения собственных бессознательных содержаний, активизированных посредством индукции⁶¹. Точно также как и сегодня бессознательное выражает себя в сериях рисунков, зачастую спонтанно создаваемых пациентом, так и давние рисунки, обнаруживаемые нами в *Codex Rhenoviensis* 172 в Цюрихе и в других трактатах, несомненно, создавались сходным путем, то есть они хранят в себе впечатления, накопленные в процессе делания и затем интерпретированные либо модифицированные в свете традиционных факторов⁶². Также и на современных рисунках мы находим немало проявлений традиционных тем, наряду со спонтанными

повторениями архаических или мифологических идей. Ввиду столь тесных связей между рисунком и психическим содержанием, мне кажется уместным рассмотреть серию средневековых рисунков в свете современных открытий или даже использовать их в качестве нити Ариадны при нашем рассмотрении последних. Средневековые курьезы, о которых идет речь, содержат в себе зерна многого из числа того, что в более явственной форме прорастет лишь многими столетиями позже.

Примечания

1 "Accipe canem corascenum masculum et caniculum Armeniae" ("Возьми Корасценского кобеля и армянскую суку"). "De alchimiae difficultatibus", Theatr. chem. I, p. 163. Цитата из Калида (в Rosarium, Artis auriferae, II, p. 248) звучит так: "Accipe canem coetaneum et catulam Armeniae" ("Возьми Козтанского кобеля и армянскую суку"). В магическом папирусе Селена (луна)

именуется KUCOV (сука). — Paris MS. Z 2280, в Preisendanz, Papyri Graec. Magicae, I, p. 142. У Зосимы это — собака и волк — Berthelot, Alchimistes grecs. III, xii, 9. [Мы не предпринимаем попыток перевести слова corascenum и coetaneum, считая, что они либо испорчены, либо могут обозначать географические названия. — Прим. изд. — Второе из этих слов может означать "одного и того же возраста (лат.) — Прим. перев.]

2 Зосима в Berthelot, Alch. grecs, III, xii, 9.

3 Классический пассаж можно встретить в Senior, De chemia, p.8: "Tu mei indiges, sicut gallus gallinae indiget" ("Ты нуждаешься во мне, как петух нуждается в курице").

4 В литературе имеются многочисленные изображения такого рода.

5 Kekule, Lehrbuch der organischen Chemie, I, pp.622f., Fierz-David, £>;'e Entwicklungsgeschichte der Chemie, pp.235ff.

6 Zacharius, "Opusculum", 77i

7 "Consilium coniugii", Ars chemica, p.259. Ср. Aurora Consurgens, I, Ch.II: "Est namque donum et sacramentum Dei atque res divina" (Ибо она [Мудрость] — дар и таинство Бога, божественная вещь").

8 Это не противоречит тому факту, что мотив coniunctio обязан своей завораживающей силой прежде всего своему архетипическому характеру.

9 Ср. подробное описание в Rahner. "Mysterium lunae".

10 Подборку классических источников можно найти в: Klinz. 'Епос; уаос;.

11 Bousset. Hauptprobleme der Gnosis. pp.69ff., 263f.. 315ff.; Leisegang, Der heilige Geist, I, p. 235.

12 Я называю бессознательные процессы "гипотетическими", поскольку бессознательное по определению недоступно непосредственному наблюдению, и судить о нем можно только путем умозаключений.

13 Я не рассматриваю так называемые гомосексуальные формы, такие как отношения отец-сын, мать-дочь и т.п. Насколько мне известно, в алхимии подобная разновидность отношений упомянута лишь однажды в "Visio Arislei", Art. aurif., I, p. 147: "Domine, quamvis rex sis, male tamen imperas et regis: masculos namque masculis coniunxisti, sciens quod masculi non gignunt".

("Хоть ты и царь, но царствуешь и правишь плохо; ибо ты соединил самцов с самцами, а ведь знаешь, что самцы меж собою не дают приплода").

14 Фрейд говорит (Introductory Lectures, part III, p.455) следующее: Решающая часть работы осуществляет путем реализации в отношении пациента к врачу - в "переносе" — новых воспроизведений прежних конфликтов; в ходе их пациент будет склонен вести себя так же как вел себя в прошлом... На месте настоящей болезни пациента появляется искусственно сконст

руированная болезнь переноса, на месте разнообразных нереальных объектов его либидо оказывается единственный (также воображаемый) объект в лице врача". Можно

сомневаться, всегда ли перенос создается искусственно, ибо он представляет собой феномен, вполне способный проявляться вне какого бы то ни было лечения; более того, он часто происходит естественным

образом. В самом деле, в любых хоть сколько-нибудь интимных человеческих отношениях почти всегда присутствуют определенные элементы переноса, иногда помогающие этим отношениям, а иногда нарушающие их.

15 "Если только пациент в достаточной мере считается с необходимыми условиями анализа, нам систематически удастся преуспеть в придании всем симптомам болезни нового переносного значения и в замене исходного невроза неврозом переноса" ("Remembering, Repeating and Working-Through",

p. 154). Фрейд явно здесь приписывает себе слишком большую роль. Перенос ничуть не является делом рук врача. Часто он уже идет полным ходом, прежде чем врач успеет попросту открыть рот. Фрейдовская концепция переноса как "нового воспроизведения старых нарушений", "заново созданного трансформированного невроза" или "нового искусственного невроза" {Intro

ductory Lectures, part III, p.444) верна лишь в том, что перенос у пациента-невротика также невротичен — однако невроз такого рода не является ни новым, ни искусственно созданным; это — все тот же прежний невроз, а новое в нем лишь то, что в его водоворот теперь вовлечен и врач, причем более в качестве жертвы, нежели в качестве творца.

16 Фрейд в свое время успел открыть феномен "обратного переноса". Те, кто знаком с его техникой, легко могут заметить присущую ей ярко выраженную тенденцию, насколько можно, удерживать личность врача вне досягаемости для этого эффекта. Отсюда - и то, что врач предпочтительно усаживается за пациентом, и претензии врача на то, что перенос является продуктом его техники, тогда как на самом деле это — вполне естественное явление,

могущее случиться с ним так же, как и с учителем, священником, обычным лечащим врачом и — не в последнюю очередь — с мужем. Фрейд также использует выражение "невроз переноса" в качестве собирательного термина для обозначения истерии, истерических страхов и неврозов принуждения

(Ibid., p.445).

17 Воздействие, которому подвергается врач или сиделка, может оказаться очень глубоким. Мне известны случаи, когда при работе с пограничными случаями шизофрении действительно "принимались на себя" краткие периоды психоза, при этом пациенты в эти периоды чувствовали себя лучше обычного. Мне даже пришлось столкнуться со случаем паранойи вторичного

происхождения у врача, проводившего анализ с женщиной, которая переживала ранний стадии латентной мании преследования. Здесь нет ничего удивительного, поскольку некоторые психические расстройства могут быть крайне заразными, если врач обладает скрытой предрасположенностью сход

ной направленности.

18 Фрейд и сам говорит об этом ("Observations on Transference-Love", p.380): "Трудно представить себе более бессмысленную процедуру. Поступая подобным образом, аналитик лишает данный феномен столь убедительного элемента спонтанности и создает себе в будущем трудно преодолимые препятствия".

Здесь Фрейд подчеркивает "спонтанность" переноса, в противоположность своим же взглядам, цитировавшимся выше. Тем не менее, те, кто "требуют" переноса, имеют возможность опереться на следующее загадочное высказывание своего учителя ("Fragment of an Analysis of a Case of Hysteria", p. 116): "При тщательном рассмотрении аналитической техники становится ясно, что

перенос является [чем-то требуемым в силу необходимости]." [слова "... что перенос является неизбежно необходимым", стоящие здесь в авторизованном переводе, упрощают значение слов Фрейда "etwas notwendig Gefordertes"- Прим. перев.].

19 Суггестия происходит сама по себе, и врач не может ни предотвратить ее, ни произвести ее ценой каких-либо усилий.

20 Польза от "добрых советов" зачастую весьма сомнительна, но из-за своей малой действительности они обычно не опасны. Именно их, в числе прочего, ждет публика от *persona medici*.

21 Другим прекрасным примером служит Елена (Селена) Симона Волхва.

22 Читатель должен знать, что я понимаю либидо не в первоначальном фрейдовском смысле *appetitus sexualis* [сексуальное влечение (лат.) — Прим. перев.], а в смысле *appetitus* [влечение (лат.) — Прим. перев.], который можно определить как психическую энергию. См. "О психической энергии".

23 Такую точку зрения я предлагаю в качестве объяснения определенных процессов в "Теории психоанализа".

24 Frazer, *Taboo and the Perils of the Soul*, pp.54f.

25 То же явление в меньшем масштабе, но не менее ясно просматривается в переживаниях и состоянии подавленности, предваряющих любое психологическое усилие особого рода, такое как экзамен, лекция, важное собеседование и т.д.

26 Там, где *nigredo* отождествляется с *putrefactio* [Разложение (лат.) — Прим. перев.] оно появляется не в начале — например, на рис.6 в серии иллюстраций к *Rosarium philosophorum. Art. aurij.* II, p.254. В *Mylius. Philosophia reformata*, p. 116. *nigredo* возникает только на пятой стадии делания, во время "*putrefactio, quae in umbra purgatorii celebratur*" ("разложения, празднуемого во тьме чистилища"); но дальше (p. 118) мы в противоречии с этим читаем: "*Et haec denigratio est operis initium. putrefactionis indicium*" и т.д. (И такое *denigratio* — неперуQHе (лат.) - Прим. перев.] является началом делания, оно — показатель разложения").

27 "Бессознательное тождество" — то же, что *participation mystique* [мистическое соучастие (фр) — Прим. перев.] Леви-Брюля. Ср. его "Первобытное мышление".

28 Рисуночное изображение этого момента в виде вспышки молнии и "рождения камня" можно найти в моей работе "A Study in the Process of Individuation", рис.2

29 Ибо он — "неведомый отец": тема, встречающаяся в гностицизме. См.: Bousset, *Hauptprobleme der Gnosis*, Ch.II, pp.58-91.

30 Ср. видение Николая из Флюэ: тройной источник, возникающий из квадратного сосуда (Lavaud, *Vie profonde de Nicolas de Flue*, p.67; Stokli, *Die Visionen des seligen Bruder Klaus*, p. 19). В гностическом тексте говорится: "Во втором Отц[овстве] стоят пять деревьев, а посредине их — стол [тралЕС/х] — на столе стоит Единородное слово \Xoyoyq (.IOVoyEvfjc;) ". (Baynes, *A Coptic Gnostic Treatise*). Стол — сокращенное обозначение тетрае^а, стола на четырех ножках или подставки (Ibid. p.71). Ср. Irenaeus. *Contra haereses*, III, 11, где "четвероевангелие", сравнивается с четырьмя херувимами видения Иезекииля. четырьмя странами света и четырьмя вет

рами: "*ex quibus manifestum est, quoniam qui est omnium artifex Verbum. qui sedet super Cherubim et continet omnia, rieriit nobis quaririforme Evangelium, quod uno spiritu continetur*" ("из чего ясно видно, что Он, создатель всего. Слово [Логос], восседающий над Херувимами и все в себя вмещающий, дал нам Четвероевангелие, объемлемое единым духом"). Относительно кухни ср. Lavaud, *Vie profonde*, p.67 и Stokli, *Die Visionen*, p. 18.

31 Это — не метафизическое утверждение, а психологический факт.

32 В связи с птицей, несущей ветвь с цветами, см. ниже рис.2 и 3.

33 Avalon, *Tre Serpent Power*. pp.345ff.

34 Фрейд, как мы знаем, смотрел на проблему переноса с позиций персоналистской психологии, а потому проглядел самую суть переноса — коллективные содержания архетипической природы. Причина этого заключается в его хорошо известном негативном отношении к психической реальности

архетипических образов, отвергавшихся в качестве "иллюзий". Такой материалистический уклон мешает строгому применению феноменологического принципа,

без которого объективное исследование психе абсолютно невозможно. Мое рассмотрение проблемы переноса, в противоположность фрейдовскому, включает в себя архетипический аспект и, таким образом, дает совершенно иную картину. Рационалистический подход Фрейда к проблеме достаточно логичен, покуда хватает его персоналистских предпосылок; однако и в теории, и на практике их не всегда бывает достаточно, поскольку они не отдают должного очевидно примешивающемуся к данным архетипическому компоненту.

35 Численное соотношение латентных и явно выраженных психозов примерно таково же, как соотношение латентных и открытых форм туберкулеза.

36 Упомянутое Фрейдом интенсивное сопротивление попыткам рационально проанализировать перенос часто связано с фактом присутствия в некоторых явно сексуальных формах переноса скрытых содержаний коллективного бессознательного, не поддающихся рациональному анализу. Или же, если

такой анализ удастся, пациент оказывается отрезан от коллективного бессознательного и ощущает это как потерю.

37 Ср. Lully, "Testamentum", Bibliotheca chemica curiosa, I, pp.79ff. и Maier, Symbola aureae mensae, pp. 379ff.

38 Пар. 342 ел.

39 Ср.: "Дух Меркурий", часть II, разд.6.

40 Aurora consurgens, II (Art. aurif., I, pp. 185-246) заканчивается словами: "Et sic probata est medicina Philosophorum, quoniam omni [investiganti] fidei et pio praestare dignetur Deus omnipotens, unigenitusque filius Dei Dominus noster Jesus Christus, qui cum Patre et Spiritu sancto vivit et regnat, unus Deus per infinita saeculorum. Amen" (И так оказывается доказанной медицина Философов, которую всемогущий Бог и едиnorodный сын Божий Господь наш Иисус

Христос, живущий и царствующий с Отцом и святым Духом, единый Бог вовеки веков, да снизойдет предоставить каждому верному и благочестивому искателю. Аминь.) Несомненно это заключение восходит к Offertorium (молитве во время сот/пш£o)|смешивание (лат.) — Прим. перев], где

говорится: "... qui humanitatis nostrae fieri dignatus est patriceps, Jesus Christus. Filius, Filius tuus. Dominus noster: qui tecum vivit et regnat in imitate Spiritus Sancti Deus per omnia saecula saeculorum. Amen." (... каковой снизошел до того, чтобы разделить наш человеческий удел, Иисус Христос, твой Сын, Господь наш: он, кто живет и царствует с тобой в единении Святого Духа, Бог вовеки веков. Аминь.)

41 Ср. "Tractatus aureus", Ars chemica, p.21.

42 Kircher. "Oedipus Aegyptiacus", II, Class X, Ch.V, p.414. Существует связь между данным текстом и "Tabula smaragdina" [Изумрудная скрижаль (лат.) — Прим.. перев.]. Ср. Ruska, Tabula smaragdina, p.217.

43 В Rosarium (Art. aurif., II, p.230.) говорится: "Et scias, quod haec est longissima via, ergo patientia et mora sunt necessariae in nostro magisterio" (И знай, что путь сей крайне долог; а потому, в нашем мастерстве нужны неспешность и терпение). Ср. Aurora consurgens, I, Ch.10 : "Tria sunt necessaria videlicet patientia mora et aptitudo instrumentorum" (Три вещи надобны, а именно: терпение, неспешность и ловкость в обращении с орудиями).

44 Rosarium, p.231. Что алхимик видит в "металлической форме", то психотерапевт видит в человеке.

45 Здесь я должен специально подчеркнуть, что не намереваюсь ни заниматься любительской метафизикой, ни обсуждать вопросы веры, но говорю исключительно о психологии. Чем бы ни были религиозный опыт или метафизическая истина, взятые сами по себе, при эмпирическом подходе они оказываются в сущности психологическими феноменами, то есть они проявляют себя как таковые, а потому подлежат психологической критике, оценке и исследованию. Наука оставляется у своих собственных границ.

46 Ср.: "Дух Меркурий", часть II, разд. 10.

47 Алхимики также сравнивают его с Люцифером ("несущим свет"), падшим

прекраснейшим ангелом Бога. Ср. Mylius, Phil, ref., p. 18.

48 Ср. "Психология и религия", пар.6 ел.

49 Я пользуюсь классической этимологией слова religio, а не той, которую используют Отцы Церкви.

50 Maier, Symbola aureae mensae, p. 386.

51 Epistula LV (Migne, P.L., vol.33, cols.208-09)

52 Homiliae in Leviticum, V, 2 (Migne, P.G., vol.12, col.449)

53 Ibid.

54 Нот. in Librum Regnorum., I, 4.

55 "Перегоняемый из одной свадебной палаты в другую" — "Фауст", Часть I.

56 О том же процессе в индивидуальной психе см.: "Психология и алхимия", пар. 44 слл.

57 Ср. Ruska, Turba, Sermo XIX. p. 129. Термин восходит к Книге Эль-Хабиба (ibid., p.43).

58 "Spiritus alme,/illustrator hominum,/ horridas nostrae/ mentis purga teneb-ras" (Дух-кормилец [у К.Г.Юнга ошибочно "вышний" (sublime) — перевод латинского alte вместо alme, стоящего в тексте. —Прим. перев.\, просветляющий людей, очисти ужасающую тьму нашего разума). Notker Balbulus, Hymnus in Die Pentecostes (Migne. PL., vol.131, cols.1012-13).

59 Hoghelande, "De alchimiae difficultatibus", p. 139.

60 Ada Joannis, 98 (ср. James, Apocryphal New Testament, p.255: rai dpuovia аоф'юк; стоф'ю. 8s ооаа £v dxuovia uTtap/ouatv 8e£ioi ка\ dpicrtepoi, Suvdveu;, e&оосnai, dpxou rai aa'ijioves, svspysiai ("...и гармония мудрости; когда же есть мудрость, то пребывают в гармонии левое и правое, власти, начала, архоны, демоны, силы...")

61 Кардан (Somniorum synesiorum...) может служить прекрасным примером автора, рассматривавшего свои собственные сновидения.

62 По поводу деятельности по реинтерпретации см. мою работу "Brother Klaus", а также Lavaud, Vie profonde, Ch.III, "La Grande Vision".

ОПИСАНИЕ ФЕНОМЕНОВ ПЕРЕНОСА НА ОСНОВАНИИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К "ROSARIUM PHILOSOPHORUM"

Invenit gratiam in deserto populus... Иеремия ("Вульгата"), 31:2

"Народ... нашел милость в пустыне" -Иер.31:2 (Библия)

ФОНТАН МЕРКУРИЯ

Мы - первая природа и исток металлов,

С нашей помощью Искусство получает высшую тинктуру

Нет источника и нет воды, подобных мне;

Я и богатых, и бедных делаю как целостными, так и нездоровыми,

Ибо могу нести и здоровье и яд.

[Рис.1]

402 Соответствующий рисунок затрагивает самую сердцевину алхимического символизма, поскольку представляет собой попытку отобразить таинственное основание opus. Он представляет собой кватернион квадратной формы, характеризующийся четырьмя звездами, расположенными в четырех углах. Это -четыре элемента. Наверху, по центру, расположена пятая звезда, которой представлена пятая сущность, "Единое", производное от четырех, quinta essentia. Расположенный внизу резервуар - Герметический сосуд где происходит трансформация. В нем содержится Наше море, Вечная вода или, "божественная вода". Это - Море тьмы, хаос. Сосуд еще именуется утробой², в которой вынашивается foetus spraguticus (гомункулус)³. В противоположность окружающему его квадрату, резервуар

кругообразен, ибо представляет собой матрицу совершенной формы, в каковую должен быть преобразован квадрат, как несовершенная форма. Элементы внутри квадрата все еще разделены и враждебны друг другу, а потому подлежат соединению в круге. Надпись на краю резервуара подтверждает такое намерение. Она гласит (если раскрыть все сокращения): Единое суть Меркурий минеральный, Меркурий растительный, меркурий животный (растительный следовало бы передавать словом "живой", а *animalis*, "животный", - словом "одушевленный", в смысле "имеющий душу" или даже "психический")⁴. На внешней стороне резервуара имеются шесть звезд, вместе с Меркурием представляющих семь планет или металлов. Все они как бы содержатся в Меркурии, поскольку он –отец металлов. Когда он персонифицируется, то оказывается единством семи планет, Антропосом, чье тело и есть мир, - подобно Гайомарту, из чьего тела перетекают в землю семь металлов. Меркурий выступает матерью семи, а не только шести, также из-за своей женственной природы, ибо он сам - собственный отец и мать⁵.

403 Далее, из "моря" вырастает Фонтан Меркурия, *triplex nomine*, как говорится в связи с тремя манифестациями Меркурия⁶. Фонтан показан истекающим из трех труб в виде «молоко девственницы» «уксус источника» и «вода жизни». Это - три из его бесчисленных синонимов. Упоминавшееся выше единство Меркурия представлено здесь в виде триады. Неоднократно подчеркивается, что он троичен, *triunus* или *trinus*, - хтонический, нижний или даже inferнальный противовес Небесной Троицы: почти как дьявол у Данте, имеющий три головы⁷. По той же причине, Меркурий часто изображается в виде трехглавого змея. Над тремя трубами на рисунке видны солнце и луна, выступающие неизменными спутниками мистической трансформации, ее прародителями; чуть выше расположена звезда квинтэссенции - символ единства четырех враждующих элементов. В самой верхней части рисунка находится *serpens bifidus*, "раздвоенный" (двуглавый) змей, фатальный двойной, определяемый Дорном как дьявол⁸. Этот змей - *serpens mercurialis*⁹ репрезентирующий двойственную природу Меркурия. Головы змея изрыгают огонь, из коего коптская (или иудейская) Мария выводила свои *duo fumi*¹⁰. Это - те два испарения, конденсация которых¹¹ кладет начало процессу, ведущему ко множественной сублимации или дистилляции, призванной удалить дурные запахи, могильный смрад¹² и цепкую изначальную тьму.

ROSARIVM

404 Данная структура отображает "тетрамерию" (четырёхсос-тавную природу) процесса трансформации, которая была известна уже грекам. Процесс начинается состоянием хаоса, когда четыре элемента существуют отдельно, и постепенно восходит к трем манифестациям Меркурия в неорганическом, органическом и духовном мирах; а после достижения форм Солнца и Луны (то есть драгоценных металлов, золота и серебра, но также и сияния божеств, способных любовью преодолеть борьбу между элементами) достигает кульминации в единой и неделимой (непорочной, эфирной, вечной) природе *anima*, *quinta essentia*, *aqua permanens*, тинктуры или *lapis philosophorum*. Такая прогрессия от числа "4" к "3" и далее к "2" и "1" представляет собой "аксиому Марии", в различных формах проходящую через всю алхимию в качестве лейтмотива. Отложив в сторону всевозможные "химические" объяснения, мы придем к следующей символической схеме: исходное состояние целостности отмечено четырьмя взаимно антагонистичными тенденциями: ибо "4" является тем наименьшим числом, с помощью которого можно естественным, видимым образом определить круг. Уменьшение этого числа имеет целью окончательное единство. Первым в прогрессии появляется "3", мужское число, а из него возникает женское число "2"¹³. Мужское и женское неизбежно конструируют идею сексуального соединения как средства порождения "1", числа, затем последовательно называемого царский сын или сын философов.

405 Кватернион¹⁴ представляет собой один из самых широко распространенных архетипов; он также оказался одной из наиболее полезных схем упорядочивания функций, с

помощью которых сознание осуществляет свою ориентацию¹⁵. Это - нечто вроде перекрещивающихся нитей в телескопическом поле зрения нашего понимания. Крест, образуемый точками кватерниона, весьма универсален и, к тому же, наделен для западного человека наивысшим возможным моральным и религиозным значением. Подобно этому, и круг как символ полноты и совершенства служит широко распространенным обозначением неба, солнца и Бога; он также выражает первоначальный образ человека и души¹⁶. "Четыре", в качестве минимального числа, способного создать упорядоченность, репрезентирует плюралистическое состояние человека, еще не достигшего внутреннего единства, следовательно - состояние скованности и разъединенности, дезинтеграции, когда человека раздирают разнонаправленные силы, муки неискупленности, стремящейся к единству, примирению, спасению, исцелению и целостности.

406 Триада выступает в качестве "мужского начала", то есть активно действующего, *agens*, алхимический эквивалент которого - "движущееся вверх". В отличие от него, двойка выступает "женским началом", поглощающим, претерпевающим, *pa-tiens*, тем материалом, который еще подлежит формированию и оплодотворению (*informatio, impraegnatio*). Психологические эквиваленты триады - потребность, желание, инстинкт, агрессия, решительность, тогда как двойка соответствует реакции психической системы как целого на импульс или решение, исходящие от сознания. Последнее, конечно, попросту погибло бы в бездействии, если бы ему не удавалось преодолевать инерцию чисто природного человека и достигать своей цели, несмотря на его леность и постоянное сопротивление. Силой или убеждением, сознание оказывается способным осуществить свои задачи, и лишь в проистекающем отсюда действии человек становится живой целостностью и единством ("В начале было дело", как заявляет Фауст¹⁷), конечно, если действие представляет собой зрелый продукт процесса, охватывающего всю психе, а не просто спазм или импульс, ведущий к ее подавлению.

407 Следовательно, наша символическая картина по сути является иллюстрацией к методам алхимии и к ее философии. Эти методы и эта философия не задаются природой материи в том виде, в каком ее знали древние адепты; она может выводиться только из бессознательной психе. Несомненно, определенную роль у алхимиков играли также сознательные спекуляции, однако они ничуть не мешали проекциям бессознательного, ибо всякий раз, когда разум исследователя удаляется от точного наблюдения над фактами, стоящими перед ним, и идет собственной дорогой, бессознательный направляющий дух берет верх и возвращает этот разум назад, к неизменно лежащим в его основе архетипам, которые из-за такой регрессии вынужденно оказываются спроецированными. Здесь мы попадаем на знакомую почву. Все это отображено в величественных образах последнего и наиболее значительного алхимического труда - в "Фаусте" Гете. В самом деле, Гете описывает переживаемый алхимиком опыт, когда тот обнаруживает, что спроецировал в реторту лишь свою собственную тьму, состояние неискупленности, свою страсть и стремление достичь цели, то есть стать тем, чем он является на самом деле, выполнить задачу, ради которой он был выношен матерью, и завершить скитания долгой жизни, полной сумятицы и ошибок, стать *filius regius* - сыном высшей матери. Мы можем обратиться еще и к важнейшему предтече "Фауста" - к Христиану Розенкрейцу с его "Химической свадьбой" (1616), несомненно бывшей известной Гете¹⁸. По сути, здесь развивается та же тема, та же "аксиома Марии"; рассказывается, как Розенкрейц преобразается, уходит от своего прежнего непросветленного состояния и осознает себя состоящим в родстве с "царственностью". Однако в соответствии со временем написания (начало XVII века), весь процесс в значительно большей мере выглядит спроецированным и наблюдается лишь слабый намек на то, чтобы перенести проекцию на самого героя - что в случае Фауста превращает его в сверхчеловека¹⁹. Тем не менее, психологические процессы в обоих случаях в сущности одинаковы: это - осознание мощи тех содержаний, присутствие которых алхимия ощущала в тайнах материи.

408 Текст, сопровождающий изображение фонтана Меркурия, в основном посвящен

"воде" искусства, то есть ртути. Дабы избежать повторений, я отошлю читателя к моей лекции "Дух Меркурий". Здесь я лишь скажу, что эта жидкая субстанция, со всеми ее парадоксальными свойствами, на самом деле означает бессознательное, которое на нее спроецировано. "Море" - его спокойное состояние, "фонтан" - его активизация, а "процесс" - его трансформация. Интеграция бессознательных содержаний выражается идеей эликсира, *medicina catholica* или *universalis*, золото пригодное для питья, "вечная пища", приносящими здоровье плодами философского древа, пылающего вина и всеми прочими неисчислимыми синонимами. Некоторые из них определенно зловещи, но тем не менее весьма характерны: это - *succus lunariae* или *lunatica* ("сок лунного растения")²⁰, вода Сатурна (заметим, что Сатурн - гибельное божество), яд, скорпион, дракон, сын огня, моча мальчика или собаки, сера, дьявол и т.д.

409 Хотя это явно и не сказано в тексте, извержение воды Фонтана Меркурия и ее стекание обратно в резервуар вместе образуют замкнутый круг, являющийся существенной характеристикой Меркурия, ибо он также - змея, оплодотворяющая, убивающая, поедающая себя и заново рождающаяся. В этой связи можем напомнить, что кругообразное море без стока, постоянно наполняемое заново из бьющего посередине источника, встречается у Николая Кузанского в качестве аллегии Бога²¹.

Примечания

1 [Там, где появляются такие эпитафии, они представляют собой перевод стихотворных подписей под гравюрами. Рис. 1-10 полностью воспроизводят страницы Франкфуртского первого издания (1550 г.) *Rosarium philosopho*-гит. Текстовые цитаты, однако, взяты из версии, помещенной в *Art. aurif.*, II (Базель, 1593 г.), за исключением стихов в пар.528 - Прим. изд.]

2 "*Consilium coniugii*" (*Ars chemica*, p. 147) говорится: "*Et locus generatio-nis, licet sit artificialis, tamen imitatur naturalem, quia est concavus, conclusus*" (Место вынашивания, будучи искусственным, тем не менее имитирует природное, поскольку оно пусто внутри и затворено). И еще на p.204: "*Per matricem, intendit fundum cucurbitae*" (Под маткой он понимает внутренность тыквы).

3 Ср. *Ruska, Turba*, p. 163.

4 Ср. *Hortulanus (Ruska, Tabula smaragdina. p. 186)*: "*Unde infinitae sunt partes mundi, quas omnes philosophus in tres partes dividit scil. in partem Mineralem Vegetabilem et Animalem.... Et ideo dicit habens tres partes philo-sophiae totius mundi, quae partes continentur in unico lapide scil. Mercurio Philosophorum*". (А посему неисчислимы составные части мира, которые всякий философ разделяет на три: на минеральную, растительную и животную части... И потому он говорит, что располагает тремя частями философии всего мира, каковые части содержатся в едином камне, а именно - в Меркурии Философов). В главе 13 читаем: "*Et ideo vocatur lapis iste perfectus, quia in se habet naturam mineralium et vegetabilium et animalium. Est enim triunus et unus, quatuor habens naturas*" (И сей камень именуется совершенным, ибо имеет в себе природу минеральную, растительную и животную. Ибо камень сей - тройственный и единый, обладающий четырьмя природами).

5 Ср. алхимическую доктрину *in creatum* [несотворенное (лат.) - Прим. перев.], "*Психология и алхимия*", пар.430 слл.

6 Цитата, восходящая к Розину в *Rosarium.*, p.249 гласит: "*Triplex in nomine unus in esse*" [Тройной по имени, единый по сути (лат.) - Прим. перев.]. Ср. тройственный Божий источник в видении Брата Клауса (*Lavaud, Vie profon-de*, p.66). Подлинный пассаж у Розина (у которого он, в свою очередь, является цитатой из Разеса) таков (*Art. aurif.*, I, p.300): "*Lapis noster cum mundi creato[re] nomen habet, qui est trinus et unus*" (Наш камень имя имеет общее с Создателем мира, тройственным и единым). Сениор (*De chemia*, p.45) говорит: "*Aes nostrum est sicut homo, habens spiritum, animam et corpus*.

Propterea dicunt sapientes: Tria et tria sunt unum. Deinde dixerunt: in uno sunt tria". (Наша

медь, как человек, имеет дух, душу и тело. Посему мудрецы говорят: Три и Три суть Единое. И еще говорят: в Едином содержатся Три). Ср. также у Зосимы (Berthelot. Alch. grecs. III, vi, 18). Фонтан Меркурия напоминает πτῦν |λευα.Χτ| [Большой источник (греч.) — Прим. перев.] ператиков (Hippolytus, Elenchos, V, 12. 2), образующий одну из частей трехчастного мира. Три части соответствуют трем богам, трем Хоуοί, трем духам (voί), трем людям. Данной триаде противостоит Христос, наделенный всеми свойствами триады, сам также имеющий триадическую природу, спускающийся с высот dyevvίma [нерожденное (греч.) — Прим. перев.] еще до разделения (Я предпочитаю чтение Бернэ про хщ [ср. Elenchos. p. 105] по причине его большей осмысленности).

7 У Абу-аль-Касима Iarīs называется "аль-шайтан", "Сатана". Ср. Holmyard, "Abu-1-Qasim al-Iraqi", p.422.

8 Змей также triplex nomine, как свидетельствуют надписи "animalis", "vegetabilis", "mineralis".

9 "Психология и алхимия", рис.120.

10 "Practica", Art. aurif., I, p.321: "Ipsa sunt duo fumi complectentes duo lumina" (Это - два дыма, окутывающие два огня).

11 На титульном листе издания Colonna, Le Songe de Poliphile, мы находим тот же мотив — в виде листьев, падающих с дерева, уходящего корнями в огонь. См. "Психология и алхимия", рис.4.

12 Ср. Aurora consurgens, I, Ch.IV: "Дурные запахи и испарения, отравляющие разум делателя", Также у Мориена (Art. aurif., II, p.34): "Nec enim est odor, qui assimilatur odori sepulchrorum..." (Ибо этот запах сходен со смрадом могил...)

13 Интерпретация нечетных чисел как мужских, а четных — как женских, имеет всеобщее распространение в алхимии и восходит еще к древности.

14. [Во втором издании [английского собрания сочинений КГ.Юнга - Прим. ред.] была сделана перестановка пар.405-407 с тем. чтобы поместить итоговые утверждения на логически подходящее им место, т.е. в пар.407 - Прим. изд.]

15 Ср. Jacobi, Psychology of C.G.Jung, Diagrams IV-VII.

16 О душе как квадрате, круге или сфере см. "Психология и алхимия", пар. 109 и пар.439, пр.47.

17 Вышеприведенные заметки следует понимать исключительно психологически, а не в моральном смысле. "Дело" как таковое — не сущность процесса психической жизни, а лишь ее часть (хотя и очень важная часть).

18 Кстати, Иоганн Валентин Андрее, подлинный автор "Химической свадьбы" написал также латинскую драму на тему Фауста, озаглавленную Turbo, sive Molestie et frustra per cuncta divagans ingenium [Вихрь, или талант, напрасно повсюду с великими трудами скитающийся (лат.) — Прим. перев.] (1616) — историю человека, знавшего все и пришедшего к разочарованию, но обретшего спасение в contemplatio Christi [одержжание Христа (лат.) - Прим. перев.]. Годы жизни автора, бывшего теологом в Вюртемберге, - 1586-1654.

19 Подробнее я рассматриваю данный психологический процесс в Two Essays, pars.224f., 380f.

20 Намек на сумасшествие. Afflictio animae [скорбь души (лат.) - Прим. перев.] упоминается у Олимпиодора (Berthelot, Alch. grecs, II, iv, 43), у Мориена (Art. aurif., II, p.18) и Майера (Symbola aureae mensae, pp.568), а также в китайской алхимии (Wei Po-yang, "An Ancient Chinese Treatise", pp.241-45).

21 Бог - и источник, и река, и море, и все они наполнены одной и той же водой. Троица есть жизнь, "идущая от себя к себе через себя" - Vansteenberghe, Le Cardinal Nicolas de Cues, pp.296f.

ЦАРЬ И ЦАРИЦА

410 На нашем первом рисунке не было показано таинство искусства или *conlunctio Soils et Lunae* как высшее единение враждующих противоположностей; но теперь оно, что и отвечает его важности, весьма подробно иллюстрируется целой серией рисунков. Царь и Царица - жених и невеста - приближаются друг к другу, чтобы быть помолвленными, либо вступить в брак. Элемент инцеста проявляет себя в отношении "брат-сестра" между Аполлоном и Дианой. Участники этой пары стоят, соответственно, на солнце и на луне, что указывает на их солнечную и лунную природы, в согласии с астрологическим предположением о значении местонахождения солнца для мужчины и луны - для женщины. Это - их первая встреча, еще с соблюдением дистанции, как можно заключить по придворным одеяниям. Оба протягивают друг другу левые руки, что вряд ли может быть непреднамеренным, ибо противоречит обычаям. Данный жест указывает на тщательно охраняемый секрет, "путь левой руки", как индийские тантристы называют свое поклонение Шиве и Шакти. Левая сторона - сторона тьмы и бессознательного; она неловка и не предвещает добра. К тому же, это - сторона сердца, из которого исходит не только любовь: с ним связаны все злые помыслы, все моральные противоречия человеческой природы, самым явственным образом выражающие себя в нашей эмоциональной жизни. Следовательно, соприкосновение левых рук можно считать показателем аффективной природы отношения, его сомнительного характера, поскольку оно представляет собой смесь небесной и земной любви, усложненную еще и подразумеваемым намеком на инцест. В такой деликатной, но по-человечески вполне понятной ситуации поразительно выглядит компенсаторный жест правых рук. Руки эти держат нечто составленное из пяти (4+1)

цветков. На каждой из ветвей, зажатых в руках, по два цветка; эта четверка, в свою очередь, соотносится с четырьмя элементами, два из которых - огонь и воздух - активны, а еще два - вода и земля - пассивны; первые приписываются мужчине, вторые - женщине. Пятый цветок спускается сверху и, предположительно, представляет *quinta essentia*; его приносит голубь Святого Духа - аналог голубя Ноя, несущего в клюве оливковую ветвь примирения. Птица слетает вниз со звезды квинтэссенции (ср. рис.2). В соответствующем библейском контексте (Бытие, 8, 11) "свежий масличный лист во рту" у голубя означает для Ноя, что "вода сошла с земли"; оливковая ветвь является символом мира не в библейской, а в античной мифологии

411 Настоящий секрет заключен в соединении правых рук, ибо, как показывает рисунок, оно опосредовано даром святого духа, царственным искусством. "Зловещее" соприкосновение левых рук начинает здесь ассоциироваться с реализуемым свыше единством кватернионов (мужской и женской манифестаций четырех элементов) в форме огдоады - восьмерки, состоящей из пяти цветков и трех ветвей. Мужские числа, присутствующие здесь, указывают на действие, решительность, целенаправленность, движение. Пятый цветок отличается от четырех других тем, что его приносит голубь. Три ветви соответствуют излиянию Меркурия *triplex pomine*, или трем трубам фонтана. Таким образом здесь еще раз вкратце пересказывается *opus* - то есть его глубинное значение, показывавшееся на первом рисунке. Многозначительно, что текст, сопровождающий рис.2, начинается следующими словами:

"Запомни хорошо: ничто в искусстве нашего мастерства не скрыто Философами, за исключением таинства искусства, каковое надлежит не раскрывать никому; если же случится противное, то виновник будет проклят, и падет на него Божий гнев, и он умрет от апоплексического удара. А посему, все ошибки в искусстве происходят оттого, что не берется подобающее вещество¹; по каковой причине всегда используйте достойную Природу, ибо от нее, через нее и в ней рождается наше искусство, и никак иначе; поэтому

наше мастерство есть дело Природы, а не делателя" 2.

412 Если воспринимать всерьез угрозу божественной кары за разглашение тайны, то в основе этого может крыться в нечто, что считается опасным для спасения души, то есть составляет подлинный "душевный риск". Причинный союз "посему", с которого начинается следующее предложение, может относиться лишь к секрету, не подлежащему разглашению; но поскольку *prima materia* в результате остается неизвестной, все, кто не знает секрета, совершают ошибки, происходящие из-за того, что, как было сказано, они вместо чистой Природы выбирают нечто произвольное и искусственное. Подчеркивание *venerabilis natura*² дает нам кое-какое представление о той страсти к исследованиям, которая в конце концов породила естественные науки, но часто оказывалась враждебной по отношению к вере. Унаследованное от прошлого поклонение природе стояло в более или менее тайной оппозиции к Церкви и уводило ум и сердце в направлении "пути левой руки". Что за ощущения вызвало у Петрарки восхождение на Мон Ванту! Св. Августин предупреждал в "Исповеди" (X,8): "И люди идут дивиться горным высотам, морским волнам, речным просторам, океану, объемлющему землю, круговращению звезд, - а себя самих оставляют в стороне!"

413 Исключительный акцент на природе в качестве единственного основания искусства находится в вопиющем противоречии с регулярно повторяющимися утверждениями о том, что искусство есть *donum Spiritus Sancti*, таинство мудрости бога и так далее, откуда мы должны были бы заключить, что алхимики были непоколебимо ортодоксальными в своих верованиях. Как правило, я и не считаю нужным в этом сомневаться. Напротив, их вера в просветление посредством Святого Духа представляется психологической необходимостью ввиду зловещей тьмы секретов природы.

414 И если текст, где столь настойчиво отстаивается чистая природа, поясняется или иллюстрируется таким изображением, как рис.2, нам следует предположить, что отношения между царем и царицей расценивались как что-то вполне естественное. Размышления и спекуляции по поводу *coniunctio* были неизбежны и не могли не затрагивать эротические фантазии - хотя бы в силу того, что производимые символические рисунки вырастают из соответствующих бессознательных содержаний, наполовину духовных, наполовину сексуальных, и призваны напоминать нам о сумеречной религии, ибо лишь из тьмы, где все неразлично, может родиться свет. Такой урок преподает нам природа и естественные науки; но дух верит в *lumen de lumine* - "свет, рожденный из света"⁴. Так или иначе, делатель оказался втянутым в игру бессознательных проекций, и вынужден теперь в страхе и содрогании пережить то таинственное, что с ним происходит. Даже насмешник и богохульник Агриппа Неттесгеймский проявляет примечательную сдержанность в своей критике "алкумистики"⁵. Довольно многое сказав по поводу этого сомнительного искусства, он затем добавляет⁶: "*Permulta adhuc de hoc arte (mihi tamen non ad modum inimica) dicere possem, nisi iuratum esset (quod facere solent, qui mysteriorum initiantur) de silentio*" (Я мог бы сказать еще много об этом искусстве - которое мне не так уж неприятно - если бы не клятва молчания, по обыкновению даваемая посвященными в мистерии)⁷. Такое смягчение критики, очень нетипичное для Агриппы, заставляет думать, что он занял оборонительную позицию: каким-то образом царственное искусство произвело на него впечатление.

415 Нет необходимости считать секрет искусства чем-то чересчур одиозным. Природа ничего не знает о моральной нечистоплотности, а ее истины и в самом деле весьма небезобидны. Нам надо лишь не забывать о том факте, что желаемое *coniunctio* не представляло собой законный союз, но всегда (можно сказать, почти "в принципе") было инцестом. Сопутствующий этому комплексу страх - "боязнь инцеста" - достаточно типичен; он подчеркивался уже Фрейдом. Такая боязнь усугубляется страхом перед принуждающей силой, исходящей от большинства бессознательных содержаний.

416 Соприкосновение левых рук и скрещение правых рук - под розой создает удивительно конкретный, но при этом тонкий намек на деликатность ситуации, в которую "достойная природа" ставит адепта. Хотя движение розенкрейцеров не прослеживается

вглубь веков далее, чем Слово и исповедание братства. Андрее (начало XVII в.)⁸, тем не менее в этом странном букете из трех цветущих веток мы видим "розовый крест", очевидно, появившийся еще до 1550 г.; но не менее очевидно и то, что он не претендует на статус подлинного *rosicruc*⁹. Как уже говорилось, его трехчастная структура напоминает о Фонтане Меркурия, одновременно указывая и на тот важный факт, что "розу" создают три живых существа: царь, царица, а между ними - голубь Святого Духа. Меркурий *triplex nomine* таким образом превращается в три фигуры, и о нем теперь можно говорить не как о металле или минерале, но лишь как о "духе". Он и в этой форме имеет три природы - мужскую, женскую и божественную. Конечно, то, что он совпадает со Святым Духом как третьей ипостасью Троицы, не имеет никакого догматического основания, однако "достойная природа", очевидно, позволяла алхимику наделять Святого Духа самым что ни на есть неортодоксальным, определенно земным напарником, точнее -дополнять его тем божественным духом, который заключен во всех тварях с самого дня Творения. Этот "нижний" дух - Первоначальный Человек, иранский по происхождению, гермафродит по природе, заточенный в Физис¹⁰. Это сферический, то есть совершенный человек, появляющийся в начале и в конце времен, выступающий началом и концом человека как такового. Это - целостность человека, находящаяся по ту сторону разделения полов и достижимая лишь путем воссоединения мужского и женского. Открытие такого высшего значения разрешает проблемы, создаваемые "зловещим" соприкосновением, и рождает из хаотической тьмы свет превосходящий всякий иной свет

417 Если бы мне не было известно на основании обширнейшего опыта, что развитие в подобном направлении случается и у современных людей, которых трудно заподозрить в каком-либо знакомстве с гностической доктриной Антропоса, я склонился бы к мысли, что алхимики поддерживали некую тайную традицию, -хотя свидетельства в пользу этого (намекы, содержащиеся в сочинениях Зосимы из Панополиса) настолько скудны, что Уэйт, относительно хорошо знающий средневековую алхимию, сомневается, существовала ли вообще тайная традиция¹¹. А потому, я придерживаюсь основанного на моих профессиональных наблюдениях мнения, что идея Антропоса в средневековой алхимии была в значительной степени "автохтонна", то есть являлась продуктом субъективно пережитого опыта. Она представляет собой "вечную" идею, архетип, способный возникать спонтанно в любое время и в любом месте. Антропос встречается даже в китайской алхимии, в сочинениях Вэй Пояня, написанных около 142 г. н.э. Там он именуется *chen-jen* ("подлинный человек")¹².

418 Откровение Антропоса сопряжено с незаурядными религиозными чувствами; оно означает почти то же, что для верующего христианина - видение Христа. Тем не менее, оно приходит не по божьему деланию, но по деланию природы; не свыше, но на основе преобразования тени, выходящей из Аида, которая сродни самому злу и носит имя языческого бога откровений. Данная дилемма проливает дополнительный свет на тайну искусства: здесь кроется серьезная опасность впадения в ересь. Вследствие этого, алхимики оказывались между Сциллой и Харибдой: они подвергали себя осознанному риску, с одной стороны, быть неверно понятыми и заподозренными в изготовлении фальшивого золота, с другой - быть сожженными на костре как еретики. Что касается золота, в самом начале текста, сопровождающего рис.2, *Rosarium* цитирует слова Сениора: "*Aurum nostrum non est aurum vulgi*". (наше золото не есть золото черни) Однако история показала, что алхимик скорее соглашался быть заподозренным в изготовлении золота, нежели в ереси. Остается открытым вопрос, на который вероятно, так и не будет ответа: до какой степени алхимики осознавали подлинную природу своего искусства? Здесь нам не помогут даже столь откровенные тексты, как *Rosarium* и *Aurora consurgens*.

419 Рассматривая психологические аспекты нашего рисунка, мы прежде всего должны будем подчеркнуть, что на нем изображена встреча двух людей, в которой решающую роль играет любовь. Одевания этой пары, соответствующие условностям, показывают, что и позиция обоих в данной ситуации также условна. Условности все еще разделяют их и

скрывают природную реальность, но решающее по своей важности соприкосновение левых рук указывает на нечто "зловещее", недозволенное, морганатическое, эмоциональное и инстинктивное, то есть, на фатальное присутствие инцеста, с его "извращенным" очарованием. В то же время вмешательство Святого Духа приоткрывает скрытое значение инцеста - хоть между братом и сестрой, хоть между матерью и сыном - как отталкивающего символа мистического единения. Хотя брачный союз близких кровных родственников везде табуируется, он остается прерогативой царей (свидетельство тому - инцестуальные браки фараонов и т.п.). Инцест символизирует воссоединение со своей собственной сущностью, он означает индивидуацию или становление Самости, а поскольку последняя столь обладает жутковатой зачаровывающей силой - вероятно, не столько как грубая реальность, сколько как психический процесс, контролируемый бессознательным: факт, хорошо известный всякому, кто знаком с психопатологией. Именно по этой причине, а вовсе не из-за отдельных случаев человеческого инцеста считалось, что первые боги производили потомство в инцесте. Инцест - попросту соединение подобного с подобным с подобным, представляющие собой следующую ступень в развитии первобытной идеи самооплодотворения

420 Описанная психологическая ситуация в суммарном виде подает то, что мы можем увидеть и сами, если тщательно проанализируем феномен переноса. За встречей, ограниченной условностями, следует бессознательное "освоение" партнера, осуществляемое путем проецирования архаических, инфантильных фантазий, первоначально направлявшихся на членов собственной семьи пациента и, в силу своего позитивного или негативного очарования, привязывавших его к родителям, братьям и сестрам¹⁴. Перенос таких фантазий на врача втягивает его в атмосферу семейной интимности, и хотя он менее всего желал чего-то подобного, это дает ему в руки *prima materia*, поддающуюся обработке. Раз уж перенос возник, врач вынужден принять его как составную часть лечения и попытаться понять его; в противном случае перенос будет лишь еще одной невротической глупостью. Сам по себе перенос - совершенно естественный феномен, случающийся отнюдь не только во врачебных кабинетах: его можно видеть повсюду, и он способен, как и все неосознаваемые проекции, вести ко всевозможным недоразумениям. Медицинское лечение переноса дает пациенту бесценный повод для устранения проекций, возмещения своих потерь и интеграции личности. Стоящие за всем этим импульсы, конечно, поначалу демонстрируют свои темные стороны, как бы мы ни старались обелить их; ибо неотъемлемой частью делания является тень свинца или черное солнце алхимиков, черная тень, которую каждый носит с собой, низший, а потому - скрываемый аспект личности, слабость, сопутствующий всякой силе ночь следующая за всяким днем, зло присутствующее в добре¹⁵. осознание этого факта естественно, сопряжено с опасностью стать жертвой тени но такая опасность также несет с собой и возможность принять сознательное решение не становится ее жертвой. Видимый враг всегда лучше, чем невидимый. В данном случае, по-моему, нет никакого смысла уподобляться страусу и прятать голову в песок. Определенно не идеальный способ поведения для человека - всегда оставаться ребенком, жить в постоянном состоянии самообмана, сваливая все неприемлемое на своих близких и отравляя им жизнь своими предрассудками и проекциями. Сколько браков было испорчено на долгие годы, если не навсегда, из-за того, что муж видел в жене собственную мать, а жена в муже - отца, и ни один из них не признавал реальность другого! В жизни и без того немало трудностей; по крайней мере, мы могли бы обойтись без наиболее глупых из их числа. Однако подобные инфантильные проекции зачастую просто невозможно устранить без фундаментального обсуждения ситуации. Поскольку реальное значение переноса и его основная цель именно таковы, он независимо от применяемых конкретных методов сближения неизбежно ведет к дискуссии, к пониманию и к повышению уровня сознания, служащему мерилom интеграции личности. В ходе дискуссии сбрасываются покровы условностей, и на свет выходит подлинный человек. Он и вправду заново рождается благодаря таким психологическим взаимоотношениям, а поле его сознания замыкается в виде круга. 121 Было бы весьма естественным предположить, что царем и царицей представлено отношение переноса, в

котором царь соответствует партнеру - мужчине, а царица - женщине. Однако дело обстоит совсем не так, поскольку этими фигурами представлены содержания, спроецированные из бессознательного адепта (и его *sorog mystica*). Но адепт осознает себя в качестве мужчины, а потому его мужские свойства не могут проецироваться - ибо последнее случается лишь с бессознательными содержаниями. Поскольку речь идет прежде всего о мужчине и женщине, спроецированный фрагмент личности может быть только женским компонентом в мужчине - то есть, его анимой¹⁶. Подобным образом, у женщины способен проецироваться только мужской компонент. Получается своеобразное перекрещивание полов: мужчина (в данном случае - адепт) представлен царицей, тогда как женщина (*sorog mystica*) представлена царем. Мне кажется, что именно на такое перекрестное соотношение намекают цветы, образующие "символ". Поэтому, читателю следует помнить, что на рисунке показана встреча двух архетипических фигур, и что Луна состоит в тайном союзе с адептом, а Солнце - с женщиной, его помощницей. То, что фигуры наделены царственным саном, выражает, подобно настоящей царственности, их архетипический характер; они суть коллективные фигуры, общие для большого числа людей. Если бы главным элементом данного таинства было возведение царя на трон или обожествление смертного, тогда фигура царя, вероятно, могла бы быть проекцией и в таком случае соответствовала бы адепту. Однако последующее развитие драмы обладает совсем иным значением, так что мы можем пренебречь указанным возможностью¹⁷.

Тот факт, что по причинам, могущим быть подтвержденными эмпирически, царь и царица играют "перекрестные" роли, представляя бессознательные стороны, противоположные действительному полу адепта и его "сестры", ведет к затруднениям, отнюдь не способствующим простому разрешению проблемы переноса. Однако научная добросовестность возбраняет всякое упрощение ситуаций, которые сами по себе не являются простыми, - а данный случай, очевидно, именно таков. Схема отношения достаточно проста, но когда дело доходит до подробного описания любого конкретного случая, крайне трудно бывает различить, под каким углом описывается данное отношение и какой его аспект мы, собственно, описываем. Схема выглядит так:

Адепт Сестра

Анима Анимус

Направление стрелок указывает притягивание мужского к женскому и наоборот, а также бессознательного одного из участников к бессознательному другого, обозначая тем самым положительное отношение переноса. Таким образом, необходимо различать следующие отношения (хотя в определенных случаях все они способны смешиваться друг с другом, что, естественно, влечет за собой величайшую путаницу):

(а) Неосложненное личное отношение.

(б) Отношение мужчины к своей аниме и женщины к своему анимусу.

(в) Отношение анимы к анимусу и наоборот.

(г) Отношение анимуса женщины к мужчине (случающееся, когда женщина отождествляет себя с анимусом) и анимы мужчины к женщине (случающееся, когда мужчина отождествляет себя с анимой).

424 Описывая проблему переноса с помощью нашей серии иллюстраций, я не всегда разводил в стороны все эти возможности; ибо в реальной жизни они неизбежно перемешаны между собой, и если бы я попытался придерживаться строго схематического изложения, описание не выдержало бы такого перенапряжения. Так, в фигурах царя и царицы проявляются все мыслимые оттенки значения, от сверхчеловеческого до не-дочеловеческого; иногда эти фигуры выглядят трансцендентальными, а иногда за ними проглядывает фигура адепта. Читатель должен помнить об этом, сталкиваясь с реальными либо мнимыми противоречиями в нижеследующих заметках.

425 Подобные отношения перекрестного переноса предвосхищаются в фольклоре: в сказках также можно найти тот архетип перекрестного брака, который я называю "брачным кватернионом"¹⁸. Одна из исландских сказок¹⁹ повествует о следующем:

426 Девушка по имени Финна обладала чудодейственными способностями. Однажды, когда ее отец отправлялся на Альтинг, она попросил его отказывать всякому, кто попросит ее руки. Там было много претендентов, но отец всем отказал. На обратном пути он встретил странного человека по имени Гейр, который с мечом в руках заставил его пообещать отдать ему дочь в жены. Так они поженились, и Финна взяла с собой в новый дом своего брата Сигурда. Под рождество, когда Финна была занята приготовлением к празднику, Гейр исчез. Финна вместе с братом отправилась на его поиски, и они нашли его на некоем острове, где он был вместе с прекрасной женщиной. После рождества Гейр неожиданно появился в спальне Финны. В кровати лежал младенец. Гейр спросил ее, чей это ребенок, и Финна ответила, что ребенок ее. Такое случалось три года подряд, и Финна каждый раз признавала ребенка. На третий раз, однако, Гейр оказался освобожден от своего заклęcia. Прекрасная женщина на острове была его сестрой Ингеборг. Гейр ослушался приказаний своей мачехи-ведьмы, и та заколдовала его: он должен был прижить троих детей с собственной сестрой, и, если бы не нашел жену, которая, обо всем догадываясь, мирилась бы с этим, он превратился бы в змею, а его сестра - в кобылу. Гейра спасло поведение жены; впоследствии, он отдал свою сестру Ингеборг Сигурду в жены.

427 Еще одним примером может служить русская сказка "Князь Данила-Говорила"²⁰. Юный князь получает от ведьмы кольцо, приносящее удачу. Но волшебство действует лишь при одном условии: он не должен жениться ни на ком, кроме девушки, на чей палец придется впору это кольцо. Князь вырастает и отправляется на поиски невесты; но все напрасно, так как кольцо никому не подходит. Он жалуется на судьбу своей сестре, и та просит дать ей примерить кольцо. Кольцо приходится ей в точности по размеру. На этом основании брат хочет жениться на ней, но она считает, что это был бы грех; плача, она сидит на крыльце. Проходящие мимо старики-нищие утешают ее и дают такой совет: "Сделай четыре куклы и расставь их по четырем углам комнаты. Если брат позовет тебя на свадьбу, иди, если же позовет в спальню, не спеши! Доверься Богу и следуй нашим советам".

428 После свадьбы, брат зовет ее в спальню. Тогда четыре куклы начинают петь:

*"Ку-ку, князь Данила,
Ку-ку, Говорила,
Ку-ку, взял сестренку,
Ку-ку, себе в жены.
Земля растворилась,
Сестра провалилась".*

429 Разверзается земля и поглощает ее. Брат зовет ее трижды, но к третьему разу она уже исчезла. Оказавшись под землей, она идет, куда не приходит к избушке Бабы-Яги²¹, чья дочь добра к ней: приняв ее, она прячет ее от ведьмы. Однако вскоре ведьма ее обнаруживает, и принимается разогревать печь. Тогда девушки хватают старуху и бросают ее в эту печь, чтобы она их не преследовала. Когда они добираются до палат князя, сестру узнает слуга ее брата. Но брат не может отличить ее от второй девицы, так они похожи. Тогда слуга предлагает ему устроить испытание: налить в мехи крови и поместить себе под мышку. Слуга ударит его в бок ножом, а князь упадет, притворившись мертвым. Тогда сестра точно уж выдаст себя. Так и случилось: сестра бросилась к нему с плачем, он же вскочил и обнял ее. Но волшебное кольцо пришлось впору также и ведьминой дочери; князь женится на ней, а сестре находит подходящего мужа.

430 В только что приведенном рассказе инцест вот-вот должен совершиться, но предотвращается особым ритуалом с четырьмя куклами. Четыре куклы в четырех углах комнаты воспроизводят форму брачного кватерниона, с тем чтобы предотвратить инцест, заменив два на четыре. Магическая имитация в виде четырех кукол приостанавливает инцест, отправляя сестру в подземный мир, где та находит свое второе "я". Таким образом, мы можем сказать, что ведьма, которая дала князю роковое кольцо, была его будущей свекровью, ибо она, как ведьма, не могла не знать, что кольцо придется впору не только его сестре, но и ее собственной дочери.

фактический брачный кватернион. Параллель к двум перекрещивающимся парам обнаруживается в так называемом "кросс-кузенном браке". Чтобы дать объяснение этой первобытной форме брака, я должен буду углубиться в кое-какие детали. Брак сестры мужа с братом его жены представляет собой реликт "брака - обмена сестрами", характерного для структуры многих первобытных племен. Но в то же время, этот двойной брак выступает примитивной параллелью к занимающей нас здесь проблеме: к двойственному сознательно-бессознательному отношению между, с одной стороны, адептом и "сестрой", а с другой - царем и царицей (или анимусом и анимой). Немаловажное исследование Джона Лейарда "Табуирование инцеста и архетип девственницы" привлекло мое внимание к социологическим аспектам нашей психологемы. Первобытное племя распадается на две половины, по поводу которых Хоуитт говорит: "Вся социальная структура строится на деление общества в целом на два экзогамных класса, заключающих браки между собой"²² Такие "половинки" проявляют себя и в планировке поселений²³, и во многих странных обычаях. Во время церемоний, например, половинки строго разделены, и ни одна из них не может ступить на территорию другой. Даже отправляясь на охоту, такое сообщество сразу же делится пополам при разбиении лагеря располагаются так, чтобы между ними имелась естественная преграда - например, русло реки. С другой стороны, две половины связаны тем, что Хоукарт называет "ритуальной взаимозависимостью обеих сторон" или "взаимным услужением". На Новой Гвинее, одна из таких сторон разводит и откармливает свиней и собак не для себя, но для второй стороны, и наоборот. Или же, когда в деревне кто-нибудь умирает, и готовится погребальный пир, пирует на нем другая сторона, и т.д.²⁴ [В других местах, еще одной формой такого разделения являетсяг⁵ широко распространенный институт "двух царей"²⁶.

434 Особенно показательны наименования, даваемые двум сторонам: если упомянуть лишь немногие из них, это будут восток и запад, верх и низ, день и ночь, мужское и женское, вода и суша, левое и правое. На основании таких имен нетрудно заключить, что половины воспринимаются как антитетические, то есть как выражение внутренней психической антитетичности. Антитезу можно сформулировать как противопоставление мужского эго женскому "иному", то есть противостояние сознания бессознательному, персонифицированному в образе анимы. Причиной разделения внутри племени и внутри поселения представляется исходное деление психики на сознание и бессознательное; разделение основано на факте, не осознаваемом как таковой.

435 Исходно, членение общества представляет собой матрилинейное деление на две части, однако в реальности им представлено деление племени и поселения на четыре. Четырех-составность возникает из-за перекрещивания матрилинейной разделительной черты с патрилинейной, [так что сообщество в целом делится как на патрилинейные, так и матрилинейные половинки]²⁷. Практическая цель указанного деления на четыре - вычленение и дифференциация брачных классов, [или "родственных сегментов", как они называются в настоящее время]. Лежащая в основе схема представляет собой квадрат или круг, разделенный на части крестом; эта схема образует основу планировки первобытного поселения и архаического города, а также монастырей и т.п., - что можно видеть и в Европе, и Азии, и в доисторической Америке²⁸. Египетский иероглиф, обозначающий "город", представляет собой андреевский крест, заключенный в круг²⁹.

436 Следует заметить, что при определении брачных классов каждый мужчина зачисляется в ту патрилинейную половину, к которой принадлежал его отец, [а женщина, на которой он женится, не должна происходить из половины, в которую входила его мать. Иными словами, он может взять жену только из противоположной матрилинейной и патрилинейной половины]. Дабы избежать возможного инцеста, он женится на дочери брата своей матери и отдает свою сестру в жены брату своей жены (брак с обменом сестрами). В результате складывается кросс-кузенный брак³⁰.

437 Эта форма единства, составленного из двух перекрещивающихся браков братьев и сестер, предоставляется исходной моделью особой психологемы, обнаруженной нами в

алхимии:

Адепт *Soror mystica*

Rex (анимус) Regina³¹ (анима)

Когда я говорю "модель", то не подразумеваю, что система брачных классов является причиной, а наша психологема - следствием. Я просто хочу отметить более раннее, по сравнению с алхимическим кватернионом, происхождение этой системы. Не следует предполагать и того, что первобытный брачный кватернион представляет собой абсолютный исток данного архетипа, ибо последний вовсе не изобретен человеком, но фактически существовал задолго до появления сознания - что справедливо вообще в отношении всех ритуальных символов как у первобытных, так и у нынешних цивилизованных народов. Некоторые вещи мы делаем попросту не задумываясь, поскольку они всегда делались именно так. ⁴³⁸ Различие между первобытным и окультуренным брачными кватернионами состоит в том, что первый представляет собой социологический, а второй - мистический феномен. Брачные классы, почти исчезнувшие у цивилизованных людей, все же заново дают о себе знать, на более высоком уровне культуры, представая в виде духовных идей. В интересах благосостояния племени и его развития, экзогамное устройство общества оттеснило эндогамные тенденции на задний план, дабы предотвратить опасность регрессии к состоянию отсутствия групп как таковых. Указанный порядок настаивал на притоке "новой крови", как в физическом, так и в духовном смысле, - а потому оказался мощным инструментом развития культуры. По словам Спенсера и Гиллена, "эта система так называемых групповых браков, обслуживающая поддержание более или менее тесной связи между взаимно заинтересованными в благополучии друг друга группами индивидов, была одной из самых мощных движущих сил на ранних стадиях восходящего развития рода человеческого"³³. Лейард подробно развил данную идею в упоминавшемся выше исследовании. Он рассматривает эндогамную тенденцию (инцест) как настоящий инстинкт, который, если ему отказано в реализации во плоти, должен реализовать себя в духе. Экзогамный порядок в первую очередь сделал возможной культуру; но при этом у него есть и скрытая духовная задача. Лейард говорит: "Его тайная, или духовная, задача -расширить духовный горизонт путем выработки представления о том, что, в конце концов, имеется некая сфера, где первоизданное желание может быть удовлетворено, а именно - сфера богов и соответствующих им полубогов, культурных героев". Идея инцестуальной иерогамии фактически возникает в цивилизованных регионах и далее расцветает в высшей духовности христианской образности (Христос и Церковь, sponsus и sponsa, мистицизм Песни песней и т.д.). "Так табуирование инцеста, - утверждает Лейард, - ведет по кругу из биологической сферы в духовную"³⁵. На примитивном, первобытном уровне, женский образ - анима - еще целиком бессознателен и, следовательно, остается в состоянии скрытой проекции. Дифференцирующее развитие "четырёхклассной брачной системы" в систему восьми классов³⁶ значительно уменьшает степень родства между партнерами по браку, [далее уменьшаемую] в системе двенадцати классов. Такие "дихотомии"³⁷, очевидно, служат для того, чтобы расширить рамки брачных классов и тем самым вовлекать все большее число групп людей в систему родства. Естественно, такое разрастание возможно было лишь там, где происходила экспансия достаточно многочисленного сообщества³⁸. Система восьми классов и, в особенности, система двенадцати классов означает существенное укрепление экзогамного порядка - но и столь же существенное подавление эндогамных тенденций, получающих от этого стимул к тому, чтобы, в свою очередь, проявить себя по-новому. Когда инстинктивная сила, то есть определенное количество психической энергии, загоняется вглубь односторонней (в данном случае экзогамной) установкой сознания, это обычно ведет к диссоциации личности. Сознательная часть личности, с ее однонаправленной (экзогамной) тенденцией, сталкивается с невидимым (эндогамным) оппонентом, который, будучи бессознательным, ощущается как нечто постороннее, а потому проявляется в спроецированной форме. Поначалу он выступает в облике человеческих фигур, наделенных властью делать то, чего другие делать не могут: это, например, цари и князья. Вероятно,

именно таковы основания царской прерогативы инцеста, скажем, в древнем Египте. По мере того как магическая сила царей все больше начинала возводиться к богам, к последним переходила и прерогатива инцеста, в результате чего возник священный брак-инцест. Но когда боги принимают на себя нуминозную ауру, окружавшую личность царя, она, фактически, оказывается перенесенной на духовный авторитет, в результате чего возникает проекция автономного психического комплекса; иными словами, психическая сущность становится реальностью. Так, Лейард логически выводит аниму из нуминозности богини³⁹. В форме богини анима спроецирована явно; однако в своей собственной (психологической) форме она интроецирована; как утверждает Лейард, это - "Анима внутри". Это - естественная sponsa, изначальная мать или сестра, или дочь, или жена мужчины, спутница, которую эндогамная тенденция тщетно стремится обрести в лице матери и сестры. Ею представлено влечение, которое всегда, с самого начала истории, должно было приноситься в жертву. Поэтому Лейард с полным правом говорит об "интериоризации посредством жертвоприношения"⁴⁰.

439 Эндогамная тенденция находит для себя отдушину в горней сфере богов и в высшем мире духа. Здесь она проявляет себя как инстинктивная сила духовной природы; жизнь духа на высших уровнях, рассматриваемая в таком свете, предстает возвратом к истокам, так что развитие человека превращается в повторное прохождение стадий, в конце концов ведущее к совершенству жизни в духе.

440 Специфическая алхимическая проекция поначалу выглядит как регрессия: бог и богиня редуцируются до царя и царицы, которые, в свою очередь, выглядят как простые аллегории химических веществ, вступающих в соединение. Но регрессия здесь лишь видимая. На самом деле, здесь присутствует весьма заметный шаг в развитии: сознание средневекового исследователя пребывало под воздействием метафизических идей, однако поскольку он не мог выводить их из природы, он их на природу проецировал. Он искал их в материи, ибо предполагал, что скорее всего найдет их именно там. Фактически, это была проблема переноса нуминозности, обратном по отношению к переносу от царя к божеству. Казалось, нуминозность таинственным образом мигрировала из мира духа в мир материи. Но спускание проекции в материю привело кое-кого из старинных алхимиков (например Мориена Римлянина) к ясному осознанию того, что этой материей является не просто человеческое тело (или что-то внутри тела), а сама человеческая личность. В своем предвидении они уже успели превзойти стадию ограниченного материализма, который неизбежно должен был зародиться в утробе времени. Но лишь открытия современной психологии позволили распознать в человеческой "материи" алхимиков психе.

441 На психологическом уровне переплетение отношений в кросс-кузенном браке заново проступает в проблеме переноса. Дилемма здесь состоит в том, что анима и анимус проецируются на соответствующих им людей, и тем самым создается суггестивное отношение первобытного типа, очевидно восходящее еще ко временам групповых браков. Однако поскольку анима и анимус несомненно представляют присутствующий в личности компонент противоположного пола, их родственный характер указывает не "назад", на групповой брак, а "вперед", в направлении интеграции личности, то есть индивидуации.

442 Наша сегодняшняя цивилизация с ее культом сознания (если ее вообще можно назвать цивилизацией) несет на себе отпечаток христианства, а это значит, что ни анима, ни анимус не интегрированы, но все еще находятся в состоянии проекции - то есть они выражены в догме. На данном уровне обе фигуры как составные части личности являются бессознательными, хотя их действие все же заметно в той нуминозной ауре, которая окружает догматические представления о женихе и невесте. Наша "цивилизация", однако, оказалась весьма сомнительной затеей, явно отклонившейся от возвышенных идеалов христианства; вследствие этого, проекции в значительной мере отделились от божественных фигур и по необходимости разместились в сфере человеческого. Это и понятно; ибо "просвещенный" интеллект не в состоянии вообразить себе что-либо большее, чем человек, - кроме разве что фальшивых богов с тоталитарными претензиями, именующих себя

"Государство" либо "Фюрер". Подобная регрессия со всей возможной полнотой проявила себя в Германии, да и в других странах. Даже там, где она была не столь уж заметна, ускользающие проекции нарушают взаимоотношения между людьми и приводят к краху по крайней мере четверти всех браков. Если мы не станем соизмерять превратности мировой истории со стандартами правильности или неправильности, истинности и ложности, добра и зла, но предпочтем увидеть шаг назад, содержащийся в каждом шаге вперед, зло, присутствующее в каждом добре, ошибку, сопутствующую каждой истине, мы сможем составить нынешнюю регрессию с очевидным отходом назад, каким был путь от схоластики к мистическому направлению натурфилософии и от него - к материализму. Как материализм вел к эмпирической науке и, тем самым, к новому пониманию психе, так и тоталитарный психоз с его устрашающими последствиями, невыносимо разрушающими отношения между людьми, заставляет нас обратить внимание на психе и на наше вопиющее отсутствие ее осознания. Никогда ранее человечество в целом не испытывало на себе настолько широкомасштабного воздействия нуминозности психологического фактора. В каком-то смысле это - катастрофическая, беспрецедентная регрессия; однако нет ничего невероятного и в том, что такого рода опыт имеет свои позитивные аспекты и способен стать семенем облагороженной культуры в обновленный век. Может быть, эндогамные стремления в конечном счете вообще не направлены на проекцию, а представляют собой попытку соединить различные компоненты личности в схеме кросс-кузенного брака, но сделать это на высшем уровне, где "духовный брак" становится внутренним опытом, не подвергающимся проецированию. Такой опыт издавна представал в сновидениях в образе манда-лы, разделенной на четыре части; он представляется целью процесса индивидуации, то есть обретения самости.

443 Вслед за ростом населения и множасьими дихотомиями брачных классов, которые вели к дальнейшему распространению экзогамного порядка, все барьеры были постепенно сняты, и от них не осталось ничего, кроме табу на инцест. Первоначальное устройство общества уступило место другим организационным факторам, кульминацией которых выступает современная идея Государства. Однако все, что остается в прошлом, погружается в бессознательное; это справедливо также и в отношении первоначальных общественных порядков. Исходным порядком был представлен архетип, удачейшим образом сочетавший экзогамию и эндогамию - ибо он, предотвращая брак между братом и сестрой, посредством кросс-кузенного брака обеспечивал его замену. Отношения такого рода еще достаточно близки, чтобы более или менее удовлетворять экзогамным тенденциям, но и достаточно дистанцированы, чтобы вовлекать другие группы и раздвигать вширь порядок, связывающий племя. Однако по мере снятия экзогамных барьеров посредством умножения дихотомий эндогамная тенденция вынуждена была набирать силу, с тем чтобы придать весомость отношениям кровного родства и удержать их от распада. Такая реакция ощущалась прежде всего в религиозной и, затем, в политической сферах, в связи с ростом религиозных обществ и сект - с одной стороны (достаточно лишь вспомнить о братствах и о христианском идеале "братской любви"), национальных государств - с другой. Интернационализация жизни и ослабление религиозности существенно поспособствовали, а в будущем еще более поспособствуют устранению либо преодолению этих последних сохранившихся барьеров - и все это лишь для того, чтобы создать аморфную массу, первые симптомы появления которой уже заметны в нынешнем феномене массовой психе. Как следствие, исходный экзогамный порядок быстрыми темпами приближается к состоянию хаоса, с трудом поддающегося контролю. Против этого есть лишь одно средство: внутренняя консолидация индивида, которому в противном случае угрожает неизбежное оглушение и растворение в массовой психе. Ближайшее прошлое со всей возможной ясностью продемонстрировало нам, что это означало бы; причем ни одна из религий не смогла послужить защитой, а такой организующий фактор, как государство, оказался самым эффективным средством для выпуска людей массы. В подобных условиях единственное, что может помочь - иммунизация индивида против токсина массовой психологии. Как я уже

говорил, вполне понятно, что эндогамная тенденция осуществляет свое компенсаторное вмешательство и возрождает кровнородственный брак, или объединение разделенных компонентов личности на психическом уровне - то есть внутри индивида. Данный процесс призван создать противовес прогрессирующей дихотомии и психической диссоциации коллективного человека.

444 Крайне важно, чтобы этот процесс проходил сознательно; в противном случае психические последствия массового настроения закрепятся и приобретут постоянный характер. Ибо, если внутренняя консолидация индивида не является сознательным достижением, она произойдет спонтанно и тогда примет форму того неимоверного жестокосердия, которое коллективный человек проявляет по отношению к своим ближним. Такой человек превращается в бездушное животное, движимое исключительно влечением либо паническим страхом; душу, способную жить лишь в человеческих взаимоотношениях и лишь благодаря им, он потерял безвозвратно. Осознанное же установление внутреннего единства держится за человеческие отношения как за свое неперемное условие, ибо без сознательного признания и приятия нашей общности с окружающими не может быть никакого личностного синтеза. Таинственное нечто, в котором осуществляется внутреннее единство, не является чем-то личностным, не имеет отношения к эго, стоит фактически выше эго, ибо оно, будучи самостью, представляет собой синтез эго и сверхличностного бессознательного. Внутренняя консолидация индивида - не просто поднятая на более высокий уровень твердость коллективного человека, принявшая форму духовного высокомерия и недоступности; она подчеркнута включает в себя ближнего.

445 В той мере, в какой перенос - всего лишь проекция, он в равной мере как разделяет, так и соединяет. Однако опыт учит, что в переносе есть один аспект, не исчезающий при устранении проекции. Это объясняется наличием за ним такого важного фактора, как либидо родства. Неограниченная экспансия экзогамной тенденции загнала его так глубоко внутрь, что оно может найти для себя лишь весьма скромную отдушину, да и то - только в непосредственных узких рамках семейного круга, и не всегда - даже и в этих рамках (из-за вполне оправданного противодействия инцесту). Покуда экзогамия ограничивалась эндогамией, складывалась естественная организация общества, сегодня совершенно исчезнувшая. Теперь каждый - чужой среди чужих. Либидо родства - все еще оказывавшееся в состоянии произвести приятное ощущение взаимной причастности, например, в раннехристианских сообществах - давно лишилось своего объекта. Но в качестве инстинкта, оно не может удовлетвориться какой-либо простой заменой, будь то в виде вероисповедания, партии, нации или государства. Ему необходима человеческая связь. Таково ядро каждого феномена переноса, и с этим невозможно спорить, ибо отношение к самости одновременно - и отношение к ближнему, а никто не способен вступить в отношения с ближним, не вступив сначала в отношения с самим собой.

446 Если перенос остается на уровне проекции, устанавливаемая им связь проявляет тенденцию к регрессивной конкретизации, то есть к атавистическому восстановлению первобытного социального порядка. Такая тенденция лишена всякой опоры в современном мире, а потому каждый шаг в данном направлении ведет лишь к углублению конфликта и, в конце концов, к настоящему неврозу переноса. Следовательно, анализ переноса абсолютно необходим, поскольку спроецированные содержания должны быть реинтегрированы, иначе пациент не приобретет широты видения, нужной для свободы принятия решений.

447 Однако если проекция устраняется, связь - будь то негативная (ненависть) или позитивная (любовь) - на время может разрушиться, и покажется, что не осталось ничего, кроме профессиональной вежливости при собеседованиях. И врача, и пациента трудно винить за вздох облегчения, вырывающийся у них в таких случаях - хотя известно, что проблема только откладывается для каждого из них. Раньше или позже, здесь же или в другом месте она проявит себя снова, ибо за ней стоит беспокойное стремление к индивидуации.

448 Индивидуация имеет два основных аспекта: во-первых, это -внутренний,

субъективный процесс интеграции, а во-вторых -это процесс установления объективных взаимоотношений, без которых также нельзя обойтись. Ни один из аспектов не может существовать без другого, хотя иногда преобладает один, иногда - другой. Двум аспектам соответствуют и две опасности. Первая - опасность того, что пациент воспользуется возникающими на основе анализа бессознательного возможностями духовного развития как поводом уклониться от более глубоких форм человеческой ответственности, изображая своего рода "духовность", не выдерживающую моральной критики; вторая опасность состоит в том, что атавистические тенденции могут взять верх и опустить отношения на примитивный уровень. Проход между этими Сциллой и Харибдой весьма узок; в его открытие внесли существенный вклад и средневековый христианский мистицизм, и алхимия.

149 Если в таком свете рассматривать связь, создаваемую переносом, выясняется, что какой бы тягостной и непостижимой она ни казалась, эта связь обладает жизненной важностью не только для индивида, но и для общества и, в конце концов, для морального и духовного прогресса человечества, так что когда психотерапевту приходится бороться с трудными проблемами переноса, он по крайней мере может утешить себя подобными соображениями. Он трудится не только для своего конкретного пациента, могущего быть малозначительным, но и для себя, для своей души; вполне вероятно, что тем самым он кладет некое малое зерно на чашу весов души всего человечества. Как бы мал и невидим ни был этот вклад, он все же – великое дело, ибо совершается он в сфере, которую лишь недавно посетило божество и в которую перенесена вся тяжесть человеческих проблем. Предельные вопросы психотерапии не являются частным делом; с ними связана наивысшая ответственность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Debita materia, что означает - prima materia процесса.

2 Rosarium, p.219: "Nota bene: In arte nostri magisterii nihil est celatum a Philosophis excepto secreto artis, quod non licet cuiquam revelare: quodsi fieret, ille malediceretur et indignationem Domini incurreret et apoplexia moreretur. Quare omnis error in arte existit ex eo quod debitam materiam non accipiunt. Igitur venerabili utimini natura, quia ex ea et per earn et in ea generatur ars nostra et non in alio: et ideo magisterium nostrum est opus naturae et non opificis".

3 Ruska, Turba. sermo XXIX, p. 137.

4 Ср. Aurora consurgens, I, где за притчами "О черной земле", "О потоке вод и смерти", "О вавилонском пленении" следует притча "О философской вере", утверждающая lumen de lumine Ср. также: Avicenna, "Declaratio lapidis physici", Theatr. chem.. IV. p.990.

5 Искаженное "алхимия".

6 De incertitudine et vanitate omnium scientiarum, Ch. XC.

7 Далее Агриппа (ibid) сообщает еще кое-что о философском камне: "Что касается этой единственной благословенной субстанции, кроме которой нет никакой другой, хотя найти ее можно повсюду, что касается сего священнейшего камня философов (я чуть было не нарушил данную мною клятву и чуть не сделался осквернителем храмов, вымолвив его имя), я стану все же говорить обиняками и намеками, дабы никто, кроме сынов искусства и тех, кто посвящен в это таинство, меня не понял. Вещь сия обладает не слишком огненной и не слишком земной природой... Большого мне не позволено сказать, но есть нечто и более великое. Все же, я считаю это искусство — с коим я в определенной мере знаком — наиболее достойным той похвалы, которую Фукидид произнес в адрес добродетельной женщины, сказав, что лучше всех та, о ком меньше всего говорят как в виде порицания, так и в виде хвалы". По поводу клятвы хранить тайну см.: Senior, De chemia, p.92: "Nec est secretum, super quo iuraverunt. quod non indicarent in aliquo libro". (Это — секрет, который они поклялись не разглашать ни в единой книге).

8 Предполагается, что оба текста распространялись в рукописях примерно после 1610 г.; так считает Ф.Маак, издатель Chymische Hochzeit Розенкрей-ца - см. pp.xxxviif. [Их можно найти там же на pp.47-84 - Прим. изд.]

9 Своего рода "розовый крест" можно усматривать также в гребне Лютера.

10 Ср. "Психология и алхимия", пар.436, а также: Reitzenstein and Schaefer, Studien zum antiken Synkretismus.

11 Waite, The Secret Tradition.

12 WeiPo-yang, p.241.

13 Союз "подобного с подобным" в форме гомосексуальных отношений встречается в "Visio Arislei" {Art. aurif., I, p. 147). где он знаменует стадию, предваряющую инцест "брат-сестра".

14 По Фрейд, эти проекции представляют собой инфантильные фантазии - воплощения желаний. Однако более тщательное рассмотрение детских неврозов показывает, что такие фантазии в большой мере зависят от психологии родителей - то есть вызываются неверным подходом родителей к ребенку. Ср. "Analytical Psychology and Education", pars.216ff.

Психология переноса

181

15 Поэтому в Aurora consurgens, I, Ch. VI говорится: "... и костям моим нет покоя перед лицом моей несправедливости". Ср. Псалом 37,4: "... нет мира в костях моих от грехов моих".

1 б Ср. Two Essays [A TaiOke "Concerning the Archetypes, with Special Reference to the Anima Concept" и Aion, гл.3 - Прим. изд.]

17 Полезно будет напомнить читателю, что в романе Райдера Хаггарда "Она" имеется описание подобной "царственной" фигуры. Лео Винеи, герой романа, молод и красив — предел совершенства, подлинный Аполлон. Рядом с ним находится его отец-покровитель, Холли, чье сходство с бабуином описывается весьма подробно. Внутренне, однако, Холли представляет собой образец мудрости и моральной праведности; намек на "праведность" содержится даже в его имени. Несмотря на банальность обоих персонажей, каждый из них -и Лео, и "бабуин" — наделен сверхчеловеческими свойствами (вместе они соответствуют sol et umbra eius [солнце и его тень (лат.) - Прим. перев.]). Третья фигура — верный слуга, носящий многозначительное имя Иов. Он выступает тем многострадальным, но все же преданным спутником, на чью долю выпало переносить как сверхчеловеческое совершенство, так и недочеловеческие свойства "бабуина". Лео можно рассматривать в качестве солнечного божества; он отправляется на поиски "Ее", "живущей среди гробниц"; считается, что она одного за одним убивает своих возлюбленных (характеристика, также приписанная Бенуа своей "Атлантиде") и омолаживает себя периодическим омовением в столбе огня. "Она" обозначает Луну, в особенности — молодую луну, слывущую опасной. (Невеста убивает своего возлюбленного в момент synodus novilunium - то есть при coniunctio Солнца и Луны во время новолуния). В другом романе Райдера Хаггарда "Эйша" эта история в конце концов приводит к мистической иерогамии.

18 Алхимические пары противоположностей часто группируются в такие кватернионы, как я постараюсь показать в последующих работах [Ср. Myste-rium Coniunctionis, пар.5 елл, и Aion, пар.394 елл - Прим. изд.]

19 Naumann (ed.) Islandische Volksmarchen, No.8, pp.47ff.

20 Guterman (trans.), Russian Fairy Tales. pp.351ff.

21 Главная ведьма русского фольклора.

22 The Native Tribes of S.E. Australia, p. 157; ср. Frazer, Totemism and Exogamy, I, p.306.

23 Layard. Stone Men of Malekula, pp.62ff.

24 Hogart. Kings and Councillors, p.265

25 [Пар.433 елл. включают в себя поправки, сделанные д-р Джоном Лейардом в 1955 г. на основании его собственных трудов и авторизованные Юнгом в его швейцарском издании 1958 г. Более поздние (1965) поправки д-ра Лейарда приводятся в квадратных скобках - Прим. изд.]

26 Ibid., pp. 157, 193.

27 Layard, *Stone Men of Malekula*, pp.85ff.

29

Hocart, *Kings and Councillors*, pp.244ff. Ibid., p.250.

30 Layard, "The Incest Taboo", pp.270ff.

31 Я должен напомнить читателю, что Rex и Regina обычно бывают братом и сестрой, иногда - матерью и сыном.

32 Если вообще мы что-либо думаем, делая подобные вещи, то акт мысли должен быть предсознательным или, скорее, бессознательным. Психологические интерпретации вряд ли можно построить без такой гипотезы.

33 *The Northern Tribes of Central Australia*, p.74.

34 Layard, "The Incest Taboo", p.284f.

35 Ibid., p.293.

36 В такой системе, мужчина женится на [дочери дочери брата матери своей матери].

37 Hocart, *Kings and Councillors*, p.259.

38 В Китае например, до сих пор можно обнаружить следы системы двенадцати классов.

39 Layard, "The Incest Taboo", p.281f.

40 Ibid., p.284. Я, вероятно, могу отослать читателя к сходным выводам, сделанным мною в "Символах трансформации", пар.446 слл.

ОБНАЖЕННАЯ ИСТИНА

450 Текст, прилагаемый к данному рисунку (рис.3), представляет собой слегка видоизмененную цитату из «Золотого трактата». Текст гласит: "Тот, кто будет посвящен в сие искусство и в тайную мудрость, должен избегать греха гордыни, должен быть благочестив, справедлив, умом глубок, человечен к своим братьям, должен иметь бодрый вид и благостный нрав и, вдобавок, должен быть почителен. К тому же, должен он прилежно усваивать и хранить сообщаемые ему вечные тайны. Сын мой, более всего увещаю тебя: бойся Бога, который видит, каков ты нравом [in quo dispositionis tuae visus est) и помогает всякому, кто уединился [adiuvatio cuiuslibet sequestrati]"². Rosarium добавляет сюда из Псевдо-Аристотеля: "Если бы Бог нашел человека, обладающего верным разумением, то открыл бы ему свою тайну".³

451 Такое апеллирование к качествам морального свойства делает ясным одно: opus требует не только интеллектуальных и технических навыков, которых достаточно, чтобы изучать и практиковать современную химию; делание носит также и моральный, и психологический характер. Тексты изобилуют подобными увещаниями и указывают, что требуется тот же подход, что и при совершении какого-либо религиозного деяния. Несомненно, именно так алхимики понимали opus, хотя наш рисунок трудно согласовать с подобным вступлением. Целомудренные одежды сброшены⁴. Мужчина и женщина стоят друг против друга, не смущаясь, во всей своей естественной наготе. Солнце говорит: "О Луна, позволь⁵ мне быть твоим супругом"; Луна говорит: "О Солнце, я должна уступить тебе". Голубь несет ленту с надписью: "дух есть тот кто соединяет"⁶ Эта ремарка слабо согласуется с неприкрытым эротизмом изображения, ибо если слова, произносимые Солнцем и Луной (братом и сестрой, надо заметить), вообще хоть что-то означают, они определенно должны означать земную любовь. Однако, поскольку посредником объявлен дух, спускающийся свыше⁷, ситуация приобретает и иной аспект: предполагается, что она есть единение в духе. Превосходным подтверждением этого служит одна важная деталь: на

рисунке исчезло касание левых рук. Вместо того, левая рука Луны и правая рука Солнца держат ветви (из которых вырастают цветы меркурия, соответствующие трем трубам фонтана), тогда как правая рука Луны и левая рука Солнца касаются цветков. Левосторонних отношений больше нет: обе руки обоих теперь связаны "символом единения". Символ также изменился: вместо пяти в нем теперь только три цветка, и он представляет собой уже не огдоаду, а гексаду⁸, фигуру с шестью лучами Двойной кватернион, таким образом, заменяется двойной триадой. Очевидно, это упрощение - результат того факта, что два элемента нашли себе каждый по паре, вероятно, в виде своих противоположностей: ибо, согласно алхимической теории, каждый элемент содержит "внутри" свою противоположность. Сродство в форме "любовного" подхода уже добилось частичного объединения элементов, так что осталась только одна пара противоположностей: мужское-женское, или действующее-претерпевающее, как указано в надписи. В согласии с аксиомой Марии, кватернион элементов превратился в активную триаду, пролагающую путь для *conlunctio* двух.

452 С психологической точки зрения мы можем сказать, что ситуация теперь оказалась очищена от обычной шелухи условностей и превратилась в решительное соприкосновение с реальностью, лишенной фальшивых покровов или каких-либо прикрас. Человек предстает таким, каков он есть, демонстрируя то, что было скрыто под маской условной адаптации: свою тень. Тень теперь перешла вверх, в сознание, и интегрировалась с эго, - что означает шаг в направлении целостности. Ибо целостность представляет собой не столько совершенство, сколько полноту. Ассимилирование тени как бы наделяет человека телом: животная сфера инстинктов, а также первобытная или архаическая психе возникает в поле зрения сознания и уже не может подавляться фикциями и иллюзиями. Так человек становится для самого себя той сложной проблемой, каковой он и является на самом деле. Если он хочет вообще достичь хоть какого-то развития, он должен всегда удерживать в сознании тот факт, что он представляет собой такую проблему. Подавление ведет к одностороннему развитию, если не к стагнации, заканчивающейся невротической диссоциацией. Вопрос сегодня уже не звучит "Как мне избавиться от тени?" - ибо мы уже видели достаточное количество последствий проклятия односторонности. Скорее, мы должны спросить себя: "Как может человек сосуществовать со своей тенью без того, чтобы это повлекло за собой цепочку бедствий?" Признание существования тени - достаточный повод для скромности по причине прирожденного страха перед пропастью внутри человека. Предосторожность подобного рода весьма полезна, ибо человек без тени считает себя безобидным именно потому, что он о ней не ведает. Человек же, распознавший свою тень, прекрасно знает, что он не безобиден, поскольку тень вводит в контакт с сознанием целый мир архетипов, архаическую психе, и наполняет сознание архаическими воздействиями. Все это, естественно, прибавляется к опасностям "родства", с его обманчивыми проекциями, его стремлением ассимилировать объект в терминах проекции и втянуть его в семейный круг, дабы актуализировать скрытую ситуацию инцеста, кажущуюся тем более привлекательной и зачаровывающей, чем менее она понятна. Несмотря на все опасности, преимущество данной ситуации в том, что как только обнажается истина, дискуссия может быть сведена к наиболее существенному; эго и тень уже не разделены, но сведены вместе в (предположительно, довольно шаткое) единство. Это - большой шаг вперед; однако шаг этот в то же время заставляет еще явственнее проступить "инаковость" партнера, и обычно бессознательное делает попытку сузить разрыв, усиливая притяжение, дабы так или иначе создать желаемое единство. Все это подтверждается алхимической идеей о том, что огонь, поддерживающий процесс, вначале должен быть умеренным, а затем его следует постепенно усиливать до наивысшей точки.

ПРИМЕЧАНИЕ

1 Арабский трактат, происхождение которого все еще неясно. Опубликовано в *Arg chemica* (с примечаниями) и в *Bibl. chem. curiosa*, I, pp.400ff.

2 Последний пассаж весьма сильно отличается от первоначального текста (*Arg chemica*, p. 14) "in quo est nisus tuae dispositionis, et adunatio cuiuslibet sequestrati" [в коем заключена опора твоего нрава, и в ком воссоединение всякого отъединившегося (лат.) — Прим. перев.]. Ср. Психология и алхимия, пар.385 и пр. 87.

3 *Art. aurif.*, II, pp.227-28.

4 Ср. Песнь песней, 5,3: "Я скинула хитон мой".

5 В оригинале — не поддающееся прочтению ?vgan.

6 Таково чтение издания 1593 г. В первом издании 1550 г. имеем *vivificat* [оживляет (лат.) - Прим. перев.].

7 Голубь также выступал в античные времена атрибутом богини любви и символом *amor coniugalis* [любовь в браке (лат.) - Прим. перев.].

8 Joannes Lydus, *De mensibus*, II, 11: "Шестой день они отводят Фосфору [утренней звезде], порождающему тепло и плодотворную влагу [*yovijico5£oyovikoq*, поскольку умножается, превращаясь в мировую сферу [*Ел1ле5оицеуoupradicta tria* (scil., corpus, anima, spiritus) *inest libido*", и т.д. (Имеется влечение между тремя вышеупомянутыми, то есть телом, душой и духом). 24 См. подпись к рисунку 5a:

"Но здесь Царь Солнце крепко заперт внутри,

И *Mercurius philosophorum* заливал его".

Солнце, тонущее в фонтане Меркурия (*Rosarium*, p.315) и лев, пожирающий солнце (p.367), оба обладают тем же значением, выражающим также намек на *igne natura* Меркурия (Лев в доме Солнца). По поводу данного аспекта Меркурия, см. "Дух Меркурий", ч. II. разд.3.

ПОГРУЖЕНИЕ В КУПЕЛЬ

453 На этом рисунке появляется новый мотив: купель. В каком-то смысле этот мотив отсылает нас к первому рисунку, где изображен Фонтан Меркурия, представляющий "восходящее течение". Жидкость здесь - Меркурий, имеющий не только три, но и все "тысячу" имен. Им представлена таинственная психическая субстанция, которую мы сегодня назвали бы бессознательной психе. Восходящее движение фонтана бессознательного добралось до царя и царицы - или, скорее, они спустились в него, как в купель. Данная тема в алхимии имеет множество вариаций. Приведем лишь несколько из них: царь подвергается риску утонуть в море; он - пленник под морскими водами; солнце погружается в фонтан Меркурия; царь исходит потом в стеклянном доме; зеленый лев проглатывает солнце; Габриций исчезает в теле своей сестры Бейи, разделяясь в нем на атомы, - и т.д. Земной дух Меркурия, в своей водяной форме интерпретируемый, с одной стороны, как безобидная купель, с другой же - как опасное наступление "моря", теперь подступает к царской паре снизу, как раньше он спускался сверху в виде голубя. Очевидно, соприкосновение левых рук, изображенное на рис.2, пробудило духа глубин и вызвало извержение потока воды.

454 Погружение в "море" означает *solatia* - "растворение" в физическом смысле и одновременно (согласно Дорну) решение проблемы¹. Это - возврат к исходному состоянию тьмы, к околоплодным водам в матке беременной женщины. Алхимики часто указывают, что их камень растет, как дитя в утробе матери; они называли *vas hermeticum* маткой, а его содержимое - плодом. То, что говорится по поводу *lapis*, говорится и о воде: "Эта смрадная вода содержит в себе все, в чем нуждается"². Она самодостаточна, подобно Уроборосу, "поедателю собственного хвоста", о котором говорят, что он сам себя порождает, убивает и поедает. *Aqua est, quae occidit et vivificat* (Вода есть то, что убивает и оживляет)³. "Это - *aqua benedicta*", вода очищения⁴, в коей * *Благословенная вода* (лат.) — Прим. перев.

ROSARIVM, neq? ex fmpcr Fe fto pen/tus ftcuadt f id beri poteft. Ratio eft quiaars prf (

kpkj lirtemaRquid beri poteft corpora, arquodnaturaipumccpit hocperar / tern ad pcrfeclfone
dcdu cuurvSi in ipfo MercuJ riooperarf inceperis vbi naturarel/qp/timper* feftum, inuenies in co
perfeboneet gaudcbis. Perfeftum non altratur , fed corr ump itur. Sedrniperfectmbenealteratur ,
ergocorrupt* lio vnus eft generauo alccrius.

Speculum

готовится рождение нового существа. Как поясняет текст к нашему рисунку "Наш камень должен извлекаться из природы двух тел". Вода здесь также уподобляется ventus "Tabula smaragdina", где читаем: "Portavit eum ventus in ventre suo" (Ветер понес его во чреве своем). Rosarium добавляет: "Ясно, что ветер есть воздух, воздух есть жизнь, жизнь есть душа, то есть масло и вода". Странная идея, согласно которой душа (то есть душа-дыхание) представляет собой масло и воду, производна от двойственной природы Меркурия. Один из его синонимов -aqua permanens а такие термины как oleum, oleaginitas, ип-cluosum, unctuositas", все указывают на сокровенную субстанцию, также являющуюся Меркурием. Рассматриваемая идея в ее графическом представлении служит напоминанием об используемых церковью различных мазях и освященной воде. Два тела, упомянутые выше, представлены царем и царицей; это может быть намеком на commixtio двух субстанций в чаше во время мессы. Подобное coniunctio изображено в "Grandes heures du due de Berry"*** где обнаженные "маленький мужчина и маленькая женщина" получают помазание в чаше-купели из рук двух святых прислужников. Невозможно сомневаться в наличии связи между алхимическим opus и мессой, как доказывает трактат Мельхиора Цибиненсиса⁷. Наш текст гласит: "Anima est Sol et Luna"****. Алхимик мыслил категориями строго средневековой трихотомии⁸: все живое - а lapis алхимика несомненно представляет собой нечто живое - состоит из тела (corpus), души (anima) и духа (spiritus). Rosarium замечает (p.239), что "тело есть Венера, женское начало, дух же есть Меркурий, мужское начало"; поэтому душа, в качестве vincu-lum, связующего звена между телом и духом, должна быть гермафродитом⁹, то есть coniunctio Solis et Lunae. Меркурий -гермафродит по определению. Исходя из всего этого, царица должна обозначать тело¹⁰, а царь -дух¹¹, но оба они не имеют отношение к душе, поскольку она - vinculum, связь, удерживающая их вместе¹². Если отсутствует любовная связь, у них нет души. На наших рисунках связь привносит голубь - сверху и вода - снизу. Они образуют связующее звено, то есть они и есть душа; таким образом, за всем этим стоит представление о психе, оказывающейся наполовину телесной, наполовину ду-

**(Оливковое) масло, маслянистость, мазь, смазка (лат.) - Прим. перев.*

*** Великий часослов герцога де Берри (фр.) — Прим. перев.*

**** Душа есть Солнце и Луна (лат.) - Прим. перев.*

ховной субстанцией, anima media natura*, как ее называют алхимики¹⁴, существом-гермафродитом, способным соединить противоположности, но никогда не достигающим полноты в индивиде, если тот не соотнесен с другим индивидом. Ни с кем не соотнесенный человек лишен целостности, ибо достичь ее он может только посредством души, а душа не в состоянии существовать без другой своей стороны, находимой всегда в некоем "Ты". Целостность представляет собой комбинацию "Я" и "Ты", оказывающихся частями трансцендентного единства¹⁶, природу которого возможно постичь лишь символически, скажем, в символах rotundum*¹⁷, розы, колеса¹⁷ или coniunctio Solis et Lunae. Алхимики заходят даже и так далеко, что утверждают: corpus, anima и spiritus суть одно, "ибо все они - из Единого, принадлежат Единому, пребывают с Единым, коренящимся в самом себе" ("Quia ipsa omnia sunt ex uno et de uno et cum uno, quod est radix ipsius")¹⁸. Причиной и истоком самого себя может быть только Бог, - если мы не собираемся принять дуализм, подразумеваемый мнением последователей Парацельса о том, что prima materia является increatum*. Сходным образом до-парацельсовский Rosarium²⁰ утверждает, что квинтэссенция представляет собой "самодостаточное тело, отличное от всех элементов и от всего из них составленного". 455 Переходя теперь к психологии, лежащей в основе рисунка,

заметим, что она - явно не что иное, как спуск в бессознательное. Как доказывает "Visio Arislei", погружение в купель - еще одна разновидность "плавания по "ночному" морю". В указанном видении философы оказываются затворены, вместе с парой "брат-сестра", в тройном, стеклянном доме на дне моря. Туда их помещает Rex Marinus"". Как, согласно первобытным мифам, в чреве кита стоит такая жара, что герой теряет волосы, так же и философы очень страдают от сильной жары²² во время своего заточения. Мифы о героях рассказывают о новом рождении, восстании из мертвых; сходным образом и Visio сообщает о воскресении умершего Фабриция (Габриция) или, в другой версии, о его втором рождении. Странствие по "ночному" морю представляет собой своего рода descensus ad inferos - сошествие в Ад и скитание по стране призраков, где-то вне этого

* Душа промежуточной природы (лат.) — Прим. перев.

** Круглое (лат.) - Прим. перев.

*** Несотворенное (лат.) - Прим. перев.

**** Морской царь (лат.) - Прим. перев.

мира, за пределами сознания, -то есть погружение в бессознательное. На нашем рисунке погружение обеспечивается восходящим движением огненного, хтонического Меркурия, предположительно - сексуального либидо, охватившего пару²⁴, - влечения, по всей видимости служащего противовесом небесному голубю. Голубь всегда считался птицей любви, но в то же время имел чисто духовное значение в христианской традиции, воспринятой алхимиками. Таким образом пара соединяется сверху символом Святого Духа, и все выглядит так, как будто погружение в купель соединяет ее еще и снизу, то есть - в воде, противостоящей духу ("душам смерть стать влажными": - говорил Гераклит)*. Противоположность и, одновременно, тождество - философская проблема, становящаяся таковой, лишь став сначала проблемой психологической

456 Все это повторяет историю о том, как Первочеловек (Нус) склонился с небес к земле и оказался заточен в объятиях Физис: первозданный образ, проходящий по всей алхимии. Современным эквивалентом данной стадии является осознание сексуальных фантазий, придающих переносу соответствующую окраску. Немаловажно, что даже в такой легко распознаваемой ситуации пара все же обеими руками держится за звездный символ, принесенный Святым Духом и указывающий на значение их отношений: стремление человека к трансцендентной целостности.

Примечания

1 Dorn, "Speculativae philosophiae", p.303: "Studio philosophorum comparatur putrefactio chemica... Ut per solutionem corpora solvuntur, ita per cognitionem resolvuntur philosophorum dubia" (Химическое разложение можно уподобить исследованиям философов... Как посредством solutio растворяются тела, так и сомнения философов разрешаются посредством познания").

2 Вместо бессмысленного aqua foetum [Винительный падеж foetus может быть опиской, вместо родительного (IV латинское склонение) foetus: aqua foetus тогда — "вода рождения", что неплохо согласуется со смыслом текста. Таким образом, подстановка КГ.Юнга (foetida) не является ни единственно возможной, ни ближайшей по написанию, ни ближайшей по смыслу, и оправдывается лишь параллельными контекстами. — Прим. перев.} я читаю aqua foetida (Rosarium, p.241). Ср. "Cons, coniug", Ars chemica, p.64: "Leo viridis, id est... aqua foetida, quae est mater omnium ex qua et per quam et cum

* Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики. /Издание подготовил А.В.Лебедев. - М.: Наука, 1988. - С.229. - Прим. перев.

qua praeparant..."(Зеленый лев, то есть... смрадная вода, которая есть мать всего; из нее, посредством ее и с ее помощью они готовят...)

3 Rosarium, p.214. Ср. Aurora consurgens, I, Ch.XII, где невеста говорит о себе словами

Бога (Второзаконие, 32, 39): "Я умерщвляю и оживляю,... и никто не избавит от руки моей".

4 Rosarium, p.213.

5 Ibid., p.237. Восходит к Senior, De chemia, pp. 19,31, 33.

6 Ср. Психология и алхимия, рис. 159.

7 "Addam et processum", Theatr. chem.. Ill, pp.853ff. Ср. Психология и алхимия, пар.480 слл.

8 Aurora consurgens, I, Ch.IX, "quails pater tails filius, tails et Spiritus Sanctus et hi tres unum sunt, corpus, spiritus et anima, quia omnis perfectio in numero ternario consistit, hoc est mensura. numero et pondere" (Каков Отец, таков и Сын, таков и Святой Дух, и следующие три суть одно: тело, дух и душа, ибо всякое совершенство состоит в троичном числе, то есть в мере, числе и весе).

9 "Anima vocatur Rebis" [душа именуется Ребис (лат.) — Прим. перев.].

"Exercitationes in Turbam", Art. aurif., I, p. 180. 10. По Фирмику Матерну (Mathesis V, pref., ed. Krol! and Skutsch, II, p.3)

Луна — "humanorum corporum mater" [мать человеческих тел (лат.) — Прим. перев.].

11 В психологическом смысле, следует читать mens [разум, ум (лат.) — Прим. перев.] вместо spiritus.

12 Иногда в качестве vinculum выступает дух, или же natura ignea [огненная природа (лат.) — Прим. перев.] (Flamel, "Opusculum", Theatr. chem., I, p.887).

13 Ср. "De arte chimica", Art aurif., I, pp.584ff. и Mylius, Phil, ref., p.9

14 Ср. "Turba", Art. aurif., I, p.180: "... Spiritus et corpus unum sunt mediante anima, quae est apud spiritum et corpus. Quod si anima non esset, tunc spiritus et corpus separarentur ab invicem per ignem. sed anima adiuncta spiritui et corpori, hoc totum non curat ignem nee ullam rem mundi". (Дух и тело суть одно при посредничестве души, каковая находится при духе и теле. Ибо если бы не было души, дух и тело были бы отделены друг от друга огнем; но поскольку душа присоединена к духу и телу, такое целое не беспокоит ни огонь, ни что-либо другое в мире).

15 Ср. Winthuis, Das Zweigeschlechterwesen.

16 Конечно, я имею в виду не синтез или слияние двух индивидов, а сознательное объединение эго со всем, что было спроецировано на "Ты". Таким образом, целостность — продукт внутреннего психического процесса, в существенной мере зависящего от отношения одного индивида к другому. Отношения прокладывают путь к индивидуации, делая ее возможной, но сами по себе не служат доказательством целостности. В состав проекции, накладываемой на партнершу-женщину, входит анима, иногда также самость.

17 Ср. Психология и алхимия, указатель.

18 Rosarium, p.369.

19 Ср. Психология и алхимия, пар.430 слл

20 p.251.

21 Ср. Frobenius, Das Zeitalter des Sonnengottes.

22 "Visio Arislei", Art. aurif., I, p. 148: "Mansimus in tenebris undarum et intense aestatis calore ac maris perturbatione" (Мы оставались во мраке волн, в сильной летней жаре и волнении моря).

23 Ср. рождение Митры "единственно из жара влечения" (de solo aestu libidinis". Jerome, Adversus Jovinianum (Migne, P.L., vol. 23, col.246). В арабской алхимии огонь, вызывающий слияние, также именуется влечением' ("либидо"). Ср. "Exercitationes in Turbam", Art. aurif., I, p. 181: "Inter] supradicta tria (scil., corpus, anima, spiritus) inest libido", и т.д. (Имеется^, влечение между тремя вышеупомянутыми, то есть телом, душой и духом).

24 См. подпись к рисунку 5а:

"Но здесь Царь Солнце крепко заперт внутри, И Mercurius philosophorum заливает его".

Солнце, тонущее в фонтане Меркурия (Rosarium, p.315) и лев, пожирающий солнце (p.367), оба обладают тем же значением, выражающим также намек на ignea natura Меркурия

(Лев в доме Солнца). По поводу данного аспекта Меркурия, см. "Дух Меркурий", ч. II, разд.3.

СОЕДИНЕНИЕ

*О Луна, заключенная в мои нежные объятия,
Пусть будешь ты столь же сильна, как я, и ликом столь же
прекрасна.*

*О Солнце, ярчайший свет из всех, известных людям,
Ты все же нуждаешься во мне, как петух в курице.*

[Рис.5]

457 Мопте сомкнулось над царем и царицей, и они вернулись к хаотическим истокам, к неупорядоченной массе. Физис заключила "человека света" в страстные объятия. Как гласит текст, "Тогда Бейя [материнское море] поднялась над Габрицием и заточила его в своей утробе, так что его вовсе не было видно. И она обняла Габриция с такой любовью, что полностью впитала его своей природой, растворив до атомов". Далее цитируются стихи из Меркулина:

(Если белая жена сочетается браком с красным мужем, заключают они друг друга в объятия, а обнявшись, совокупляются, Друг в друге растворяются, друг другом совершенствуются, Так что они, которые были двумя, становятся как бы одним телом).

458 В богатом воображении алхимиков, священный брак Солнца и Луны продолжается внизу, вплоть до животного царства, как можно заключить из следующей инструкции: "Возьми коэтанс-кого кобеля и армянскую суку, случи их, и они родят тебе сына по подобию кобеля"¹. Символизм почти предельно грубый. С другой стороны, Rosarium 2 сообщает: "In hora coniunctionis maxima apparent miracula" (В час соединения происходят величайшие чудеса). Ибо это - момент зачатия *filius philosop-horum* или *lapis*. Приводимая цитата из Альфидия³ добавляет: "*Lux moderna ab eis gignitur*" (Ими порождается новый свет). Калид говорит о "сыне в подобии кобеля", что тот имеет "небесный цвет", и что "этот сын охранит тебя и в сем мире, и в следующем"⁴. Нечто похожее читаем у Сениора: "Она родила сына, который услужал родителям во всем, - разве что сверкает и сияет он ярче, чем они"⁵, то есть затмевает солнце и луну. Действительное значение *coniunctio* в том, что оно ведет к рождению чего-то единого и единственного. Оно возрождает исчезнувшего "человека света", идентичного Логосу гностического христианского символизма, существовавшему еще до сотворения мира; мы также встречаем его в начале Евангелия от Иоанна. Следовательно, здесь мы имеем дело с идеей космического характера, и это служит исчерпывающим объяснением тех превосходных степеней, которые используют алхимики.

459 Психология данного центрального символа вовсе не проста. При поверхностном взгляде кажется, что природный инстинкт одержал победу. Но если приглядеться повнимательнее, можно заметить, что совокупление происходит в воде, в море затемненности, то есть в бессознательном. Такое представление подтверждает другой вариант рисунка (рис.5а). Здесь снова Солнце и Луна находятся в воде, но оба они наделены крыльями. Таким образом, этими воздушными созданиями, творениями разума, представлен дух. Тексты указывают, что Солнце и Луна являются теми двумя испарениями, парами или *fumi*, которые постепенно возникают по мере того, как разгорается огонь, а затем как бы на крыльях возносятся при кипячении и разложении *prima material*. По этой причине, парные противоположности иногда изображаются в виде двух летящих птиц⁷ или крылатого и бескрылого драконов⁸. Тот факт, что два воздушных существа совокупляются на воде или под водой, нисколько не смущает алхимика, знающего переменную природу своих синонимов настолько, что для него вода является не только огнем, но и всевозможными другими удивительными вещами. Ближе к истине мы подойдем, если будем интерпретировать воду как пар. Это укажет нам на кипящий раствор, в котором соединяются два вещества.

460 Что касается откровенного эротизма рисунков, я должен напомнить читателю, что рисунки эти предназначались для глаз средневекового человека, а посему имели скорее символическое, чем порнографическое значение. Средневековые герменевтика и созерцание могли спокойно размышлять даже над деликатнейшими из пассажей "Песни песней", не пугаясь их, а рассматривая их сквозь покров духовности. Именно в таком смысле необходимо понимать наши изображения *coniunctio*: соединение на биологическом уровне выступает символом соединения противоположностей иного порядка. Это означает, что соединение противоположностей в царственном искусстве так же реально, как совокупление в общепринятом представлении о мире, и что *opus* превращается в аналогию естественных процессов, по крайней мере частично преобразующую инстинктивную энергию в символическую активность. Создание подобных аналогий высвобождает инстинкт и биологическую сферу в целом из-под давления бессознательных содержаний. Отсутствие символики, со своей стороны, перегружает сферу инстинкта⁹. Содержащаяся в рис.5 аналогия слишком мало очевидна, как на наш современный вкус, а потому она почти не достигает цели.

461 Как известно каждому специалисту, психологические параллели, встречающиеся в медицинской практике, часто приобретают форму фантастических образов, которые, будучи зарисованными, почти не отличаются от наших рисунков. Можем напомнить читателю типичный случай, упоминавшийся мною выше (пар.377 слл.), когда символически был представлен акт зачатия, и в точности девять месяцев спустя бессознательное как бы под действием своевременного внушения произвело на свет символику рождения, или новорожденного ребенка, причем пациентка не осознавала ни предшествующее психическое зачатие, ни период своей "беременности". Как правило, процесс выливается в серию сновидений, и обнаружить его можно лишь ретроспективно, путем анализа даваемого сновиде

ниями материала. Многие алхимики считают продолжительность *opus* равной продолжительности беременности, а весь процесс уподобляют такому периоду вынашивания¹⁰. 462 Основной акцент ставится на *unio mystica*, что явствует из присутствия объединяющего символа на предыдущих рисунках. Вероятно, исчезновение этого символа с изображений *coniunctio* не лишено глубокого значения. Ибо, при подобном стечении обстоятельств, символ исполнил свое назначение: партнеры сами приобрели символичность. Поначалу каждый из них представлял по два элемента; затем, каждый объединился в одно целое (интеграция тени); наконец, оба, заодно с третьим, стали единым целым – «То что они которые были двумя становятся как бы одним телом». Так реализуется аксиома Марии. В подобном единстве снова исчезает Святой дух, однако, как бы в виде компенсации, Солнце и Луна сами становятся духом. Следовательно, реальным значением оказывается "высшее совокупление"¹¹ Гете, соединение в бессознательном тождестве, которое можно сравнить с первозданным, изначальным состоянием хаоса, *massa confusa*, или скорее - с состоянием мистического соучастия, когда гетерогенные факторы сливаются в бессознательном взаимоотношении. *Coniunctio* отличается от последнего не по своему механизму, но лишь тем, что по своей природе оно никогда не бывает исходным состоянием: оно всегда - продукт какого-либо процесса или цель каких-либо усилий. Так же обстоит дело и в психологии, хотя здесь *coniunctio* возникает непреднамеренно, и ему до самого конца противятся все добросовестные и по преимуществу биологически настроенные врачи. Именно поэтому, они говорят о "разрешении переноса". Снять с врача проекции пациента желательно для обеих сторон, и если такой результат достигается, он может считаться положительным. На практике, из-за незрелости пациента, или из-за его склонностей, или из-за какого-нибудь недопонимания, вызванного проекцией, или в связи с требованиями разума и здравого

смысла вполне может случиться, что трансформации, происходящие в проецируемом содержимом бессознательного, безнадежно застопорятся, но в то же время извне появится возможность переключить проекцию на другой объект. Решить проблему таким способом - примерно то же, что убедить человека не уходить в монастырь, или не отправляться в рискованную экспедицию, или не вступать в брак, кажущийся неразумным всем вокруг. Достоинства разума неоспоримы, но временами мы все же должны спросить себя, достаточно ли нам известно о предназначении того или иного индивида, чтобы мы могли давать удачные советы при любых обстоятельствах? Конечно, надо действовать согласно убеждениям, но так ли уж мы уверены, что наши убеждения соответствуют тому, что будет лучше для других? Весьма часто мы не знаем, что лучше для нас самих, и в последующие годы бываем от души благодарны Богу, если он отвратил нас от "разумности" прежних наших планов. Критикам легко говорить задним числом: "Но ведь это была не та разумность!" Кто в состоянии безошибочно знать, той ли разумностью, которая нужна, он обладает? Более того, не является ли неотъемлемой частью подлинного умения жить способность, наперекор всякой разумности и уместности, иногда включать неразумное и неподобающее в рамки сферы возможного?

463 Следовательно, нас не должно удивлять, если мы обнаружим немало случаев, когда, невзирая на любые усилия, нет никакой возможности решить проблему переноса, хотя пациент - с рациональной точки зрения - имеет все необходимое для понимания, и ни его, ни врача нельзя обвинить в какой-либо технической небрежности или близорукости. Оба они могут быть под столь сильным впечатлением от безграничной иррациональности бессознательного, что наилучшим выходом сочтут решение резко разорвать Гордиев узел. Однако хирургическая операция по разделению сиамских близнецов всегда небезопасна. Могут случаться удачи, но мой опыт говорит, что они весьма редки. Я - всецело за консервативное решение проблемы. Если сложилась ситуация, в которой невозможно говорить о каких-либо других возможностях, и если бессознательное очевидным образом настаивает на сохранении связи, то лечение следует продолжить, не теряя надежды. Может быть, разделение просто откладывается до более позднего этапа; но может идти речь и о случае психологической "беременности", естественного исхода, которой нужно терпеливо дожидаться -или же все это может оказаться одним из тех фатальных случаев, тяжесть которых мы либо взваливаем себе на плечи, либо стараемся уклониться от нее. Врачи знают, что, как бы человек не уворачивался от судьбы, она преследует его. Даже простейшее заболевание может иметь озадачивающие отклонения; и с такой же озадачивающей неожиданностью состояние, казавшееся весьма тяжелым, способно обернуться к лучшему. Иногда помогает искусство врача, иногда же оно бесполезно. В особенности в сфере психологии, где нам все еще так мало известно, мы зачастую сталкиваемся с чем-то непредвиденным и необъяснимым, "не лезущим ни в какие ворота". Нельзя форсировать события: когда бы применение силы ни показалось успешным, о нем впоследствии обычно приходится пожалеть. Всегда лучше помнить об ограниченности своих знаний и способностей. Прежде всего, необходимы сдержанность и терпеливость, поскольку время часто может сделать больше, чем искусство. Не все можно вылечить, и не все нужно лечить. Иногда под покровом невроза прячутся смутные моральные проблемы или необъяснимые повороты судьбы. Одна пациентка годами страдала от депрессии и от необъяснимых страхов, связанных с Парижем. От депрессий ей удалось избавиться, однако фобия осталась недостижимой для лечения. Тем не менее, пациентка посчитала себя готовой рискнуть проигнорировать свою фобию. Ей удалось попасть в Париж, и в первый же день по приезде она погибла в автомобильной катастрофе. Другой пациент испытывал особенный устойчивый страх перед лестницами. Однажды он оказался вблизи уличных беспорядков; раздались выстрелы. Он огляделся и увидел, что находится перед каким-то общественным зданием, к которому ведет широкая лестница. Невзирая на свою фобию, он бросился вверх по ступенькам, стремясь укрыться внутри здания, и был смертельно ранен на ступенях шальной пулей.

464 Приведенные примеры показывают, что о психических симптомах нужно судить с величайшей осторожностью. Это справедливо и в отношении разнообразнейших форм переноса и его содержаний. Иногда они ставят перед врачом почти неразрешимые проблемы или причиняют ему беспокойство всевозможного рода, способное доходить до пределов переносимого и даже выходить за такие пределы. В особенности если врач по своим личностным свойствам этически щепетилен и воспринимает работу психолога всерьез, это может вести к моральным конфликтам и к разделению привязанностей, действительная или предполагаемая несовместимость которых послужила причиной не одного несчастья. А потому я, исходя из долгого опыта, хотел бы предостеречь от чрезмерного терапевтического энтузиазма. Работа психолога полна препятствий; и, однако, именно эта профессия изобилует некомпетентными людьми. В большой мере за это следует винить медицинские факультеты, годами отказавшиеся признать психе в числе этиологических факторов патологии - пусть даже для нее другого применения не находилось. Невежество, конечно, никогда не может быть рекомендацией; но часто недостаточно и наилучших знаний. Поэтому, напому психотерапевту: ни дня не должно проходить без напоминания самому себе о том, что всему еще только предстоит научиться.

465 Читателю не стоит думать, что психолог находится в каком-то особом положении, позволяющим разъяснить, что такое "высшее совокупление" или *coniunctio*, или "психическая беременность", не говоря уже о "ребенке души". Не стоит и приходить в раздражение, если кто-нибудь, впервые познакомившись с трактуемыми здесь деликатными предметами, или со своей же циничной самостью, испытает отвращение к этим - как ему кажется - фальшивым выдумкам и отмахнется от них с сочувственной улыбкой и оскорбительной демонстрацией тактичности. Непредвзято мыслящий ученый, ищущий истину и ничего, кроме истины, должен воздерживаться от опрометчивых суждений и интерпретаций, поскольку здесь он имеет дело с психологическими фактами, которые разум не в состоянии опровергнуть и с помощью заклинаний сделать несуществующими. Среди пациентов попадаются умные, проницательные люди, не меньше самого врача способные к уничижительным интерпретациям, но не могущие себе позволить применять подобное орудие перед лицом упрямых фактов. Такие слова, как "бессмыслица", помогают успешно отделаться от мелочей, - но не от чего-то тиранически навязывающего себя вам в ночной тиши; именно так ведут себя образы, потоком льющиеся из бессознательного. Как бы мы ни предпочли называть этот факт, суть дела ничуть не изменится. Если речь идет о болезни, то такую священную болезнь нужно лечить в соответствии с ее природой. Врач может утешить себя тем соображением, что у него, как и у остальных его коллег, есть не только поддающиеся излечению, но и хронические пациенты, которым нужна сиделка, а не врач. Как бы то ни было, эмпирический материал не дает нам достаточных оснований всегда говорить о "болезни"; напротив, постепенно мы приходим к осознанию того, что имеем дело с моральной проблемой, и часто начинаем мечтать о священнике, который вместо исповеди и обращения в свою веру просто покорно слушал бы, а потом передал наш конкретный случай на усмотрение Бога, дабы Он разрешил его.

466 Терпение и неспешность, абсолютно необходимы в делах такого рода. Нужно уметь дожидаться событий. Работы, состоящей в тщательном анализе сновидений и прочих бессознательных содержаний, здесь очень много. Там, где ошибается врач, ошибется и пациент, поэтому врач должен располагать реальным знанием предмета, а не просто расхожими мнениями, представляющими собой осколки современной философии для обывателей. Дабы расширить столь необходимые знания, я распространил свои исследования вспять, на те давние времена, когда еще действовали наивные интроспекция и проекция, отображавшие глубокие психологические тылы, на сегодня ставшие практически недоступными для нас. Так я сумел узнать много полезного для моей практики, в особенности - для понимания невероятной зачаровывающей силы содержаний, о которых идет речь. Они не всегда кажутся особо зачаровывающими пациенту, и в результате он страдает от пропорционально усиливающейся привязанности, в интенсивности коей он мог

бы заново распознать силу соответствующих подсознательных образов. Он, однако же, пытается интерпретировать свою привязанность рационалистически, в духе времени, и потому не замечает и не допускает иррациональных оснований переноса - а именно, архетипических образов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Rosarium. Цитата из Kalid. "Liber secretorum alchemiae", Art. aurif., I, p.340 [Ср. пар.353, пр. 1 - Прим. изд.]

2 P.247.

3 P.248

4 Kalid. "Liber secretorum alchemiae", Art. aurif., I, 340: "Et dixit Hermes patri suo: Pater timeo ab inimico in mea mansione. Et dixit: Fili, accipe canem masculum Corascenem et caniculam Armeniae et iunge in simul et parient canem coloris coeli et imbebe ipsum una siti ex aqua maris: quia ipse custodiet tuum amicum et custodiet te ab inimico tuo et adiuuabit te ubicumque sis, semper tecum existendo in hoc mundo et in alio" (И Гермес сказал отцу своему: Отец, боюсь я врага в моем доме. Тот же сказал: Сын мой, возьми корасценского кобеля и армянскую суку, совокупи их, и они породят кобеля небесного цвета, и если он будет томим жаждой, напои его водой моря: ибо он охранит твоего друга, и тебя от врага твоего, и помогать будет тебе повсюду, где бы ты ни был, всегда пребывая с тобой и в сем мире, и в следующем).

5 Rosarium, p.248. Сияние (

6 В "Practica Mariae" (Art. aurif., I. p.321) два превращаются в четыре: [Kibrich et Zubech]... ipsa sunt duo fumi comlectentes duo lumina" (Они -два пара, окружающие два светильника). Эта четверка, очевидно, соответствует четырём элементам, поскольку на стр.320 читаем: "... si sunt apud homines omnia 4 elementa, dixit compleri possent et complexionari et coagulari eorum fumi..." (Если в людях имеются все четыре элемента, то - говорит он, - их пары могут быть дополнены, смешаны и сгущены).

7 См. Lamspringk, "Figurae", Musaeum hermeticum.

8 Титульный лист книги Colonna, Le Songe de Poliphile. См. Психология и алхимия, рис.4.

9 Отсюда -двусмысленное высказывание в: Mylius. Phil, ref., p. 182: "In habentibus symbolum facilis est transitus" (Для имеющих символ переход легок).

10 Ср. Kalid, "Liber secretorum alchemiae", Art. aurif., I, pp.355ff.

11 "Ты 4 не пленник зла ночного!

И тебя томит желанье

Вознестись из мрака снова

К свету высшего слиянья"

[Гете И.В. Западно-восточный диван// Гете И.В. Стихотворения. - М.: Худ. лит., 1979, с.281 (перевод Н.Вильмонта). Доел, перевод - "высшее совокупление" — Прим. перев.].

СМЕРТЬ

Здесь Царь и Царица мертвые лежат

В большой печали душа отделилась.

[Рис.6]

467 Vas hermeticum, фонтан и море здесь превратились в саркофаг и гробницу. Царь и царица мертвы; они сплавлены в единое существо о двух головах. Праздник жизни сменился погребальным песнопением. Как Габриций умирает после соединения с сестрой, а сына-любовника после иерогамии с материнской богиней в ближневосточной мифологии всегда настигает смерть, так же и после conlunctio oppositorum наступает смертный покой. Когда противоположности соединяются, вся энергия исчезает: никакого течения больше нет.

Водопад ушел в глубины, в вихре свадебного веселья и вождения; остался теперь лишь бассейн со стоячей водой, без течений и волн. По крайней мере так все выглядит при взгляде извне. Надпись над рисунком гласит, что на нем изображено *putrefactio*, разложение, распад некогда бывшего живым существа. Однако рисунок имеет и другой заголовок - "зачатия". Текст сообщает: - разложение одного есть зарождение другого¹; это служит указанием на то, что изображенная здесь смерть представляет собой промежуточную стадию, за которой последует новая жизнь. Как говорят алхимики, новая жизнь не может возникнуть, если не умрет старая. Они сравнивают свое искусство с работой сеятеля, погребаящего зерно в земле: зерно умирает лишь затем, чтобы пробудиться для новой жизни. Таким образом, своими умерщвлением, убиением, разложением, сожжением, испепелением, ожогом и т.д. они имитируют действия природы. Сходным же образом они уподобляют свои труды смертности человеческой, без коей не была бы достижима новая, вечная жизнь³.

468 Мертвое тело, оставшееся после празднества, является уже новым телом, *hermaphroditus* (смесь Гермеса-Меркурия и Афродиты-Венеры). По этой причине половина тела, изображенного на алхимических иллюстрациях, - мужская, вторая половина - женская (в *Rosarium* соответствующая половина - левая). Поскольку *hermaphroditus* оказывается давно искомым *rebis* или *lapis*, он символизирует таинственное существо, которое предстоит создать, ради которого и затевается *opus*. Однако *opus* еще не достигло своей цели, поскольку *lapis* еще не ожил. Его рассматривают как некое подобие животного - живое существо, имеющее тело, душу и дух. Подпись гласит, что пара, представлявшая вместе тело и дух, мертва, а душа (очевидно, лишь одна⁴ душа) отлетела от них обоих "в великой печали"⁵. Хотя здесь играют свою роль и другие разнообразные значения, невозможно отделаться от впечатления, что смерть - своего рода молчаливая кара за грех инцеста, ибо "платой за грех служит смерть"⁶. Этим должна объясняться "великая печаль" души, а также тьма, упоминаемая в связи с одной из вариаций на тему нашего рисунка⁷ ("Здесь солнце стало черным"). Такая чернота представляет собой *immunditia* ("нечистоту"), как показывает вытекающая из нее необходимость *ablutio*. *Coniunctio* носило характер инцеста, а потому было греховным и оставило после себя загрязнение. *Nigredo* всегда появляется вместе с *tenebro-sitas*, тьмой могилы и Аида, - чтобы не сказать Ада. Таким образом, спуск, начавшийся свадебной купелью, достиг твердого дна смерти, тьмы и греха. Однако обнадеживающая сторона всего этого видна адепту в упреждающем событии появлении гермафродита, хотя психологическое значение последнего поначалу затемнено.

469 Ситуация, изображенная на нашем рисунке, соответствует среде первой недели Великого поста. Предъявлен счет, настал час расплаты, и разверзлась пропасть. Смерть означает полное уничтожение сознания и стагнацию психической жизни - в той мере, в которой последняя способна к сознательности. Столь катастрофическое завершение, служившее предметом ежегодного оплакивания в настолько многих местах (ср., например, плач по Лину, Фаммузу⁹ и Адонису), несомненно должно соответствовать некоему важному архетипу: ведь даже и сегодня у нас имеется Страстная Пятница. Архетип всегда представляет какое-либо типичное событие. Как мы видели, в *coniunctio* осуществляется соединение двух фигур: одной из них представлен принцип дня, то есть ясность сознания, а другой - свет ночи, то есть бессознательное. Так как последнее недоступно непосредственному созерцанию, оно всегда проецируется; ибо, в отличие от тени, оно не принадлежит эго, но является коллективным. Из-за такого своего характера оно ощущается нами как нечто постороннее, и мы начинаем подозревать его в принадлежности тому конкретному лицу, с которым состоим в эмоциональной связи. Вдобавок, у мужчины бессознательное наделено женскими чертами; оно прячется в его собственной женственной стороне, которую он, естественно, в себе не замечает приписывая ее женщине, очаровавшей его. Вероятно, именно поэтому душа (анима) - женского рода. Таким образом, если Мужчина и женщина сливаются в своего рода бессознательном тождестве, то он примет на себя черты

ее анимуса, а она - черты его анимы. Хотя ни анима, ни анимус не могут конstellлироваться без вмешательства сознательного компонента личности, это не означает, что складывающаяся в результате ситуация сводится к личному отношению, к переплетению личностей. Личностная сторона ситуации - факт, но не главный факт. Основным фактом является субъективное переживание ситуации; иными словами, ошибкой было бы приписывать самую важную роль личному общению с партнером. Как раз напротив: наиболее важная роль отведена контактам мужчины с анимой, женщины - с анимусом. Так что *coniunctio* происходит не с личностью партнера: оно - царственная игра, разыгрываемая активной, мужественной стороной женщины (анимусом) и пассивной, женственной стороной мужчины (анимой). Хотя обе фигуры всегда искушают эго отождествить себя с ними, но даже на личностном уровне реальное понимание возможно лишь при отказе от таких отождествлений. Отказ от идентификации требует значительных моральных усилий. К тому же он бывает обоснованным лишь тогда, когда его не используют в качестве повода уклониться от необходимой степени личного понимания. С другой стороны, если мы подойдем к данной задаче с чересчур персоналистских психологических позиций, то не сможем отдать должное тому факту, что здесь мы имеем дело с архетипом, ни в коем случае не носящим личного характера. Наоборот - он есть нечто априорное и настолько универсальное по частоте встречаемости и широте охвата, что нередко представляется предпочтительнее говорить не о моей аниме или моем анимусе, а скорее вообще об аниме и вообще об анимусе. В своем архетипическом качестве эти фигуры представляют собой полукolleктивные и безличные величины, так что отождествляя себя с ними (и воображая, что тогда мы самым подлинным образом становимся самими собой), мы фактически оказываемся в наибольшей степени отчуждены от себя и приближены к усредненному типу *Homo sapiens*. Личности, выступающие протагонистами в царственной игре, всегда должны помнить, что она в сущности представляет "трансубъективное" соединение архетипических фигур, и не забывать о символическом характере этого их взаимоотношения, цель которого - полнота индивидуации. На нашей серии рисунков данная идея проводится намеком, («под розой»). Поэтому, когда *opus* подается в образе розы или колеса, бессознательные, чисто личные отношения превращаются в психологическую проблему, которая, предотвращая погружение в полную тьму, отнюдь не устраняет действенную силу архетипа. За верный путь, как и за ложный путь, необходимо заплатить - и, как бы ни превозносил алхимик почтенную природу, его делание в любом случае - дело противное природе. Противно естеству совершать инцест, и противно естеству не подчиниться жгучему желанию. В то же время, именно природа подсказывает нам подобную позицию, вызываемую либидо родства. Так обстоят дела - в согласии с высказыванием Псевдо-Демокрита: "Природа радуется природе, природа побеждает природу, природа правит природой"¹⁰. Не все инстинкты человека гармонически упорядочены; они постоянно борются между собой, сбивая друг друга с пути. Древним хватало оптимизма рассматривать эту борьбу не как хаос и неразбериху, а как стремление к некоему высшему порядку.

470 Таким образом, встреча с анимой и анимусом означает конфликт и ставит нас перед затруднительной дилеммой, навязываемой нам самой природой. Какой бы путь мы ни выбрали, природа потерпит ущерб и пострадает, вплоть до умерщвления; ибо чисто природный человек должен частично умереть еще на протяжении своей жизни. Христианский символ распятия, следовательно, оказывается своего рода прототипом, "вечной" истиной. Существуют средневековые изображения, на которых Христа пригвозждают к кресту его собственные добродетели. Другие люди терпят ту же долю из-за своих пороков. Никто, вступив на путь целостности, не может избежать характерного взвешенного состояния, обозначаемого распятием. Ибо он неминуемо наткнется на то, что будет "перечить", препятствовать ему: во-первых, на то, чем он не имеет желания быть (тьма); во-вторых, на то, чем он не является ("другой", индивидуальная реальность "Ты"); в-третьих, на свое психическое не-эго (коллективное бессознательное). Подобное противоречие в собственных целях человека передается перекрещиванием ветвей в руках

царя и царицы, которые и сами - крест, несомый мужчиной (в форме анимы), и крест женщины (в форме анимуса). Встреча с коллективным бессознательным представляет собой фатум, о коем естественный человек и не подозревает, откуда тот не достигнет его. Как говорит Фауст: "Ты сознаешь только один порыв, / О если бы ты и не знал другого!"

471 Такой процесс стоит за всем *opus*; поначалу же он настолько сбивает с толку, что алхимик пытается изобразить конфликт, смерть и новое рождение фигурально, на высшем плане, сперва в своей *practica* - в виде химических превращений, а затем - в своей *theoria* - в виде концептуальных образов. Нетрудно догадаться, что тот же процесс стоит и за определенными религиозными *opera*, поскольку имеется заметный параллелизм между церковной символикой и алхимией. В психотерапии и психологии неврозов данный процесс считается прежде всего психическим, ибо в нем в типичном виде представлено содержимое невроза переноса. Главная цель психологического делания - осознание, и первый шаг в нем - заставить себя осознать содержания, до этого бывшие спроецированными. Такого рода усилие постепенно ведет к познанию своего партнера и самопознанию, тем самым - к разграничению между тем, что человек действительно представляет собой, и тем, что спроецировано на него или чем он сам себе представляется. В процессе этого, человек настолько поглощен собственными усилиями, что едва ли сознает, в какой мере "природа" ведет себя не только как движущая сила, но и как помощник - иными словами, в какой мере инстинкт настаивает на достижении высшего уровня сознания. Это стремление к высшему, более полному сознанию питает цивилизацию и культуру, но не достигает цели, если человек добровольно не поставит себя ему на службу. Алхимики придерживались мнения, что делатель является слугой делания и дело ведет к завершению не он, а природа. Тем не менее, от человека требуется и воля, и способность, ибо если что-либо из них отсутствует, стремление не выходит за пределы уровня природного символизма и не порождает ничего, кроме извращенного инстинкта целостности; чтобы реализовать свою задачу, этому инстинкту нужны все части целого, включая те, что были спроецированы на "Ты". Там инстинкт и ищет их, дабы воссоздать царственную пару, имеющуюся в каждом человеке в его целостности, то есть того двуполого первого Человека, который "не нуждается ни в чем, кроме себя". Когда бы ни началось такое стремление к целостности, оно при своем зарождении маскируется под личиной символики инцеста, поскольку, если мужчина не ищет внутри себя, то ближайшее свое женское соответствие он находит в матери, сестре или дочери.

472 Последите грации проекций - которые простой, природный человек в своей безграничной наивности никак не может распознать в качестве таковых - личность настолько расширяется, что нормальная эго личность почти уничтожается. Другими словами, если индивид идентифицирует себя с содержаниями подлежащими интеграции, в результате происходит позитивная или негативная инфляция. Позитивная инфляция весьма близка к более или менее осознанной мании величия; негативная инфляция ощущается как аннигиляция эго. Оба эти состояния могут чередоваться друг с другом. В любом случае, интеграция содержаний, всегда бывших бессознательными и проецировавшихся, подразумевает серьезное ущемление эго. Алхимия выражает его с помощью символов смерти, увечий, отравления ядом или же посредством странной идеи - водянки в «загадке мерлина» изображаемой как желанецаря пить воду в непомерных количествах. Он пьет ее так много, что почти растворяется, и ему требуется лечение александрийских врачей¹². Он страдает от избытка бессознательного и подвергается диссоциации - "так что мне показалось, что все мои члены отделяются друг от друга"¹³. Собственно говоря, и сама мать Алхимия страдает водянкой в нижних конечностях¹⁴. Очевидно, в алхимии психическая инфляция развивается в физическую отечность¹⁵.

473 Алхимики утверждают, что смерть есть в то же время и зачатие *filius philosophorum*; это своеобразная вариация доктрины Антропоса¹⁶. Производить потомство в инцесте - царственная или божественная прерогатива, и пользоваться ее преимуществами обычному человеку запрещено. Ибо он - человек естественный, царь же или герой -

"сверхъестественный" человек, духовный, "крещенный духом и водой", то есть зачатый в священной воде и рожденный ею. Это - гностический Христос, сошедший на человека Иисуса во время его крещения и вновь удалившийся от него перед кончиной. Этот "сын" - новый человек, продукт соединения царя и царицы - хотя здесь он не рождён царицей, но и царица, и царь сами преобразуются в нечто новорожденное¹⁷.

474 На язык психологии данная мифологема переводится следующим образом: соединение сознания или эго-личности с бессознательным, персонифицируемым анимой, порождает новую личность, состоящую из них обеих. Новая личность - не нечто третье, стоящее посередине между сознанием и бессознательным; она - и то и другое, вместе взятые. Будучи трансцендентной по отношению к сознанию, она уже не может называться "эго", но должна получить наименование "самости". Следует сослаться здесь на индийскую идею атмана, чьи личностный и космический модусы бытия образуют точную параллель психологической идее самости, а также *filius philosophorum*¹⁸. Самость также - и эго, и не-эго, и субъективное, и объективное, и индивидуальное, и коллективное. Она - тот "символ единения", которым вкратце выражается тотальное объединение противоположностей¹⁹. В таком своем качестве она, в согласии с ее парадоксальной природой, может быть выражена лишь посредством символов. Эти символы появляются в снах и спонтанных фантазиях, находя визуальное воплощение в мандалах, встречающихся в сновидениях и на рисунках пациентов. Следовательно, верно понятая самость представляет собой не доктрину или теорию, а образ, рождаемый собственными усилиями природы, естественный символ, далеко отстоящий от любых сознательных намерений. Я вынужден подчеркивать этот очевидный факт, поскольку кое-кто из критиков все еще верит в возможность списать манифестации бессознательного на чисто спекулятивный счет. Эти манифестации, однако же, относятся к разряду фактически наблюдаемых явлений - о чем известно всякому врачу, имеющему дело с подобными случаями. Интеграция самости представляет собой фундаментальную проблему, становящуюся актуальной во второй половине жизни. Символы, обладающие всеми характеристиками мандалы, могут появляться в сновидениях с большим опережением без того, чтобы развитие внутреннего человека вырастало в насущную проблему. Изолированные случаи такого рода нетрудно проглядеть, и тогда кажется, что описанные мной явления - лишь редкий курьез. На самом деле - ничего подобного: ибо они случаются всегда, когда процесс индивидуации становится объектом сознательного рассмотрения, или когда, как при психозах, коллективное бессознательное заполняет сознание ахретиписческими образами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 "Tractatus Avicennae", Art. aurif., I, p.426.

2 Ср. Aurora, I, Ch. XII (в соответствии с Иоанном, 12, 24). Hortulanus (Ruska. Tabula, p. 186): "Vocatur [lapis] etiam granum frumenti. quod nisi mortuum fuerit. ipsum solum manet, etc". (Он [камень] также именуется пшеничным зерном, которое пребывает в одиночестве, покуда не умрет). Есть и еще одно (также не слишком удачное) общераспространенное сравнение: "Habemus exemplum in ovo quod putrescit primo, et tunc gignitur pullus, qui post totum corruptum est animal vivens" (Пример имеем в яйце: оно сначала разлагается, а затем рождается цыпленок - живое существо, возникшее из разложения целого) — Rosarium, p.225.

3 Ruska, Turba, p. 139: "Tunc autem, doctrinae filii, illa res igne indiget, quousque illius corporis spiritus vertatur et per noctes dimittatur, ut homo in suo tumulo, et pulvis fiat. His peractis reddet ei Deus et animam suam et spiritum, ac infirmitate ablata confortatur illa res... quemadmodum homo post resurrecti-onem fortior fit", (Однако же сыны учения, вещь эта потребует огня, покуда дух ее тела не преобразуется и не пройдет через ночь, подобно человеку в могиле, и не станет прахом. Когда же это случится. Бог вернет ей ее душу и дух. устранив все слабости, и усилится эта вещь... как человек усиливается по воскрешении).

4 Ср. i)/u[^]OYovia[возникновение души (греч.) —Прим. перев.], в описании гексады

Лида. выше. пар.451. прим.8.

5 Ср. Senior, De chemia. p.16: "... et reviviscit, quod fuerat morti deditum, post inipiam magnam" (Что было предано смерти, вновь оживает после великих лишений).

6 Алхимики руководствовались прецедентом в книге Бытия, 2,17:"ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертно умрешь". Грех Адама — составная часть драмы творения. "Cum recessit Adam, eius est anima mortua" (когда Адам согрешил, его душа умерла) - говорит Григорий Великий (Epist. CXIV, Migne, P.L, vol.77, col.806).

7 Art. aurif., II, p.324.

8 Nigredo появляется здесь не в качестве начальной стадии, но как результат предшествующего процесса. Временная последовательность фаз в opus весьма неопределенна. Ту же неопределенность мы видим и в процессе индивидуации, где типичную последовательность стадий можно установить лишь в очень обобщенном виде. Глубинной причиной такого "беспорядка", вероятно, является "вневременное" качество бессознательного, в котором осознаваемая последовательность становится одновременностью: феномен, названный мной "синхронистичностью" [Ср. К.Г Юнг."Синхронистичность: принцип акаузальной связи", М.: Рефл-бук. К.: Ваклер, 1997]. Об отношениях между психологией и атомной физикой см.: Meier, "Moderne Physik".

9 Иезикииль, 8, 14: "... и вот, там сидят женщины, плачущие по Фаммузе".

10 Berthelot, Alch. greco, II, i, 3: 'Н фбац щ фиаег тетгтетси, кои т| фбак; zi\у фислу vim кои т) фиаг; tj\у фиту крате!.

11 Мерлин, вероятно, в очень малой степени имеет отношение к волшебнику Мерлину, так же как Король Артус - к королю Артуру. Больше похоже на то, что Мерлин — это "Меркулин", уменьшительная форма от "Меркурий", псевдоним кого-то из Германических философов⁷ Артус*[^]=[^]ллинистическое имя Гора. Формы "Меркулий" и "Маркулий" для Меркурия подтверждаются арабскими источниками. Джуна бен Маркулий — это греческий Ион, в византийском варианте мифологии считающийся сыном Меркурия (Chwolson, Die Ssabier, I, p.796). По словам Аль-Макризи, "Меркулийцами... называются эдессяне, жившие недалеко от Харрана"; очевидно, имеются в виду сабеи (Ibid., II, p.615). Ион у Зосимы (Berthelot, Alch. greco, II, i, 2), вероятно, соответствует вышеуказанному Иону [Ср. "The Visions of Zosimos", par. 80, n.4 - Прим. изд.]

12 Merlinus, "Allegoria de arcano lapidis", Art. aurif., I, pp.392ff.: "Rex autem... bibit et rebibit, donec omnia membra sua repleta sunt. et omnes venae eius inflatae" (Царь же пьет и пьет, покуда все его конечности не наполнятся и все его вены не раздуются" [Ср. Mysterium Coniunctionis, par. 357 — Прим. изд.]

13 В "Tractatus aureus" (Mus. herm., p.51) царь пьет "aqua pernigra", [чернейшая вода (лат.) — Прим. перев.] называемую "pretiosa et sana", [драгоценная и оздоравливающая (лат.) — Прим. перев.] дабы обрести силу и здоровье. Он представляет новое рождение, самость, ассимилировавшую "черную воду", то есть бессознательное. В "Апокалипсисе Баруха" черная вода означает грех Адама, пришествие Мессии и конец света.

14 Aurora, II, Art. aurif., I, p. 196.

15 Отсюда — предупреждение: "Cave ab hydropisi et diluvio Noe" (Остерегайся водянки и Ноева потопа) - Ripley, Omnia opera chemica, p.69.

16 Ср. "Психология и алхимия", пар. 456 слл.

17 Одна из нескольких версий.

18 Имеется в виду только психологический, но не метафизический параллелизм.

19 Ср. Psychological Types (1923 edn., pp.320f).

ВОЗНЕСЕНИЕ ДУШИ

*Здесь разделяются четыре элемента,
И от безжизненного тела отлетает ввысь душа.*

475 Этот рисунок переводит *putrefactio* еще на один этап вперед. Из разложения и распада душа отлетает к небесам. От двоих отделяется только одна душа, поскольку двое в самом деле стали одним. Таким образом выявляется природа души как связка: она есть функция отношения. Как и при настоящей смерти, душа отделяется от тела и возвращается к своему небесному истоку. Единое, родившееся из двух, представляет собой метаморфозу обоих, хотя и не успевшую развиться до конца, все еще остающуюся "зачаточной". Однако вопреки обычным представлениям о зачатии, душа не спускается, дабы одушевить тело, а покидает тело и возносится к небу. Очевидно, "душа" репрезентирует идею единства, которой еще только предстоит стать конкретным фактом, сейчас же она - лишь возможность. Идея целостности, составленной из *sponsus* и *sponsa*, имеет своим коррелятом круглую небесную сферу.

476 Психологически, данный рисунок соответствует теневому состоянию дезориентированности. Разложение на элементы указывает на диссоциацию, коллапс существующего эго-сознания. Такое состояние близко к шизофреническому, и к нему следует отнести весьма серьезно, ибо это - момент, когда латентные психозы могут обостриться; то есть в этот момент пациент начинает осознавать коллективное бессознательное и психическое не-эго. Коллапс и дезориентация сознания могут продлиться немалое время; переходное состояние такого рода - одно из самых сложных для аналитика, и как со стороны врача, так и со стороны пациента требуется громадное терпение, храбрость и добросовестность. Это состояние - знак того, что пациент волей-неволей вовлечен в движение, не ощущая его направления, и что он в подлинном смысле лишился души, остался в полном распоряжении аутоэротических аффектов и фантазий. По поводу такого состояния смертной тьмы один из алхимиков говорит: "Это - великий знак, исследование коего многих погубило"².

477 Такое критическое состояние, когда сознание может в любое мгновение оказаться поглощенным бессознательным, сродни "потере души", зачастую случающейся с первобытными людьми. Это - внезапное *abaissement du niveau mental*, ослабление напряженности сознания, к которому первобытный человек особенно склонен из-за того, что его сознание все еще относительно слабо, и пользоваться им для него - немалое усилие. Отсюда - недостаток у него силы воли, его неспособность к концентрации и та чрезвычайно быстрая умственная утомляемость, которую мне пришлось наблюдать во время переговоров с туземцами. Широко распространенная на Востоке практика йоги и дхьяны представляет собой подобное *abaissement*, намеренно создаваемое с целью релаксации - технику высвобождения души. Мне даже удавалось наблюдать у некоторых пациентов субъективное ощущение левитации в моменты крайнего расстройства психики³. Лежа в кровати, пациенты чувствовали, будто они плывут в горизонтальном направлении в воздухе, на несколько футов над своими телами. Это весьма напоминает феномен под названием "транс ведьмы", а также параспихические левитации, по рассказам, случавшиеся со многими святыми.

478 Мертвое тело на наших рисунках представляет прошлое, человека, которого больше нет, который должен распасться. "Мучения", составляющие часть алхимической процедуры, входят в эту стадию *itertim top* - повторной смерти. Они состоят в том, чтобы "*membra secare, arctius sequestrare ac partes morti-ficare et in naturam, quae in eo [lapide] est, vertere*" ("расчленить конечности, разделяя их на все более и более мелкие части, умертвить эти части и преобразовать их в ту природу, каковая есть в нем [камне]"), как говорится в *Rosarium* в форме цитаты из Гермеса. Пассаж продолжается так: "Ты должен хранить воду и огонь, живущие в сокровенной субстанции, и сдерживать эти воды вечной водой, пусть даже это - и не вода, но огненная форма подлинной воды"⁴. Ибо драгоценная субстанция - душа - подвергается опасности улечься из пузырящегося раствора, в котором разлагаются элементы. Эта драгоценная субстанция представляет собой парадоксальный состав из огня и воды, то есть это - Меркурий, раб или ускользающий олень, всегда готовый к бегству, иными

словами, противящийся интеграции (внутрь сознания). Он должен "сдерживаться" с помощью "воды", парадоксальная природа которой соответствует природе Меркурия и, фактически, содержит его в себе. Кажется, здесь мы имеем намек на то, какое лечение требуется: столкнувшись с дезориентированностью пациента, врач должен держаться за свою собственную ориентацию; то есть он обязан знать, что означает состояние пациента, обязан понимать, в чем ценность сновидений, и все это - опираясь на воду учения, единственно согласующуюся с природой бессознательного. Иными словами, он должен подходить к своей задаче идеями и взглядами, пригодными для осмысления бессознательного символизма. Интеллектуальные или наукообразные теории не адекватны природе бессознательного, поскольку они используют терминологию, не состоящую ни в малейшей в родстве с его богатой смыслами символикой. Воды должны быть собраны вместе и сдерживаться единственной водой, *ignis ignea verae aquae*. Таким образом, подход, который сделал бы это возможным, должен быть пластичным и символическим, и должен в свою очередь быть результатом личного опыта контактов с бессознательными содержаниями. Он не должен слишком сильно уклоняться в направлении абстрактного интеллектуализма; поэтому нам лучше всего оставаться в рамках традиционной мифологии, успевшей доказать свою пригодность для любых практических целей. Это не исключает необходимости соответствия теоретическим требованиям; последние, однако, остаются в личном пользовании врача. 479 Терапия нацелена на укрепление сознания, и я всегда, по мере возможности стараюсь побудить пациента к умственной активности и заставить его подчинить *massa confusa* своей психике своему же собственному пониманию⁵, с тем, чтобы он смог занять превосходящую позицию над схваткой. Если у человека есть хоть крупинка ума, он не рискует потерять его в ходе такого процесса - хотя бывают люди, которые знать не знали, зачем им ум, пока не начался этот процесс. В подобной ситуации понимание играет спасительную роль. Оно интегрирует бессознательное, и постепенно возникает более высокая точка зрения, представляющая и сознание и бессознательное. Тогда обнаруживается, что вторжение бессознательного было подобно разливам Нила: они, как известно, повышают плодородие почвы. Именно в таком смысле надо понимать панегирик, адресованный в *Rosarium* этому состоянию: "*O natura benedicta et benedicta est tua operatio, quia de imperfecto facis perfectum cum vera putrefactione quae est nigra et obscura. Postea facis germinare novas res et diversas, cum tua viriditate facis diversos colores apparere*" ("*О благословенная природа, благословенны дела твои, ибо ты несовершенное делаешь совершенным посредством подлинного разложения, каковое темно и черно. А затем, ты порождаешь рост многообразных новых предметов, заставляя зеленью твоею возникнуть многие цвета*")⁶ Не сразу понятно, почему состояние тьмы заслуживает специальных восхвалений, поскольку *nigredo* обычно считается мрачным, меланхолически окрашенным, напоминающим о смерти и могиле. Однако тот факт, что средневековая алхимия имела связи с мистицизмом своего времени, а точнее - сама была одной из форм мистики, позволяет нам привлечь в качестве параллели к *nigredo* сочинения Сан Хуана де ла Крус⁷, посвященные "темной ночи". Этот автор считает "духовную ночь" в высшей степени положительным состоянием, во время которого приходит невидимое - а потому темное - свечение Бога, дабы, пронзив душу, очистить ее. 480 Появление цветов в алхимическом сосуде - так называемое хвост павлина - означает весну, обновление жизни - после тьмы свет. Текст продолжается так: "Эта чернота именуется землей". Меркурий, в котором тонет солнце, представляет собой дух земли, Земной бог, как называют его алхимики, или мудрость бога, которая обрела тело и субстанцию в сотворенном, сотворив его. Бессознательное представляет собой дух хтонической природы; оно содержит в себе архетипические образы *Sapientia Dei*. Но интеллект современного цивилизованного человека слишком далеко ушел, блуждая в мире сознания; так что внезапно узрев лик своей матери-земли, он испытывает резкий шок.

481 Тот факт, что душа на нашем рисунке изображена в виде гомункулуса, указывает, что она находится на пути превращения в *filius regius*, неделимого гермафродита, Первого Человека, Антропоса. Он когда-то упал в объятия Физис, но теперь восстает вновь,

высвободившись из тюрьмы смертного тела. Он вовлечен в своего рода восхождение и, в согласии с Tabula smaragdina, соединяется с "вышними силами". Он воплощает в себе сущность "низшей силы", которая, подобно "третьему ответвлению" в доктрине Василида, всегда стремится ввысь из глубин⁹ - не с намерением остаться на небесах, но лишь для того, чтобы вновь появиться на земле в качестве целительной силы, проводника бессмертия и совершенства, посредника и спасителя. Связь с христианской идеей Второго пришествия распознается здесь безошибочно.

482 Психологическая интерпретация данного процесса заводит нас в глубины внутреннего опыта, бросающие вызов возможностям наших научных описаний, какими бы непредвзятыми или даже безжалостными они ни были. В такие моменты идея мистерии - сколь бы неуловимой она ни была для научного склада ума - неизбежно приходит в голову исследователю, не как прикрытие его невежества, но как признание неспособности перевести свое знание на повседневный язык интеллекта. Поэтому, я должен буду удовлетвориться простым упоминанием архетипа, внутренне переживаемого на данной стадии, а именно - рождения "божественного ребенка" или, на языке мистиков, внутреннего человека¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЕ

1 "Tractatus aureus", Mus. herm., p.47

2 Цитата из неизвестного мне источника, названного "Сорином" в Rosarium, p.264.

3 Один из таких случаев описан в Meier, "Spontanmanifestationen", p.290.

4 Art. aurif., II, p.264: "Et eorum aquas sua aqua continere, si qua non est aqua, forma ignea verae aquae".

5 Памятуя о том правиле, что в психологии любые рекомендации иногда могут обращаться в свою противоположность, замечу, что не рекомендуется акцентировать позицию сознания, если она изначально проявила себя достаточно сильной, чтобы подавить бессознательное.

6 Art. aurif., II, p.265.

7 The dark Night of the Soul (Темная ночь души).

8 Ventura, "De ratione conficiendi lapidis", Theatr. chem., II, p.260. Й золоте имеется "quiddam essenziale Divinum" ("нечто от божественной сущности") ("Tractatus Aristotelis", Theatr. chem., V, p.892) "Natura est vis quaedam insita rebus... Deus est natura et natura Deus, a Deo oritur aliquid proximum ei" ("Природа есть некая прирожденная сила вещей... Бог есть Природа, и Природа есть Бог, и от Бога происходит нечто весьма близкое ему") - Penotus, "Quinquaginta septem canones", Theatr. chem., II, p. 153. Бог распознается в lnea in se reducta [к самой себе сводящаяся линия — (лат.) — Прим. перев.] золота. (Maier, De circulo physico quadrato, p. 16).

9 Hippolytus, Elenchos, VII, 26, 10.

10 Angelus Silesius, Cherublnischer Wandersmann, Book, IV, p. 194. "Дело, более всего любимое Богом и им желаемое// Таково: чтобы в тебе он мог породить сына" (Book II, p. 103.): "Где Бог склонил к тебе свой кроткий дух//. Там вечное дитя рождается внутри".

ОЧИЩЕНИЕ

Здесь падает небесная роса, дабы омыть

Загрязненное черное тело в могиле.

(Рис8)

483 Падающая роса служит предвосхищением божественного рождения, которое теперь уже близко. Ros Gedeonis ("роса Гедеоны")¹ - синоним aqua permanens, а следовательно, и Меркурия². Цитата из Сениора, приводимая в этом месте Rosarium, гласит:

"И вновь говорит Мария: "Но вода, о коей я сказала, -царь, сходящий с небес, и земля своею влагою принимает его, и удерживается небесная влага земной влагой, и земная вода чтит небесную, из-за рабства своего и из-за песка своего, и сходится вода с водой, [Алкия с Алкией], и отбеливается Альбира Астуной"3.

484 Побеление (albedo или dealbatio) уподобляется ortus solis, восходу солнца; это - свет, просветление, следующее за тьмой. Гермес говорит: "Azoth et ignis latonem abluunt et nigredinem ab eo auferunt" ("Азот и огонь очищают лато и удаляют черноту")4. Дух Меркурий спускается в своей небесной форме, в качестве sapientia и огня Святого Духа, чтобы очистить черноту. Текст продолжается так: "Dealbate latonem et libros rumpite, ne corda vestra rumpantur5. Haec est enim compositio omnium Sapientum et etiam tertia pars totius operis6./ Jungite ergo, ut dicitur in Turba, siccum humido: id est terram nigram cum aqua sua et coquite donee dealbatur. Sic habes aquam et terram per se et terram cum aqua dealbatam: ilia albedo dicitur aer" ("Отбелите лато и порвите книги, дабы не разорвались ваши сердца5. Ибо это состав мудрецов, третья часть всего opus6. Посему соедините, как сказано в Turba7, сухое с влажным, то есть черную землю с ее водой и отваривайте, пока она не побелеет. Так ты получишь воду и землю сами по себе, и землю отбеленную водой, белизна же эта именуется воздухом"). Чтобы читатель знал, что "вода" - не что иное, как aqua sapientiae, а роса, падающая с неба - божественный дар просветления и мудрости, далее приводится длинное рассуждение о мудрости, озаглавленное "Septimum Sapientiae Salomonis":

"Ее Соломон предпочел свету, и всякой красоте и здоровью; он считал несравнимой с нею ценность любого драгоценного камня. Ибо рядом с ней все золото должно цениться не более, чем песок, а серебро -не более, чем глина; и сие не без причины, ибо обрести ее — лучше, чем приобрести серебро и наичистейшее золото. И плоды ее более драгоценны, чем все богатства этого мира, и все предметы вожделения не сравнятся с нею. Долгожительство и здоровье - в ее правой руке, а в ее левой руке — слава и несметные богатства. Ее деяния прекрасны и достойны хвалы, а отнюдь не дурны или неприглядны; ее пути размеренны и неспешны , однако же, они сопряжены с упорным вседневным трудом. Она - дерево жизни для всех, овладевших ею, и немеркнущий свет для них. Благословенны будут те, кто сохранит ее, ибо знание Бога никогда не погибнет, по свидетельству Альфиция, говорящего: "Для нашедшего это знание, оно всегда пребудет его праведной пищей"9.

485 В этой связи мне хотелось бы подчеркнуть, что вода как символ мудрости и духа возводится еще к притче, рассказанной Христом самаритянке у колодца10. Применение данной притчи можно видеть в одной из проповедей кардинала Николая Кузанского, современника наших алхимиков: "В колодце Иакова есть вода, искомая и находимая талантами людей. Имя ей Философия, и отыскивается она многотрудным исследованием чувственно воспринимаемого мира. Но в слове Божьем, обитающем в глубинах живого колодца, то есть человеческой природы Христа, имеется источник, освежающий дух. Итак, заметим: есть у нас чувственный колодец Иакова, колодец разума и колодец мудрости. Из первого колодца, глубокого, имеющего животную природу, пьют и отец, и сыновья его, и скот; из второго, еще более глубокого, доходящего до самых границ природы, пьют одни лишь сыны людей, а именно те, чей разум пробужден, кого мы называем философами; из третьего, наиглубочайшего, пьют сыны Всевышнего, коих мы зовем богами и подлинными теологами. Христос в своем человеческом качестве может быть назван глубочайшим колодцем... В этом глубочайшем колодце находится источник мудрости, приносящей счастье и бессмертие... Живой колодец несет источник своей жизни жаждущим, зовет жаждущих к спасительным водам, дабы освежились они водой спасительной мудрости"11.

Другой пассаж той же проповеди гласит: "Кто испивает от духа, пьет из пузырящегося источника"12. В конце концов, Кузанец говорит: "Заметь, что разум дан нам вместе с силою интеллектуального семени; а потому, он содержит в себе начало источника, посредством коего порождает внутри себя воду разума. И сей источник не может порождать иную

воду, кроме воды собственной природы, то есть воды человеческого разума; так же как понимание принципа "любая вещь либо существует, либо не существует" дает метафизическую воду, из которой непрестанно вытекают другие потоки знания"¹³.

486 После всего сказанного более нет сомнения, что черная тьма смывается с помощью *aqua sapientiae* или "нашего знания", а именно Богом данного дара царственного искусства и знания, коим оно наделяет. Как мы видели, *mundificatio* (очищение) означает устранение всего излишнего, что всегда пристаёт к чисто естественным продуктам, в особенности - к символическим бессознательным содержаниям, которые алхимик обнаруживал спроецированными на материю. Следовательно, он действовал в согласии с правилом Кардана, гласящим, что задача интерпретации сновидения - свести его материал к наиболее общим его основам¹⁴. Делатель в своей лаборатории называл это извлечение души, мы же в своей психологической области назвали бы это "прорабатыванием" идеи, содержащейся в сновидении. Нам известно, что для него требуется необходимая предпосылка или гипотеза, определенная интеллектуальная структура, с помощью которой могли бы осуществляться "апперцепции". В случае с алхимиком, подобная предпосылка имела в готовом виде в *aqua* (*doctrinae*) или вдохновляемой Богом *sapientia*, приобрести которую он мог также и путем тщательного изучения "книг", алхимической классики. Отсюда - ссылка на книги, на данной стадии делания подлежащие уничтожению, "дабы не разорвались ваши сердца". Столь специфическое увещание надлено здесь глубоким значением, хотя с химической точки зрения оно необъяснимо. Вода омовения или *aqua sapientiae* в учениях и изречениях наставников определена как Дар святого духа, позволяющий философу постичь чудеса делания. Тот, поэтому, легко может поддаться искушению счесть философское знание наивысшим благом, - что и подтверждается цитатой из Кузанца. Психологический эквивалент подобной ситуации наблюдается, когда цель работы считается достигнутой, как только бессознательные содержания осознаны и теоретически оценены. И в том, и в другом случае было бы произволом определять "дух" как простую субстанцию мысли и интуиции. Верно, что обе дисциплины направлены на "духовную" цель: алхимик берется произвести новую, летучую (а потому воздушную или "духовную") сущность, обладающую *corpus*, *anima*, et *spiritus*, где *corpus* естественным образом понимается как "тонкое" тело или "тело дыхания"; аналитик старается создать определенную позицию или настрой - то есть своего рода "дух". Но поскольку тело, даже если его понимать как Тело славы, грубее, чем *anima* и *spiritus*, "остаток земли", пусть он и очень тонок, по необходимости тяготеет к земле¹⁵. Поэтому подход, который старался бы отдать должное и бессознательному и другим людям - нашим ближним, не может опираться на одно лишь знание, ибо знание складывается только из мышления и интуиции. При такой опоре недоставало бы функции восприятия ценностей, то есть чувства, а также функция реальности, то есть сенсорного восприятия реальности¹⁶.

487 Так, если книгам и даваемому ими знанию отводится исключительная ценность, неизбежно пострадает эмоциональная и аффективная жизнь. А потому следует отказаться от чисто интеллектуального подхода. "Роса Гедеона" служит знаком божественного вмешательства; она - влага, провозвещающая возвращение души.

488 Кажется, алхимики заметили опасность того, что делание и его реализация застрянут на одной из сознательных функций. Как следствие, они подчеркивают важность *theoria*, то есть интеллектуального понимания, в противопоставлении *practica*, состоящей из чисто химических опытов. Мы могли бы сказать, что *practica* соответствует чистой перцепции, которая должна дополняться апперцепцией. Но и эта вторая стадия не дает полного осуществления. Пока еще недостает сердца, или чувства, наделяющего постоянной ценностью нечто, понятое нами. Следовательно, книги должны быть "уничтожены" - иначе мысль повредит чувству и тем самым помешает возвращению души.

489 Подобные затруднения хорошо знакомы психотерапевту. Зачастую случается, что пациент вполне удовлетворен простой фиксацией сновидения или фантазии, - в особенности если он склонен к претензиям на эстетизм. Даже интеллектуальное понимание тогда будет вызывать у него противодействие, поскольку будет казаться оскорбительным

посягательством на его душевную жизнь. Другие пытаются достичь понимания с помощью одного лишь ума, стремясь перескочить через чисто практическую стадию. Осуществив такое понимание, они считают, что сделали все необходимое. То, что от них требуется еще и чувственное отношение к содержаниям бессознательного, кажется им странным и даже смешным. Как интеллектуальное понимание, так и эстетизм создают обманчивое, предательское ощущение освобождения, превосходства, легко разрушаемое вмешательством чувства. Чувство всегда привязывает к реальности, к значению символических содержаний, а они, в свою очередь, налагают на поведение этические требования, от которых эстетизм и интеллектуализм всегда с готовностью эмансипируются.

490 В связи с почти полным отсутствием психологической дифференциации во времена алхимии неудивительно, что в тогдашних трактатах можно встретить только намеки на изложенные выше соображения. Но намеки эти все же существуют, в чем мы уже могли удостовериться. С того времени дифференциация функций продвигалась семимильными шагами, и в результате они становились все более отделенными друг от друга. Как следствие, разум современного человека легко застревает на той или иной из функций, достигая лишь неполной реализации. Вряд ли есть необходимость уточнять, что это со временем ведет к невротической диссоциации. Ей мы обязаны дальнейшей дифференциацией индивидуальных функций и открытием бессознательного, однако все это - ценой психологических расстройств. Неполная самореализация объясняет многое из того, что озадачивает и в индивиде, и вообще в облике современности. Речь идет о вещах, обладающих решающим значением для психотерапевтов, в особенности для тех, кто до сих пор верит в достаточность интеллектуальной проницательности и рутинного понимания (или даже простого припоминания) для эффективного лечения. Алхимики считали, что опус требует не только лабораторной работы, чтения книг, терпения и размышления, но еще и любви.

491 Сегодня мы говорили бы об "аффективных ценностях" и об осознанной реализации посредством чувства. Нередко приходится вспомнить ошеломляющий опыт, пережитый Фаустом, когда тот оказался выбит из "мертвящей избитой колеи" лабораторного и философского труда открытием того, что "чувство есть все". Здесь мы уже можем разглядеть современного человека, дошедшего до того, чтобы строить свой мир, опираясь всего лишь на одну функцию, и немало гордящегося таким своим достижением. Средневековые философы определенно никогда не согласились бы с той идеей, что требования чувства открывают некий новый мир. Опасный в своей патологичности лозунг искусство ради искусства удивил бы их своей абсурдностью, ибо когда они созерцали тайны природы, для них ощущения, творчество, мышление, познание и хуство были единым целым. Их душевное состояние еще не расчленилось на такое число различных функций, что для каждой стадии процесса самореализации требовалось бы открывать в жизни новую главу. История Фауста показывает, насколько неестественно наше состояние: понадобилось вмешательство дьявола - предшественника Штайнаха¹⁷, чтобы превратить стареющего алхимика в молодого галантного кавалера и заставить его забыть себя ради только что открытых им слишком уж юношеских чувств! Именно такому риску подвергается современный человек: однажды он может проснуться и обнаружить, что упустил половину своей жизни.

492 Собственно говоря, сознательная реализация посредством чувства не является последней стадией. Не будет неуместным упомянуть здесь четвертую (хотя и не входящую в непосредственный материал данной главы) стадию, следующую за тремя уже рассмотренными - тем более поскольку в алхимии ей присущ весьма ярко выраженный символизм. Указанная четвертая стадия - предвосхищение lapis. Порождающая образы активность четвертой функции - интуиции, без которой нет никакой полноты реализации, - очевидным образом заметна в таком предвосхищении возможности, осуществление которой вообще никогда не станет объектом эмпирического наблюдения: уже в греческой алхимии в этой связи упоминается «камень, не являющийся камнем». Интуиция распространяет поле зрения вширь и вглубь; она справляет празднество в саду магических возможностей, как

если бы они были реальны. Нет ничего, более заряженного интуицией, чем *lapis philosophorum*. Это - краеугольный камень, завершающий делание и превращающий его в опыт целостности индивида. Подобный опыт совершенно чужд нашему веку, хотя ни один из предшествующих веков не нуждался в целостности так, как наш. Более чем очевидно, что здесь заключена главная проблема, с которой сталкивается искусство психотерапии в наши дни, - и как следствие мы теперь пытаемся смягчить нашу жесткую психологию разделенную на отсеки, прорубая двери, дабы сделать отсеки сообщающимися.

493 После вознесения души, когда тело оставлено во мраке смерти, начинается энантиодромия: *nigredo* уступает место *albedo*. Чернота, или бессознательное состояние, получившееся в результате соединения противоположностей, достигает надира, и наступают перемены. Падающая роса возвещает воскресение и новый свет: все более глубокое погружение в бессознательное внезапно преобразуется в просветление свыше. Ибо душа, удалившаяся в момент смерти, не была потеряна: в том, ином мире она образовала живой противовес состоянию смерти в мире сем. Ее появление свыше уже предуказано влагой росы. Эта роса сопричастна природе психе, родственно "холодный" и "охлаждать, одушевлять", с другой же стороны, роса синонимична *aqua permanens* или *aqua sapientiae*, в свою очередь означающей просветление посредством осознания значения. Предшествующее соединение противоположностей, как всегда, принесло свет из тьмы ночи, и при этом свете можно разглядеть реальное значение такого единения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ср.: Книга Судей. 6, 36 слл.

2 Ср. "Дух Меркурий", II, разд. 2

3 Art. aurif., II, pp.275f. Ср. Senior, *De chemia*, pp. 17-18: "Dixit iterum Maria: Aqua, quam iam memoravi. est rex de coelo descendens et terra cum humore suo suscepit eum et retinetur aqua coeli cum aqua terrae propter servitium suum et propter arenam suam honorat eam et congregatur aqua in aquam, Alkia in Alkiam et dealbatur Alkia cum Astuam". В арабском тексте "Астуа" называется также "Алкия", "al-kiyan" - "жизненное начало (Stapleton. *Three Arabic Treatises*, p.152). Алкия встречается в "*Liber Platonis quartorum*" (p. 152) в смысле "жизненного начала" или "либидо".

4 Азот — сокровенная субстанция (ср. Senior. *De chemia*. p.95). а лато — черное вещество, смесь меди, кадмия и орихалка (εχαίρον; см.: Du Cange, *Glossarium*).

5 Rosarium, p.277. Эта часто повторяемая цитата встречается в трактате Мориена ("*Sermo de transmutatione metallorum*". Art. aurif., II, pp.7ff.). очевидно, переведенном с арабского Робертом Шартрским в XII веке. Мориен приписывает ее забытому автору Эльбону Интерфектору. Она должна иметь весьма ранне происхождение, но вряд ли старше VIII века.

6 Намек на "Tab. smarag." : "Itaque vocatus sum Hermes Trismegistus habens tres partes philosophiae totius mundi" ("И потому я именуюсь Гермес Трисмегист, ибо содержу в себе три части философии всецелого мира").

7 Классическое сочинение арабского происхождения, переведенное на латынь между XI и XII веками. Цитата из Turba в Rosarium происходит из "Rosinus ad Sarratantam" Art. aurif., I. pp.284f. В Turba (ed.Ruska. p. 158) есть только: "Sipcum igitur humido miscete, quae sunt terra et aqua; ac igne et aere coquite, unde spiritus et anima desiccantur" ("Посему смешайте сухое с влажным, каковы суть земля и вода, и варите их в огне и воздухе, коими высушиваются дух и душа").

8 Намек на высказывание Мориена ("*De transmutatione metallorum*", Art. aurif., II, p.21): "...omnis festinatio [scil. festinantia] ex parte Diaboli est" (Всякая поспешность от дьявола). А потому, и в Rosarium, (p.352): "Ergo qui patientiam non habet ab opere manum suspendat. quia impedit eum ob festinantiam credulitas" (Следовательно, тот, у кого нет терпения пусть воздержится от делания, ибо если он поспешит, поспешность завлечет его в ловушку).

9 Rosarium, p.277. Идентично Aurora consurgens. I, Ch.I.

10 Иоанн. 4. 13-14: "... всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять; А кто будет пить воду, которую Я дам ему. тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему. сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную".

11 Koch. "Cusanus-Texte". p. 124: "In puteo Jacob est aqua, quae humano ingenio quaesita et reperta est. et potest significari quoad hoc philosophia humana. quae penetratione laboriosa sensibilibus quaeritur. In Verbo autem Dei. quod est in profundo vivi putei. scilicet humanitatis Christi, est fons refrigerans spiritum. Et ita notemus puteum sensibilem, Jacob, puteum rationalem, et puteum sapientialem. De primo puteo. qui est naturae animalis et altus. bibit pater, filii et pecora; de secundo. qui altior in horizonte naturae, bibunt filii hominum tantum. scilicet ratione vigentes, et philosophi vocantur; de tertio, qui altissimus, bibunt filii excelsi. qui dicuntur dii et sunt veri theologi. Christus secundum humanitatem puteus quidem dici potest altissimus... In illo profundissimo puteo est fons sapientiae. quae praestat felicitatem et immortalitatem... portat vivus puteus fontem suae vitae ad sitientes. vocat sitientes ad aquas salutes. ut aqua sapientiae salutaris reficiantur".

12 Ibid., p. 132: "Qui bibit spiritum. bibit fontem scaturientem".

13 Ibid., p. 134: "Adhuc nota. quod intellectus nobis datus est cum virtute seminis intellectualis; unde in se habet principium fontale. mediante quo in seipso general aquam intelligentiae, et fons ille non potest nisi aquam suae naturae producere, scilicet humanae intelligentiae. sicut intellectus principii, 'quodlibet est vel non est' producit aquas metaphysicales. ex quibus alia flumina scientiarum emanant indesinenter".

14 Cardan. Somniorum synesiorum: "Unumquodque somnium ad sua generalia deducendum est".

15 "... subilietur lapis, donec in ultimam subtilitatis puritatem deveniat et ultimo volatilis fiat" (Камень надлежит истончать, пока он не достигнет окончательной рафинированной чистоты и не станет летучим). - Rosarium, p.351. Или еще (ibid., p.285): "Sublimatio est duplex: Prima est remotio superfluitatis, ut remaneant partes purissimae a faecibus elementaribus segregatae sicque virtutem quintae essentiae possideant. Et haec sublimatio est corporum in spiritum reductio cum scilicet corporalis densitas transit in spiritus subtilitatem". (Есть двойная сублимация. Первая - удаление излишнего, с тем чтобы остались наичистейшие составные части, свободные от осадка элементов, а потому обладающие качествами квинтэссенции. Другая сублимация - сведение тел к духу, то есть преобразование телесной плотности в тонкий дух).

16 Ср. "Психологические типы", ч. II, определение 20 [Coll. Works edn., def 21] 35,47,53.

17 [Ойген Штайнах (1861-1944), австрийский физиолог, проводивший опыты по омоложению с помощью вживления желез животных. - Прим. изд.]

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДУШИ

*Здесь душа нисходит свыше,
Дабы оживить мертвое тело,
очищавшееся нашими стараниями.
[Рис.9]*

494 Здесь душа как примиряющее начало спускается с небес, чтобы вдохнуть жизнь в мертвое тело. Две птицы слева внизу на рисунке представляют аллегорических крылатого и бескрылого драконов в форме оперенной и неоперенной птиц¹. Таков один из многочисленных синонимов Меркурия - одновременно и хтонического, и духовного существа. Присутствие этой пары разделенных противоположностей означает, что, хотя гермафродит и выглядит объединенным и готовым ожить, конфликт между ними далек от окончательного разрешения; он не исчез, но сместился "влево" и "вниз" на рисунке, то есть он изгнан в сферу бессознательного. Такое предположение подтверждается фактом

териоморфного (а не антропоморфного, как прежде) изображения этих все еще не интегрированных противоположностей.

495 Текст Rosarium продолжается цитатой из Мориена: "Не презирай пепел, ибо он - диадема твоего сердца". Пепел - инертный продукт сжигания - указывает на мертвое тело, и приведенное выше увещание устанавливает своеобразное взаимоотношение между телом и сердцем, в те времена считавшимся реальным местоположением души². Диадема, конечно, указывает на высочайший царственный убор. Коронация играет в алхимии определенную роль - в Rosarium, например, имеется рисунок³, изображающий коронование Марии и обозначающий прославление чистого, луноподобного (очищенного) тела. Далее текст продолжается следующей цитатой из Сениора: "О белой тинктуре: Если мои возлюбленные вкусят жизни, напитаются чистым молоком и напьются моей белой субстанции, и возьмут друг с другом на моем ложе, то породят они сына Луны, который превзойдет всех своих родичей. И если мой возлюбленный выпьет из красного камня могилы, и вкусит в совокуплении от материнского источника, и напьется со мной моего красного вина и возляжет со мной дружественно на ложе моем, то я, любя его и приняв его семя в себя, зачну и понесу и, когда настанет мое время, рожу могущественнейшего сына, который станет править надо всеми царями и князьями земли, будучи коронован золотой победной короной всевышним Богом, живущим и царствующим вовеки веков"⁴. 496 Изображение коронации, иллюстрирующее этот текст⁵, показывает, что оживление очищенного тела одновременно представляет собой прославление, поскольку данный процесс уподобляется коронованию Девы⁶. Аллегорический язык церкви служит поддержкой такому сравнению. Связь Богородицы с луной⁷, водой и источниками настолько хорошо известна, что мне незачем специально приводить ее подтверждения. Но, хотя коронуется здесь Дева, в тексте Сениора "победную корону" получает сын - что вполне уместно, поскольку он - *films regius*, заменяющий своего отца. В Аугора корона вручается царице юга, Мудрости, которая говорит своему возлюбленному: "Я - та корона, которой коронуется мой возлюбленный", то есть корона служит связью между матерью и ее сыном-любовником⁸. В одном из более поздних текстов⁹ горькая вода определяется в качестве "коронованной светом". В те времена все еще считалась верной этимология Исидора Севильского: море от горького, подтверждающая синонимичность моря и *aqua permanens*. Здесь также присутствует намек на символику Марии, связанную с водой, "источник"¹⁰. Мы вновь и вновь замечаем, что алхимик в поисках своих символов следует процедурам бессознательного: каждая идея получает как позитивное, так и негативное выражение. Иногда алхимик говорит о царственной паре, иногда - о кобеле и суке; также и символизм воды выражен в резких контрастах. Можно прочесть скажем, что царственная диадема появляется "*in men-struo meretricis*" ("в месячных шлюхи")¹², либо даются такого рода инструкции: "Возьми грязный осадок [*faeces*], остающийся в сосуде для отжига, и сохрани его, ибо он есть корона сердца". Осадок соответствует мертвому телу в саркофаге, саркофаг же, в свою очередь, соответствует фонтану Меркурия или *vas hermeticum*.

497 Душа, спускающаяся с небес, идентична росе, божественная вода которая, как поясняет Сениор, цитируя Марию, и есть царь спускающийся с небес¹³. А потому эта вода сама получает корону и образует "диадему сердца"¹⁴ в явном противоречии с предыдущим утверждением о том, что пепел и есть диадема. Трудно сказать - то ли в умах алхимиков царила такая неразбериха, что они не замечали подобных вопиющих противоречий, то ли их парадоксы были в высшей степени намеренными. Подозреваю, что было понемногу и того, и другого, так что невежды, глупцы пупицы, должны были понять их тексты буквально и запутаться в сумбуре аналогий, тогда как более проницательный читатель, осознав необходимость символизма, виртуозно разобрался бы в нем без каких-либо затруднений. Интеллектуальная ответственность, кажется, всегда была слабым местом алхимиков; впрочем, среди них имелись немногие, достаточно открыто сообщавшие, как именно следует

относиться к их специфическому языку¹⁵. Чем меньшее почтение к согбенным в тяжких трудах плечам читателя они проявляли, тем больше был их вольный или же невольный долг перед бессознательным: ибо не что иное, как бесконечное разнообразие образов и парадоксов, указывает на психологический факт первостепенной важности - на неопределенность архетипа, с его множеством значений, каждое из которых показывает нам разные грани простой, единой истины. Алхимики были настолько погружены в свой внутренний опыт, что их единственной работой было -изобрести подходящие образы, независимо от того, понятны они или нет. И хотя в этом отношении они отстали от своего времени, ими тем не менее выполнена неоценимая работа конструирования феноменологии бессознательного еще задолго до появления психологии. Мы, как наследники этих богатств, не можем с легкостью насладиться ими. Все же нас утешает то соображение, что старые мастера также не понимали друг друга, либо понимали лишь с трудом. Так, автор *Rosarium* говорит, что "древние философы писали настолько же темно и путано, так что сбивали с толку читателя или вовсе уводили его в сторону. Что касается его самого, он собирается сделать наиболее истинный опыт, ясным для глаз всех, и раскрыть его "надежнейшим, наиболее подобающим человеку образом", а затем начинает писать в точности как и все до него. Да это и было неизбежным, поскольку алхимики на самом деле не знали, о чем они пишут. Знаем ли мы это сегодня - я также не скажу с полной уверенностью. Во всяком случае, мы теперь уже не считаем, что секрет заключен в химических веществах, а полагаем, что его следует искать в одном из темных и глубоких слоев психе, хотя и не знаем природы этого слоя. Может быть, в следующем столетии мы откроем новую тьму, из которой вынырнет нечто, чего мы также не понимаем, но присутствие чего ощущаем с полной уверенностью.

498 Алхимик не видел противоречия в том, чтобы сравнивать диадему, с "грязным осадком" и далее на одном дыхании утверждать ее небесное происхождение. Он следует правилу, изложенному в "*Tabula Smaragdina*": "*Quod est inferius, est sicut quod est superius. Et quod est superius, est sicut quod est inferius*"¹⁶ (То, что внизу, подобно тому, что наверху. И то, что наверху подобно тому, что внизу). Его способность к сознательным разграничениям была не настолько острой, как у современного человека; да и своим современникам с их схоластическим мышлением он в ней очевидным образом проигрывал. Такая явная регрессия не может объясняться какой-то умственной отсталостью алхимика; дело скорее в том, что основной его интерес сфокусирован на бессознательном как таковом, а вовсе не на возможностях разделений и формулировок, характерных для точного концептуального мышления схоластов. Он бывает удовлетворен, если находит выражения, свежими красками обрисовывающие искомый секрет. Как эти выражения соотносятся друг с другом, как они различаются между собой - все это для него менее всего значимо, ибо он не предполагает, что кто-нибудь сможет постичь искусство на основании его идей, но зато рассчитывает, что те, кто приближается к искусству, уже зачарованы его тайной и либо направляемы надежной интуицией, либо избраны и предназначены к тому Богом. Так, *Rosarium*⁷ утверждает, цитируя Хортулана¹⁸: Только тот, кто знает, как получить философский камень, может понять их слова о нем. Тьма символизма рассеивается перед взглядом просветленного философа. И снова, Хортулан говорит: (Таинственность речей философов ничего не значит там, где проявляет свое действие учение Святого Духа)¹⁹.

499 Неспособность алхимика различать *corpus* и *spiritus* в нашем случае поддерживается предположением, что благодаря предшествующему *mortificatio* и *sublimatio* тело приобрело духовную форму "квинтэссенции" и, следовательно, в качестве *corpus mundum* (чистой субстанции) не слишком отличается от духа. Оно может служить приютом духа или даже притягивать дух к себе²⁰. Все эти идеи заставляют нас прийти к выводу, что не только *coniunctio*, но и возвращение души в "тело" представляет собой происходящее целиком вне мира событие, процесс, протекающий в психическом не-эго. Так можно объяснить, почему данный процесс настолько легко проецируется; ибо если бы он обладал личностной природой, его подверженность проекциям значительно уменьшилась бы,

поскольку тогда он мог бы быть осознан без особого труда. Во всяком случае, способность к его проецированию была бы недостаточной для того, чтобы спроецировать его на неодушевленную материю, являющуюся полярной противоположностью живой психе. Опыт показывает, что носителем проекции бывает не любой объект, но всегда лишь тот, который оказался адекватным природе проецируемого содержания - то есть объект должен предоставить содержанию тот "крюк", на котором можно его подвесить²¹.

500 Хотя данный процесс в сущности трансцендентален, проекция возвращает его вниз, к реальности, оказывая резкое воздействие на сознание и личностную психе. Результатом оказывается инфляция, и тогда становится ясно, что *coniunctio* - священный брак богов, а не просто любовное приключение смертных. Утонченный намек на это содержится в Химической свадьбе, где Розенкрейц - герой драмы - является всего лишь гостем на пиру и, невзирая на запрет, прокрадывается в спальню Венеры, чтобы там восторженно созерцать обнаженную красоту спящей. В наказание за вторжение, Купидон ранит его в руку своей стрелой²². На его собственную, личную связь с царственной свадьбой указание дается вскользь, в самом конце: царь, намекая на Розенкрейца, говорит, что тот (Розенкрейц) был его отцом²³. Андрее - автор "Свадьбы" - должно быть, человек неглупый, поскольку в этом месте он пытается выпутаться из ситуации с помощью шутки. Он ясно намекает, что и сам является отцом своих персонажей, заставляя царя подтвердить это. Предлагаемая по собственному почину информация об отцовстве в связи с таким "ребенком" представляет собой обычную попытку художника поддержать престиж своего эго в противостоянии подозрениям на то, что он - жертва творческого порыва, бьющего ключом из бессознательного. Гете и со вдвое меньшей легкостью все равно не смог бы высвободиться из объятий "Фауста" - своего "главного дела". (Люди меньшего масштаба, соответственно, испытывают большую потребность в величии, а потому им приходится заставлять других быть о них более высокого мнения). Андрее был так же зачарован секретом искусства, как и любой алхимик; доказательством этого служат предпринимавшиеся им серьезные попытки основать Орден Розенкрейцеров, занять же в позднейшие годы более дистанцированную позицию ему пришлось в основном из соображений удобства, учитывая его духовный сан²⁴.

501 Если существует нечто такое, как бессознательное, не являющееся личностным, - то есть не состоящее из индивидуально приобретенных содержаний, будь то забытых, подсознательно усвоенных, либо подавленных - то должны существовать и процессы, протекающие в этом не-эго, спонтанные архетипические события, которые сознание способно лишь воспринимать в спроецированном виде. Они неимоверно странны и неведомы, но все же кажется, что мы их знаем с незапамятных времен; они также - источник примечательной зачаровывающей силы, одновременно ослепляющей и просветляющей. Они влекут нас, как магнит, но в то же время и пугают; их проявления присутствуют в фантазиях, сновидениях, галлюцинациях и некоторых видах религиозного экстаза²⁵. Один из таких архетипов - *coniunctio*. Всепоглощающая сила архетипа объясняет не только широкую распространенность этого мотива, но и ту силу страсти, с которой он завладевает индивидом, часто наперекор всякому разумному пониманию. В число *peripeteia coniunctio* входят и процессы, иллюстрируемые несколькими завершающими рисунками. На них изображаются отдаленные последствия слияния противоположностей, включивших и осознание личностью такого соединения. Экстремальным последствием этого является растворение эго в бессознательном - состояние, напоминающее смерть. Оно возникает в результате более или менее полной идентификации эго с бессознательными факторами, или "контаминации", как мы сказали бы. Алхимики ощущали ее как *immunditia*, "загрязнение". Они видели в ней осквернение чего-то трансцендентного грубым, непрозрачным телом, из-за этого подлежащим сублимации. Однако, психологически говоря, тело является выражением нашего индивидуального, сознательного сосуществования, которое - как мы в таких случаях ощущаем - подвергается опасности затопления или отравления бессознательным. Поэтому мы стараемся отделить эго-сознание от бессознательного, высвободить первое из опасных объятий второго. Все же, хотя власть бессознательного вызывает страх как нечто зловещее,

это ощущение лишь частично оправдывается фактами, ибо мы также знаем, что бессознательное способно оказывать благотворное действие. Какого рода действие оно окажет, в большой мере зависит от позиции сознания.

502 Таким образом, *mundificatio* - очищение - представляет собой попытку разделить смесь, рассортировать *coincidentia oppositorum*, в которую попал индивид. Чтобы жить в этом мире, рациональный человек должен проводить различие между "собой" и тем, что мы могли бы назвать "вечным человеком". Хотя он - уникальная индивидуальность, он также является представителем "человека" как вида, таким образом участвуя во всех движениях коллективного бессознательного. Иными словами, "вечные" истины превращаются в опасные факторы беспокойства, когда они начинают подавлять уникальное эго индивида и жить за его счет. Если наша психология вынуждена, в связи с особой природой своего эмпирического материала, подчеркивать важность бессознательного, это никоим образом не уменьшает важности эго-сознания. Разве что односторонняя переоценка последнего подлежит корректировке с помощью определенной релятивизации ценностей. Однако эта релятивизация не должна заходить так далеко, что эго оказывалось бы полностью замороженным и подавленным архетипическими истинами. Эго живет в пространстве и времени и вынуждено применяться к их законам, если вообще хочет существовать. Если же оно поглощается бессознательным до такой степени, что последнее одно только и имеет силу принимать решения, тогда эго оказывается удушенным, и нет более среды, в которую бессознательное могло бы интегрироваться и где могла бы идти работа осознания. Следовательно, жизненно важно отличать эмпирическое эго от "вечного" и универсального человека, в особенности сегодня, когда массовое вырождение личности движется столь угрожающими темпами. Вырождение масс идет не только извне, оно приходит также изнутри, из коллективного бессознательного. Против внешней угрозы защиту давали права человека, в настоящее время потерянные для большей части Европы²⁶; и даже там, где они еще не утрачены, мы видим немало политических партий, столь же наивных, сколь и влиятельных, которые делают все для их уничтожения в пользу государства рабов, в качестве приманки используя социальную безопасность. Против демонизма, идущего изнутри, Церковь дает кое-какую защиту, пока обладает авторитетом. Однако защита и безопасность ценны лишь тогда, когда они не слишком стесняют наше существование; точно так же, верховенство сознания целительно, только если оно не подавляет и не оттесняет чересчур большую часть нашей жизни. Как всегда, жизнь представляет собой путь между Сциллой и Харибдой.

503 Процесс дифференцирования эго от бессознательного²⁷, таким образом, имеет своим эквивалентом *mundificatio*, и как оно является необходимым условием возвращения души в тело, так же и тело необходимо, дабы бессознательное не оказало негативного воздействия на эго-сознание, ибо именно тело задает границы личности. Бессознательное может быть интегрировано, только если эго удерживает свою территорию. Следовательно, старания алхимика соединить *corpus mundum*, очищенное тело, с душой - это также и старания психолога, прилагаемые им после того, как он преуспел в высвобождении эго-сознания из контаминации с бессознательным. В алхимии очищение - результат многократной дистилляции; в психологии оно также возникает на основе в равной мере полного отделения обычной эго-личности от всех инфляционных примесей бессознательного материала. Подобная задача предполагает тщательнейшее самонаблюдение и самообразование, которые, однако, могут быть переданы другим, тем, кто уже обладает самодисциплиной. Процесс психологической дифференциации представляет собой нелегкое дело; для него требуются упорство и терпение алхимика, который должен очистить тело от всего избыточного в жарчайшем огне печи и преследовать Меркурия "из одной брачной спальни в другую". Как показывает алхимический символизм, радикальное понимание такого рода невозможно без участия партнера - человека. Обобщенный, чисто академический "проницательный взгляд на собственные ошибки" носит интеллектуальный характер, поскольку ошибки в таком случае вообще не видны: видны лишь представления о них.

Однако они резко проявляют себя, когда человеческие отношения выводят их на передний план, и когда их замечает не только сам человек, но и кто-то другой. Тогда и только тогда их можно реально ощутить и распознать подлинную природу. Подобным образом, признания, обращенные к своему внутреннему "я", обычно малоэффективны, тогда как признания, сделанные перед лицом другого, гораздо более многообещающи.

504 "Душа", воссоединяющаяся с телом, есть Единое, родившееся из двух, *vinculum*, общее им обоим²⁸. В ней, поэтому, заключается самая сущность отношения. Психологическая анима, как представительница коллективного бессознательного, в равной мере наделена коллективным характером. Коллективное бессознательное является универсальной данностью, и его манифестации всегда вызывают бессознательное отождествление, *participation! mystique*. Если сознание личности захвачено им и не оказывает сопротивления, отношения персонифицируются анимой (например, в сновидениях), которая тогда, выступая более или менее автономной частью личности, производит обычно беспокоящее воздействие. Если же в результате долгого кропотливого анализа удалось, устранив проекции, отделить эго от бессознательного, анима постепенно перестанет вести себя как автономная личность и превратится в функцию отношения между сознанием и бессознательным. Пока она проецируется, ее присутствие ведет ко всякого рода иллюзиям по поводу людей и предметов, а потому - к бесконечным усложнениям. Устранение проекций делает аниму тем, чем она и была первоначально: архетипическим образом, который, находясь на своем подобающем месте, функционирует, принося пользу индивиду. Будучи помещенной между эго и миром, она уподобляется в своих действиях вечно меняющейся Шакти, плетущей покрывало Майи и в танце создающей иллюзию существования. Но, выполняя свою функцию между сознанием и бессознательным анима, становится матрицей порождения всех божественных и полубожественных фигур, от языческой богини до Девы, от вестника Святого Грааля до святого²⁹. Бессознательная анима представляет собой существо, лишенное взаимоотношений, автоэротическую сущность, чья единственная цель - полностью завладеть индивидом. Когда это случается с мужчиной, он становится странным образом женственным - в худшем смысле, то есть склонным к неконтрольным перепадам настроения, со временем ведущим к ухудшению действия даже тех функций, на которые раньше можно было полагаться (например, интеллекта), и к появлению идей и представлений того сорта, который обычно так неприятен нам в женщинах, одержимых анимусом³⁰. !Ю5 Здесь я должен сказать, что к женской психологии следует применять совсем другие правила, поскольку в ее случае мы имеем дело не с функцией отношения, но напротив, с функцией различения, а именно - анимусом. Алхимия, как разновидность философии, была в основном мужским занятием, вследствие чего ее формулировки в большинстве случаев носят маскулинный характер. Однако не следует упускать из виду тот факт, что женский элемент в алхимии не так уж незначителен, поскольку даже во времена ее зарождения в Александрии встречаем аутентичные свидетельства о женщинах-философах, таких как Теосебейя³¹, *soror mystica* Зосимы, а также Пафнутия и Мария Пророчица. Из более позднего времени нам известна пара алхимиков - Николя Фламель и его жена Перонель. Немая книга в 1677 г. рассказывает о муже и жене, вместе совершавших *opus*³²; наконец, в XIX веке встречаем пару английских алхимиков - Томаса Саута и его дочь, позднее ставшую миссис Этвуд. Потратив много лет на изучение алхимии, они решили изложить свои идеи и свой опыт в форме книги. Для этой цели они разделились, и отец работал в одной части дома, тогда как дочь - в другой. Она сочинила толстый ученый том, он же писал стихами. Она закончила работу первой и быстро отослала книгу издателю. Книга едва успела выйти из печати, как отец засомневался, не выдали ли они с дочерью великую тайну. Ему удалось убедить дочь изъять и уничтожить книгу. Тому же настроению он принес в жертву и свой собственный поэтический труд. Лишь несколько строк его стихов сохранились в книге его дочери, пытаться изъять все экземпляры которой оказалось уже поздно. Подготовленное после смерти дочери в 1910 г. переиздание³³ вышло в 1918 г. Я читал эту книгу: никакие секреты в ней не разглашаются. Она представляет собой целиком

средневековый образчик продукции, украшенной якобы теософскими разъяснениями, служащими приправой в духе синкретизма нового времени.

506 Примечательные сведения о роли женской психологии в алхимии дает нам письмо английского теолога и алхимика Джона Порреджа³⁴, обращенное к его *soror mystica* Джейн Лид. В письме³⁵ он излагает для нее духовные наставления, связанные с *opus*:

507 "Эта священная печь, эта *Balneum Mariae*", эта стеклянная чаша, эта тайная печь и есть то место, та матрица или матка, тот центр, из коего истекает божественная Тинктура, как из своего истока и начала. О месте или обиталище, где находится дом Тинктуры и ее жилище, мне незачем напоминать тебе или называть его наименование; я лишь увещаю тебя постучаться у его основания. Соломон сообщает нам в своей Песни Песней, что внутреннее обиталище его недалеко от пупка, напоминающего круглый кубок, наполненный священной жидкостью чистой Тинктуры³⁶. Тебе известен огонь философов, бывший тем ключом, который они хранили спрятанным... Огонь - это любовное пламя, жизнь, истекающая от Божественной Венеры, или Божья Любовь; огонь Марса слишком холеричен, слишком резок, слишком силен, так что он может высушить и сжечь материю, поэтому один лишь любовный огонь Венеры имеет качества надлежащего огня.

508 Эта истинная философия научит тебя, как тебе познать себя, и если познаешь себя верно, то узнаешь и чистую природу; ибо чистая природа находится в тебе. И когда познаешь чистую природу, каковая есть твоя подлинная самость, освобожденная от всякой дурной, греховной самовлюбленности, тогда ты познаешь также и Бога, ибо Божество сокрыто в оболочке чистой природы, как ядро в орехе... Истинная философия научит тебя, кто отец и кто мать этого магического ребенка... Отец этого ребенка - Марс, он - огненная жизнь, исходящая от Марса как отцовского качества. Его мать - Венера, нежный любовный огонь, исходящий от сыновнего качества. И теперь здесь в качествах и формах природы ты видишь мужское и женское, мужа и жену, невесту и жениха, первый брак или свадьбу в Галилее, управляемую между Марсом и Венерой, когда они возвращаются из своего падения. Марс, или муж, должен стать божественным человеком, иначе Венера не возьмет его в супруги и не впустит на священное брачное ложе. Венера должна стать чистой девой, девственной женой, иначе гневливый и ревнивый Марс в своем гневе не женится на ней и не станет жить в союзе с ней, но вместо согласия и гармонии не будет ничего, кроме борьбы, ревности, раздора и вражды качеств природы.

509 Соответственно, если ты желаешь стать ученым мастером, по-серьезному заботясь о союзе твоих собственных Марса и Венеры, о том, чтобы свадебный узел был верно завязан и брак между ними был заключен истинно и правдиво. Следи за тем, чтобы они возлегли вместе на ложе своего соединения и жили в сладостной гармонии; тогда дева Венера родит свою жемчужину, своего духа воды в тебе, чтобы смягчить огненного духа Марса, и гневный огонь Марса добровольно, в нежности и любви, погрузится в любовный огонь Венеры, и так оба такие качества, как огонь и вода, смешаются и согласуются, и перетекут друг в друга; и от их согласия и соединения произойдет первое зачатие для магического рождения, которое мы именуем Тинктурой - Тинктурой любовного пламени. Но хотя Тинктура зачинается в утробе твоего человеческого естества и пробуждается к жизни, имеется великая опасность, которой следует остерегаться; ибо находясь еще внутри тела или утробы, она может быть погублена небрежением, прежде чем в должное время явится на свет. По таковой причине, тебе следует подыскать хорошую няньку, которая проследит за ней в ее детстве и надлежащим образом приглядит, таковы должны быть твое чистое сердце и твоя девственная воля...

510 Это дитя, эта жизнь тинктуры должна подвергнуться пробам и испытаниям сообразно качествам природы; также и здесь возникнет беспокойство из-за опасности, когда увидишь, что дитя должно пострадать от искушений в теле, в утробе, и что рождение его может не состояться. Ибо деликатная Тинктура, это нежное дитя жизни, должна спуститься в формы и качества природы, дабы пострадать, подвергнуться искушению и преодолеть его; она неизбежно должна спуститься в Божественную Тьму, во мрак Сатурна, где не видно

никакого света жизни; там она должна побывать пленницей, быть связанной цепями тьмы и питаться той пищей, что ей дает жгучий Меркурий; для Божественной Тинктуры эта пища - ничто, прах и пепел, яд и желчь, огонь и сера. Она должна попасть внутрь жестокого гневного Марса, каковой поглощает ее (подобно тому как Иона оказался во чреве кита), и должна испытать проклятье Божьего гнева; она также должна подвергнуться искушению Люцифера и миллиона дьяволов, живущих в качестве гневного огня. И тут божественный мастер в ходе своего философского делания увидит первый цвет, когда Тинктура появляется в своей черноте, чернее черного; ученые философы называют ее своей черной вороной, или своим черным вороном, или же своей благостной и благословенной чернотой; ибо во тьме этой черноты сокрыт светильник из светильников, в качестве Сатурна; и в этих яде и желчи сокрыто, в Меркурии, драгоценнейшее лекарство против яда, а именно - жизнь жизни. И благословенная Тинктура скрыта в бешенстве, гнев и проклятии Марса.

511 И вот, мастеру кажется, что труд его потерян. Что стало с Тинктурой? Нет здесь ничего, что было бы явным, воспринимаемым, распознаваемым, имело бы вкус; есть только тьма, мучительнейшая смерть, устрашающий адский огонь и ничего, кроме гнева и Божьего проклятия; но он еще не видит, что Тинктура Жизни присутствует в этом разложении, распаде или разрушении, что в этой тьме есть свет, в этой смерти есть жизнь, в этом свирепом гнев есть любовь, и в этом яде есть высочайшая, драгоценнейшая Тинктура и лекарство против всех ядов и болезней.

512 Давние философы называли это делание или работу своим спуском вниз, своим испепелением, своим распылением, своей смертью, своим разложением *materia* камня, своим распадом, своим мертвая голова. И ты не презирай эту черноту, или черный цвет, но упорствуй, пребывая в нем, в страдании и в молчании, покуда не пройдут его сорок дней искушения, не исполнится число дней несчастья и не пробудится к жизни зерно жизни, и восстанет, вознесется и прославится, преобразится в белизну, очистит и освятит себя, придаст себе красноту, иными словами - преобразует и установит свою форму. Когда делание будет так далеко продвинуто, оно станет легким: ибо ученые философы говорили, что получение камня тогда уже доступно даже женщинам и детям. Следовательно, если человеческая воля брошена и оставлена, и стала терпеливой и спокойной, как бы мертвой, - Тинктура все осуществит "в нас и для нас, если только мы сможем удержать в покое наши мысли, движения, чувства и воображение или сможем остановиться и успокоиться. Однако каким трудным, тягостным и горьким кажется это делание человеческой воле, прежде чем она не будет приведена к такой форме, чтобы оставаться спокойной, пусть даже у нее на виду бушует огонь и ее осаждают всевозможные искушения!

513 Как видишь, здесь таится великая опасность, и Тинктура жизни легко может быть испорчена, и плод может быть погублен еще во чреве, где его так окружают со всех сторон и атакуют столь многие дьяволы и столь многие сущности его искушающие. Но если он сможет противостоять и преодолеть огненное испытание и болезненное искушение и завоюет победу, то ты увидишь начало его возрождения из ада, смерти и смертной могилы, и появление - прежде всего в качестве Венеры; а затем, Тинктура жизни со всей мощью вырвется из тюрьмы темного Сатурна и прорвется сквозь ад ядовитого Меркурия и сквозь проклятье и ужасную гибельность Божьего гнева, пламенеющего и жгущего в Марсе, и мягкий любовный огонь качества Венеры возьмет верх, и предпочтение в управлении будет отдано Тинктуре любовного пламени, каковая обретет верховенство. И тогда мягкость Божественной Венеры и ее любовный огонь станут править по-царски надо всеми прочими качествами.

514 Тем не менее, есть и еще одна опасность того, что делание камня сорвется. Посему, мастер должен ждать, покуда не увидит, что Тинктура покрылась сверху другим цветом, а именно - белейшим белым, появления коего он может ожидать в покое и долготерпении; этот цвет появляется доподлинно тогда, когда Тинктура совершает восхождение в лунном качестве: сиятельная Луна передает Тинктуре прекрасную белизну - совершеннейший белый цвет и сверкающий блеск. И так тьма превращается в свет, а смерть в жизнь. И эта сияющая

белизна пробуждает радость и надежду в сердце мастера, поскольку делание совершенно столь удачно и завершилось счастливо. Ибо теперь белый цвет открывает перед просветленным взором души чистоту, невинность, святость, простоту, небесный ум и праведность; отныне в них слой за слоем облачилась Тинктура, как в одеяния. Она светла, как луна, и прекрасна, как рассвет. Теперь божественная девственность жизни тинктуры излучает свет и на ней не видно ни пятнышка, ни складки, ни каких-либо иных изъянов.

515 Мастера прежних времен имели обыкновение называть это делание своим лебедем, своим побелением или деланием белого, своей сублимацией, своей дистилляцией, своей циркуляцией, своим очищением, своим разделением, своим освящением и своим воскрешением, поскольку Тинктура делается белой, как блестящее серебро. Она сублимируется, или возносится и преобразуется, благодаря многим своим схождениям в Сатурн, Меркурий и Марс, а также многим своим восхождениям в Венеру и Луну. Это - дистилляция, *Balneum Mariae*: ибо Тинктура очищается в качествах природы посредством многих дистилляций воды, крови и небесной росы Божественной Девы Софии и посредством разнонаправленного циркулирования внутрь и вовне форм и качеств природы делается белой и чистой, как отполированное до блеска серебро. И вся нечистота черноты, вся смерть, ад, проклятие, гнев и весь яд, возникающие из качеств Сатурна, Меркурия и Марса, отделяются и удаляются; посему они и называют это своим разделением, а когда Тинктура достигает белизны и блеска в Венере и Луне, они именуют это своим освящением, своим очищением и деланием белого. Они называют это своим воскрешением, поскольку белое возникает из черного, а божественные девственность и чистота - из яда Меркурия, из красного огненного бешенства и гнева Марса...

516 Теперь камень обрел форму, эликсир жизни готов, любовное дитя, или дитя любви, родилось, новое рождение свершилось и делание сделалось целостным и совершенным. Прощайте, падение, ад, проклятие, смерть, дракон, зверь, змея! Покойной ночи вам, смертность, страх, горе и несчастья! Ибо теперь спасение, искупление и обретение вновь всего, что было утрачено, явят себя вовнутрь и вовне, так как теперь ты обладаешь великим секретом и тайной всего мира; ты располагаешь Жемчужиной Любви; у тебя есть неизменная вечная сущность Божественного. От этой радости исходят все целительные свойства и многообразные силы, от нее в своем действии исходит действенная сила Святого Духа. Ты имеешь семя жены, наступившей на голову змее. Ты имеешь семя девы и кровь девы в единых сущности и качестве.

517 О чудо из чудес! Ты обладаешь Тинктурой тинктур, жемчужиной девы, имеющей три сущности или качества в одном; она имеет тело, душу и дух, она имеет огонь, свет и радость, имеет качество Отца и качество Сына, и также качество Святого Духа - даже эти три она заключает в едином, постоянном и вечном бытии и сущности. Это - Сын Девы, это - ее первородный, это - благородный герой, попирающий змея, бросающий дракона себе под ноги и топчущий его... Ибо сейчас Райский Человек стал ясен, как прозрачное стекло, в котором и сквозь которое светит Божественное солнце, подобно золоту, целиком чистому, яркому, светлому и лишенному изъянов и пятен. Душа отныне стала субстанциальнейшим серафическим ангелом, она способна сделаться врачом, теологом, астрологом, божественным магом, может делаться чем угодно, делать и получать все, что пожелает; ибо все качества наделены единой волей в согласии и гармонии. И та же единая воля есть воля Божья, вечная и нерушимая; и отныне Божественный Человек в своей собственной природе стал един с Богом³⁷.

518 Этот похожий на гимн миф о любви, деве, матери и младенце звучит крайне женственно, но на самом деле представляет собой архетипическую концепцию, проистекающую из мужского бессознательного, где Дева София соответствует аниме (в психологическом смысле)³⁸. Как показывает ее символизм и не слишком четкое разграничение между нею и сыном, она также - "райское" или "божественное" существо, то есть самость. Тот факт, что эти идеи и фигуры для Пордеджа были все еще мистическими, более или менее недифференцированными, объясняется эмоциональной природой опыта,

описываемого им же самим³⁹. Опыт такого рода оставляет мало места для критического понимания. Он, однако, проливает свет на процессы, кроющиеся за алхимическим символизмом, и прокладывает путь открытиям современной медицинской психологии. К сожалению, мы не располагаем оригинальными трактатами, которые сколько-нибудь уверенно можно было бы приписать автору-женщине. Следовательно, мы не знаем, какого рода алхимическую символику произвели бы на свет женские взгляды. Тем не менее, современная медицинская практика говорит о том, что женское бессознательное порождает символизм, в общих чертах компенсаторный по отношению к мужскому. В данном случае (если воспользоваться терминологией Пордеджа) лейтмотивами были бы не нежная Венера, а огненный Марс, не София, а Геката, Деметра и Персефона, либо матриархальная Кали южной Индии в своих светлом и темном аспектах⁴⁰.

519 В этой связи мне хотелось бы привлечь внимание к странным изображениям философского древа в Codex Ashburnham XVI века⁴¹. Один рисунок изображает Адамаа, пораженного стрелой⁴², причем из его гениталий прорастает дерево; на другом рисунке дерево растет из головы Евы. Ее правая рука прикрывает гениталии, левая же указывает на череп. Очевидно - это намек на то, что *opus* мужчины связан с эротическим аспектом анимы, а для женщины делание сопряжено с анимусом, представляющим собой "головную функцию"⁴³. *Prima materia*, то есть бессознательное, у мужчины репрезентируется "бессознательной" анимой, а у женщины - "бессознательным" анимусом. Из *prima materia* вырастает философское дерево, представляющее развертывание *opus*. В своем символическом смысле рисунки также согласуются с данными психологии: Адама будет тогда представлять анимус женщины, порождающий "философские" идеи своим членом *Uo uoi* стяерцапко!), а Ева - аниму мужчины, которая в своем качестве Мудрости или Софии из своей головы производит интеллектуальное содержание делания.

520 Наконец, я должен указать, что определенные уступки женской психологии можно найти и в Rosarium, поскольку за первой серией рисунков здесь следует вторая (менее полная, но в остальном аналогичная) серия, в конце которой возникает мужская фигура, "император", а не "императрица" и "дочь философов", как в первой серии. Подчеркивание женского элемента в Ребисе (Рис. 10) согласуется главным образом с мужской психологией, тогда как добавление "императора" во второй версии является уступкой женщине (или, возможно, мужскому сознанию).

521 В своей первоизданной "бессознательной" форме анимус представляет собой смесь спонтанных, необдуманных мнений, оказывающих мощное влияние на эмоциональную жизнь женщины, тогда как анима представляет собой такую же смесь чувств, вследствие которых искажается или подвергается влиянию разум мужчины ("она вскружила ему голову"). Соответственно анимус склонен проецироваться на "интеллектуалов" и всякого рода "героев", включая теноров, артистов, спортивных знаменитостей и т.д. Анима предпочитает все бессознательное, темное, двусмысленное, беспочвенное в женщине, равно как ее тщеславие, холодность, беспомощность и т.п. В обоих случаях важную роль играет элемент инцеста: существуют отношения между молодой женщиной и ее отцом, женщиной в возрасте и ее сыном, молодым мужчиной и его матерью, мужчиной в возрасте и его дочерью.

522 На основании всего этого становится ясно, что "душа", прибавляющаяся к эго-сознанию в процессе *opus*, обладает женским характером у мужчины и мужским характером у женщины. Анима мужчины стремится примирять и соединять; анимус женщины старается различать и разделять. Эту четкую антитезу отображает Ребис алхимиков - символ трансцендентального единства как совпадения противоположностей; однако в сознательной реальности - после того как сознание очищено от примесей бессознательного в ходе предварительного *mundi-ficatio* - им представлен конфликт, пусть даже осознаваемые отношения между двумя индивидами достаточно гармоничны. Даже когда сознательная психика не отождествляет себя с наклонностями бессознательного, она все же вынуждена сталкиваться с ними и как-то учитывать их, с тем чтобы они могли сыграть свою роль в жизни индивида, каких бы трудностей это ни стоило. Ибо если бессознательному не

позволено выражать себя словом и делом, заботами и страданием, посредством нашего учета его требований и нашего сопротивления им, то возвратится более раннее состояние разделения, со всеми не поддающимися учету последствиями, которые может повлечь за собой пренебрежение бессознательным. С другой стороны, если мы слишком поддадимся бессознательному, это приведет к позитивной либо негативной инфляции личности. Как бы мы ни повернули ситуацию такого рода, всегда останется внешний и внутренний конфликт: одна из птиц оперена, другая - нет. Мы всегда пребываем в сомнении: имеются соображения "за" которые приходится отбрасывать, и соображения "против", которые приходится принимать. Всем нам хотелось бы сбежать от этой, по общему признанию, дискомфортной ситуации, но делая это, мы всего лишь снова обнаруживаем, что оставшееся позади и было нами самими. Жить в вечном бегстве от себя -тяжкое дело, но жить в общении с собой - дело, предполагающее некое число христианских добродетелей, таких как терпение, любовь, вера, надежда, смирение, применять которые приходится к самим себе. Конечно, нет ничего лучшего, чем осчастливливать своего ближнего, применяя их к нему; однако демон самодовольства тут как тут, похлопывает нас по спине и заявляет: "Хорошо сработано!" А поскольку это - одна из великих психологических истин, для равного по величине числа людей она становится с ног на голову, - чтобы и дьяволу было за что зацепиться. Но делает ли нас счастливыми необходимость применять к нам самим указанные добродетели? Становлюсь ли я счастливым от того, что сам же выступаю получателем собственных даров - я сам, последний из числа моих братьев, с кем я должен был бы сблизиться? Дает ли счастье вынужденное признание того, что я сам нуждаюсь во всем моем же собственном терпении, в моей любви, вере и даже смирении, и что сам же я - свой дьявол, свой антагонист, всегда стремящийся к противоположности во всем? Способны ли мы на деле переносить самих себя? "Делать другим..." -справедливо в отношении не только добра, но и зла.

523 В *Confessio amantis*⁴⁴ Джона Гаузра имеется высказывание, которым я воспользовался в качестве эпиграфа ко "Введению" к этой книге: "*Bellica rax, vulnus dulce, suave malum*" ("Воинственный мир, сладостная рана, нежное зло"). В эти слова алхимик в давние времена вкладывал квинтэссенцию своего опыта. Мне нечего добавить к простоте и точности этих слов. В них содержится все, чего это вправе требовать от *opus*; они освещают парадоксальную тьму человеческой жизни. Примирение с фундаментальной противоречивостью природы человека равноценно признанию того факта, что психе сама себе противится в своих целях. Алхимия учит, что напряженность распределена по четырем направлениям, так что образуется крест, коим представлены четыре враждующих элемента. Минимальным аспектом рассмотрения такого состояния тотальной оппозиционности является кватернион. Крест как форма страдания выражает психическую реальность, и "нести свой крест", таким образом, - адекватный символ целостности, а также претерпевания, усматривавшегося алхимиком в своем делании. Поэтому *Rosarium* заканчивается весьма уместным изображением воскресшего Христа и стихами:

После многих страданий и великих мучений

Я восстаю, преображенный и свободный от всех изъянов.

524 Исключительно рациональный анализ и интерпретация алхимии, а также проецируемых в нее бессознательных содержаний, по необходимости должен заканчиваться на вышеприведенных параллелях и антиномиях, ибо в условиях тотальных оппозиций третьего не дано - *tertium pop datur*¹. Наука останавливается у границ логики, природа же - нет: она прекрасно чувствует себя на территориях, все еще не освоенных теорией. *Venerabills na-tura* не останавливается на оппозициях; она использует их, чтобы создать из оппозиционности новое рождение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. "Символы" Ламбрингка. *Mas. herm.*, p.355 - стихи:

Nidus in sylva reperitur
in quo Hermes suos pullos habet,
Unus semper conatur volatum.
Alter in nido manere gaudet,
Et alter alterum non dimittit.
(В лесу находится гнездо
Где Гермес держит своих птенцов.
Один всегда стремится улететь,
Другой - рад оставаться в гнезде,
И один не отпускает другого")

Данный образ восходит к Senior, De chemia, p. 15: "Abscisae sunt ab eo alae et pennae et est manens. non recedens ad superiora" (Обрублены его крылья и перья, и он остается на месте, не возвращаясь к высотам). Сходным образом: Stolcius de Stolcenberg, Vlrldarlum chymicum, Fig.XXXIII. В Maier, De circulo, p. 127 противоположности представлены как "vultur in cacumine montis et corvus sine aiis" (гриф на вершине горы и ворон без крыльев). Ср. "Tractatds aureus", Ars chum., pp.11-12 и "Rosinus ad Sarratantam", Art. aurif., I, p.316. •

2 Ср. "Парацельс как духовное явление", пар.201.

3 "Психология и алхимия", рис.235.

4 Art. aurif., II, p.377: "De Tinctura alba: Si parentes dilecti mei de vita gustaverint et lacte mero lactati fuerint et meo albo inebriati fuerint et in lectulo meo nupsertint, generabunt filium Lunae, qui totam parentelam suam praeuale-bit. Et si dilectus meus de tumulo rubeo petrae potaverit et fontem matris suae gustaverit et inde copulatus fuerit et vino meo rubeo et mecum inebriatus fuerit et in lecto [meo] mihi amicabiliter concubuerit, et in amore meo sperma suum cellulam meam subintraverit, concipiam et ero praegnans et tempore meo pariam filium potentissimum. dominantem et regnantem prae cunctis regibus et principi-bus terrae. coronatum aurea corona victoriae, ad omnia a Deo altissimo. qui vivit et regnat in seculorum secula". Ср. "Cons. coniug.", Ars. chem.. p.120 и "Rosinus ad Sarratantam". pp.291ff.

5 Стилистика рисунков позволяет датировать их XVI веком, однако текст может оказаться столетием старше. Руска (Tab. smarag., p.193) относит текст к XIV в. Более поздняя датировка, XV век (Ruska. Turba, p.342), вероятно, и более близка к истине.

6 "Психология и алхимия", пар.500.

7 Там же, рис. 220.

8 Песнь Песней, 3, 11: "... подойдите и посмотрите на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать в день бракосочетания его..." Григорий Великий дает к этому следующий комментарий: мать - это Мария, "quae coronavit eum diademate, quia humanitatem nostram ex ea ipsa assumpsit... Et hoc in die desponsationis eius... factum esse dicitur: quia quando unigenitus filius Dei divinitatem suam humanitati nostrae copulare voluit, quando... Ecclesiam sponsam suam sibi assumere placuit: tunc... carnem nostram ex matre Virgine suscipere voluit" (короновавшая его диадемой, ибо от нее он получил нашу человеческую природу... И сказано, что случилось это в день его бракосочетания, ибо когда едиnorodный сын Божий возжелал соединить свою божественность с нашей человеческой природой, он... решил взять себе в жены Церковь. И тогда он возжелал получить нашу плоть от своей матери-девы). — Gregory, Super Cantica Canticorum expositio, ch. III (Migne, P.L., vol.79, col.507). 9 "Gloria mundi", Mus. herm., p.213.

10 Liber etymologiarum, XIII. 14.

11 "Психология и алхимия", пар.92.

12 Philalethes. "Introitus apertus". Mus. herm., p.654.

13 De chemia, p. 17.

14 Вполне возможно что идея диадемы связана с каббалистической "Кетер" (коронай). Diadema purpureum [пурпурная диадема (лат.) -Прим. перев.] -Малхут, "женское", "невеста". Пурпур соотносится с vestimentum [одевание, облачение (лат.) - Прим. перев.] - атрибутом Шекиных (Божественного Присутствия), каковое "enim est Vestis et Palatium Modi Tiphereth,

non enim potest fieri mentio Nominis Tetragrammati nisi in Palatio eius, quod est Adonai. Apellaturque nomine Diadematis. quia est Corona in capite mariti sui" (... есть облачение и дворец Модуса Триферета [славы], ибо нельзя произносить четырехбуквенное имя Адоная нигде, кроме дворца его. "Диадемой" же именуется, ибо на челе мужнином надета диадема) — Knorr von Rosenroth, *Kabbala denudata*, I, p. 131. "Malchuth vocatur Kether nempe corona legis" (Малхут зовется "Кетер", то есть корона Закона). "Sephirah decima vocatur Corona: quia est mundus Dilectionum, quae omnia circumdant" (Десятая Сефира зовется корона, ибо она тот мир наслаждений, что окружает все вещи). — Ibid, p.487. "[Corona] sic vocatur Malchuth, quando ascendit usque ad Kether; ibi enim existens est Corona super caput mariti sui" ([Корона] называется Малхут, когда совершает восхождение к Кетер, ибо там имеется корона на челе у мужа) -Ibid., p.624. Cf. Goodenough, "The Crown of Victory in Judaism".

15 В "Ordinall" Нортон (Theatr. chetn. britannicum, p.40) говорится:

Ибо всегда они питали опасения.

Как бы из сей Науки не предать слишком многое
разглашению;

И каждый из них лишь один или два пункта излагал,

Дабы любой из собратьев наверняка узнал:

Он — брат ему, ибо всем им

Понято изреченное другим;

Писали же они не чтобы всех учить,

Но чтобы о себе друг другу тайной речью сообщить.

А потому одной книге не доверяйся,

Но ко трудам разных авторов обращайся:

Liber librum apperit — сказал великий ученый Арнольд.

В "Книге Кратета" (Berthelot, *Moyen age*. III, p.52) говорится: "Ваши намерения прекрасны, но душа ваша никогда не станет разглашать истину, из-за различий во мнениях и злосчастной гордыни". Хогеланд ("De alch. diff", *Theatr. chem.*, I, p.155) заявляет: "At haec [scientia]... tradit opus suum immiscendo falsa veris et vera falsis. nunc diminbute nimium, nunc superabundanter, et sine ordine, et saepius praepostero ordine, et nititur obscure tradere et occultare quantum potest" (Эта [наука] сообщает о своем делании, смешивая ложь с правдой и правду с ложью, иногда чересчур кратко, иногда — сверхмногословно, и без порядка, и часто в обратном порядке; и старается изложить [делание] затемненно, и скрыть, сколько сумеет). Сениор (De chemia, p.55) говорит: "Уешт dixerunt per omnia. Homines vero non intelligunt verba eorum... unde falsificant veridicos, et verificant falsificos opinionibus suis.... Error enim eorum est ex ignorantia intentionis eorum. quando audiunt diversa verba. sed ignota untellectui eorum, cum sint in intellectu occulto" (Они сказали правду обо всем. Люди же не понимают их слов... а посему в своих предположениях делают истинное ложным и ложное истинным... Ошибки их проистекают от незнания намерений [писавших], ибо они слышат разные слова, неведомые их разумению, тогда как слова эти наделены скрытым значением). О секрете, скрытом в словах мудрецов, Сениор говорит: "Est enim illud interius subtiliter perspicientis et cognoscentis" (Ибо он принадлежит тому, кто тонко проникает и распознает внутреннее значение). Rosarium (p.230) поясняет: "Ego non dixi omnia apparentia et necessaria in hoc opere, quia sunt aliqua quae non licet homini loqui" (Так что я не сказал всего очевидно необходимого в сем делании, ибо есть нечто, о чем нельзя говорить человеку). И далее (p.274): "Talis materia debet tradi mystice, sicut poesis fabulose et parabolice" (О таких предметах следует говорить мистически, как в поэзии - баснями и притчами). Кунрат (Von hyl. Chaos, p.21) упоминает изречение: "Acrana publicata vilescunt" (СоКроВеННое, будучи разглашенным, теряет цену), — слова, которые Андрее использует в качестве эпиграфа к своей "Химической свадьбе". Абу аль -Касим Мухаммад ибн Ахмат аль Симави, известный как аль-Ираки, говорит в своей "Книге семи стран" (см. Holmyard, "Abu'l -Qasim", p.410) по поводу метода обучения Джабира ибн Хаййана: "Затем, он говорил загадками о составлении Внешнего и Внутреннего... Затем он сказал неясно... что во Внешнем нет полной тинктуры, и что полная

тинктура может быть найдена лишь во Внутреннем. Затем он неясно... сказал: 'Воистину, мы сделали Внешнее не более чем покровом над Внутренним'... и сказал, что Внутреннее похоже на то и похоже на это, - и так продолжал, покуда вовсе не запутал всех, кроме способнейших из своих учеников..." Вей По-Янь (около 142 г.н.э.) говорит: "Было бы с моей стороны большим грехом не передать Дао, которое тогда будет потеряно для мира навсегда. Я не стану писать на шелке, дабы неразумно не разгласить божественную тайну. В колебании, я вздыхаю..." ("An Ancient Chinese Treatise", p.243).

16 Параллелью к этому служит парадоксальное отношение Малхут к Кетер, низжайшего к высочайшему (см. выше, прим. 14).

17 P.270.

18 Он считается идентичным Иоанну Гарландскому, жившему во второй половине XII века и написавшему "Commentarius in Tabulam smaragdinam" [Комментарий к "Изумрудной скрижали" (лат.) - Прим. перев.]. См. в: De alchemia (1541).

19 Ibid., p.365. Поскольку алхимики в качестве "философов" были эмпириками психе, их терминология обладает второстепенной важностью по сравнению с их опытом, - как бывает вообще в случаях эмпиризма. Первооткрыватель редко оказывается хорошим классификатором.

20 Так, Дорн ("Physica Trismegisti", Theatr. chem., I, p.409) утверждает: "Spagirica foetura terrestris caelicam naturam induat per ascensum, et deinceps suo descensu centri naturam terreni recipiat" (Это земное, спагирическое рождение облачается в земную природу при своем восхождении, а затем при спуске принимает на себя природу центра земли).

21 Этим объясняется, почему проекция обычно оказывает некоторое влияние на своего носителя; поэтому, в свою очередь, алхимики ожидали, что "проекция" камня вызовет трансмутацию неблагородных металлов.

22 Алхимики рассматривали стрелу как *telum passionis* [оружие страсти (лат.) - Прим. перев.] Меркурия.

23 Rosencreutz, The Chymical Wedding, p.212.

24 Waite, Real History of the Rosicrucians.

25 Наркотики, способные вызывать состояние бреда, также могут высвобождать эти процессы. Для таких целей в первобытных ритуалах используют дурман ("траву Джимсона") и кактус пейотль. См.: Hastings, Encyclopedia IV. pp.735f.

26 Эта книга была написана в 1943 г. Я оставляю данную фразу такой, как она есть, в надежде на лучшее будущее.

27 Данный процесс описан во втором из моих Two Essays.

28 Ср.: "Tractatus Aristotelis", Art. aurif., I, p.371.

29 Неплохой пример можно найти в Angelus Silesius Cherubinischer Wander-smann. Book III, no.238:

Бог создал человека, а теперь родился. Возрадуйтесь! Где родился? Во мне, его матери по его же выбору. Как может это быть? Моя душа - та Дева, Мое сердце - ясли, члены мои - тот хлев...

30 У женщины анимус создает весьма сходные иллюзии, с той единственной разницей, что они состоят из догматических мнений и предрассудков, наобум заимствуемых у других и никогда не бывающих продуктом собственного размышления.

31 Она же - Эвтикия трактата Розина (=Зосиме) в Art. aurif., I, pp.277ff.

32 Mutus liber воспроизводится в виде приложения к Vol.1 Bibl. chem. curiosa, 1702. Иллюстрации из Mutus liber см.: рис.11-13 настоящего тома и "указатель" к "Психологии и алхимии". В качестве еще одной пары алхимиков можем упомянуть Джона Пордеджа и Джейн Лид (XVII в.). См. ниже.

33 A Suggestive Inquiry into the hermetic Mystery.

34 Джон Пордедж (1607-1681) изучал теологию и медицину в Оксфорде. Он был учеником Якоба Беме и последователем его алхимической теософии, стал законченным алхимиком и астрологом. Одной из главных фигур в его мистической философии является

София. ("Она - моя божественная, вечная, сущностная самодостаточность. Она — мое колесо внутри моего колеса" и т.д.) — Sophia, p.21.

35 Письмо опубликовано в Roth-Scholtz, Deutsches Treatrum, I, pp.557-97. Первое, немецкое издание этого "Philosophisches Send-Schreiben vom Stein der Weissheit" опубликовано, кажется, в Амстердаме в 1698 г. [Письмо было, очевидно, написано по английски, поскольку немецкая версия в Roth-Scholtz, 1728-32 сопровождалась словами "aus dem Englischen ubersetzt" [переведено с английского (нем.) - Прим. перев.]. Однако невозможно отыскать какое-либо английское издание или рукопись ни в Британском Музее, ни в Библиотеке Конгресса, ни в какой-нибудь еще из крупных британских и американских библиотек. Имя Пордеджа не встречается в списках учившихся в Оксфорде - Прим. изд.]

36 Один из излюбленных намеков на Песнь Песней, 7,3: "Живот твой -круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино" [У К.Г.Юнга дословно "пупок твой... не истощается жидкость"; номер стиха указан как 7,2 - Прим. перев.]. Ср. также Aurora consurgens, I, Ch.XII.

37 Заключительные пассажи весьма напоминают учение "secta liberi spiritus" [Секта свободного духа (лат.) - Прим. перев.], распространявшееся еще в XIII в. бегинками и бегардами.

38 Поэтому взгляды Пордеджа более или менее согласуются с сознательной психологией женщины, но не с ее бессознательной психологией.

39 Pordage, Sophia, Ch.I.

40 Имеется современная книга, дающая прекрасное описание женского мира символов: Esther Harding, Woman's Mysteries.

41 Флфенция, Ashburnham 1166. XIV в. Воспроизводятся как рис. 131 и 135 в "Психологии и алхимии".

42 Стрела соотносится с telum passionis Меркурия. Ср. "Cantilena Riplaei" ibid., par.491 и Mysterium coniunctionis, pp.285. Ср. также "Дух Меркурий", пар.491, разд. 8, и у св. Бернара Клервоского, Sermones in Cantica: "Est et sagitta sermo Dei vivus et efficax et penetrabilior omni gladio ancipiti... Est etiam sagitta electa amor Christi, quae Mariae animam non modo confixit, sed etiam pertransivit, ut nullam in pectore virginali particulam vacuum amore relinqueret" (Слово Божье - стрела, оно живо, действительно и проникает глубже, чем обоюдоострый меч... И любовь Христа - также избранная стрела, вошедшая в душу Марии и пронзившая ее, не оставив ни одну частицу ее девственного сердца лишенной любви) - перев. Отца Mount Melleray, I, p.346.

43 Ср. сказку эскимосов Аляски "Женщина, ставшая пауком" в Rasmussen, Die Gabe des Adlers, pp.121ff., и сибирскую сказку "Девушка и череп" в Kunike (ed.), Marchen aus Sibirien, No.31. В последней девушка выходит замуж за череп.

44 Ed Macaulay, II, p.35: Эпиграф книги I. Ср. у Св. Бернара Клервоского Sermones in Cant., XXIX. 8 (Migne, P.L., vol.183, col.933)(О Марии): "Et ilia quidem in tota se grande et suave amoris vulnus accepit..." (И она во всю саму себя приняла великую и сладостную любовную рану).

НОВОЕ РОЖДЕНИЕ

Здесь рождается достойная всех почестей Императрица;

Философы именуют ее своей дочерью.

Она множится/ рождает детей вновь и вновь;

Они безупречно чисты, без изъяна.

[Рис.10]

525 Последний из наших рисунков - десятый в общем ряду, что, конечно же, не случайно: ибо десятка считается совершенным числом¹. Мы уже продемонстрировали, что аксиома Марии состоит в ряде чисел 4, 3, 2, 1; их сумма равна 10, обозначая единство на высшем уровне. Единицей представлено единство в форме res simplex, то есть Бог как творец

вещей, тогда как двойка выступает результатом завершеного делания. Следовательно, реальное значение десятки - Сын божий³. Хотя алхимики называют ее *films philosophorum*⁴, они используют ее и в качестве символа Христа, в то же время характеризуя своего Ребиса с помощью символических качеств церковного образа Христа⁵. Вероятно, справедливо будет сказать, что средневековый Ребис обладает указанными христианскими характеристиками, однако для Гермафродита арабских и греческих источников придется предположить какую-то отчасти языческую традицию. Церковный символизм *sponsus* и *sponsa* влечет за собой мистическое единение двух, то есть душа Христа живет в *corpus mysticum* Церкви. Такое единство стоит за идеей андрогинности Христа, эксплуатировавшейся средневековой алхимией в собственных целях. Гораздо более давняя фигура Гермафродита, внешний аспект которого, возможно, произволен от кипрской бородатой Венеры, в восточной Церкви соприкоснулась с уже существовавшей там идеей андрогинного Христа, несомненно связанной с платоновской концепцией двуполого Первого Человека, поскольку Христос в конечном счете и есть Антропос.

526 Десятка образует сумму всего делания, кульминационную точку делания, далее которой невозможно продвинуться иначе, чем путем уничтожения. Ибо, хотя десятка представляет высшую стадию единства, она также кратна единице, а потому может до бесконечности умножаться в соотношении 10, 100, 1000, 10000 и т.д. - так же как мистическое тело Церкви составлено из бесконечно большого числа верующих, и число их может умножаться без ограничений. Поэтому Ребис описывается как *cibus sempiternus* ("вечная пища"), немеркнущий свет и т.д.; отсюда - также и то допущение, что тинктура пополняет сама себя, и что делание следует свершить однажды, раз и навсегда. Но поскольку *multiplicatio* - всего лишь атрибут десятки, 100 не отличается от нее и ничуть не лучше, чем 10. ⁷

527 *Lapis*, понимаемый как Первый Человек, является *radix ip-sius*; согласно *Rosarium*, все вырастает из единого и посредством единого⁸. Это - Уроборос, змея, сама себя рожающая и оплодотворяющая, *increatum* по определению, - невзирая на цитату из Розария, гласящую, что "наш благородный меркурий, был сотворен Богом как благородную вещь. Это несотворенное сотворенное можно лишь зафиксировать как еще один парадокс. Бесполезно ломать голову над таким необычным умственным настроением. В самом деле, мы могли бы делать это только в предположении, что алхимики не намеревались сознательно быть парадоксальными. Мне лично их воззрения кажутся вполне естественными: все непознаваемое лучше всего поддается описанию в терминах противоположностей⁹. Довольно длинное немецкое стихотворение, написанное, вероятно, в период, близкий к его опубликованию в *Rosarium* 1550 г., разъясняет природу Гермафродита следующим образом:

528

Здесь рождается достойная всех почестей Императрица;

Философы именуют ее своей дочерью.

Она множится,

рожает детей вновь и вновь;

Они безупречно чисты, без изъяна.

Царица ненавидит смерть и бедность;

Она превосходит собою золото, серебро и каменья

И все лекарства, малые и великие.

Ничто на земле с ней не сравнится.

За что мы и благодарим Бога на небе.

О сила, принуждающая меня, обнаженную жену,

Чье тело было поначалу самым скромным!

И я не становилась матерью

До времени, пока не родилась иною.

Тогда я обрела силу корней и трав
 И одержала победу над всеми болезнями.
 Тогда я впервые познала своего сына,
 И мы вдвоем слились в одно.
 От него я понесла и родила,
 Растянувшись на голой земле.
 Я стала матерью, но осталась девой
 И утвердилась в моей природе.
 Поэтому мой сын был также и моим отцом
 По Божьему велению, согласному с природой.
 Я выносила мать, давшую мне рождение,
 Мною была она рождена вновь на земле.
 Возможность видеть как одно, то, что природа обвенчала
 В нашей горе наиболее мастерски сокрыта.
 Четыре сходятся в одно
 В сем нашем магистерском камне.
 И, если шесть рассматривать как троицу,
 Она придет к сущностному единству.
 Тому, кто верно размышляет об этом,
 Бог дает силу обратить в бегство
 Все те болезни, что относятся
 К металлам и телам людей.
 Никто не совершит этого без Божьей помощи
 И без прозрения сквозь самого себя.
 Из моей земли истекает фонтан,
 Разделяющийся затем на два потока.
 Один из них течет на Восток,
 Другой из них течет на Запад.
 Два орла взлетают, их оперенье пылает,
 Обнаженными они падают наземь,
 Но в полном оперении вскоре вновь восстают;
 Фонтан сей - Господь солнца и луны.
 О, Господь Иисус Христос, дающий Дар благодатью твоего Святого Духа:
 Тот, кому подлинно дан сей дар,
 Тот целиком разумеет слова мастеров.
 Чтобы мысли его сосредоточились на будущей жизни,
 Столь совершенно соединены его душа и тело.
 Вознести их к царству их отца
 Таковы пути искусства среди людей.

529 Данная поэма представляет значительный психологический интерес. Я уже подчеркивал, что андрогин имеет природу анимы. "Неблагословенный" характер "первого тела" имеет своим эквивалентом неприемлемую, демоническую, "бессознательную" аниму, рассматривавшуюся нами в первой главе. При своем втором рождении, то есть как результат *opus*, анима приобретает плодотворный характер и рождается вместе со своим сыном в образе Гермафродита - плода инцеста мать-сын. Ни оплодотворение, ни рождение не нарушает ее девственность¹⁰. Этот христианский по своей сути парадокс связан с необычными вневременными свойствами бессознательного: все уже случилось, но еще не случилось, все уже умерло, но и еще не родилось¹¹. Подобные парадоксальные утверждения иллюстрируют потенциал бессознательных содержаний. Сравнения, насколько они вообще возможны, являются объектом памяти и знания, и в этом смысле принадлежат отдаленному прошлому; таким образом, мы говорим о "рудиментарных остатках первозданных мифологических идей". Но в той мере, в какой бессознательное проявляет себя как внезапное

непостижимое наваждение, оно представляет собой что-то, чего никогда ранее не было, что-то совершенно чуждое, новое, принадлежащее будущему. Бессознательное, таким образом, - и мать, и дочь; мать дает рождение собственной матери (*in creatum*), а ее сын был ее отцом¹². Алхимики, кажется, догадывались о том, что этот чудовищный парадокс каким-то образом связан с самостью, ибо никто не в состоянии практиковать подобное искусство без Божьей помощи и без "прозрения сквозь самого себя". Давние мастера осознавали это, как видно на основании диалога между Мориеном и Царем Калидом. Мориен рассказывает, как Геркулес (византийский император Ираклий) учил своих учеников: "О сыны мудрости, знайте, что Бог, верховный славный Создатель, сотворил мир из четырех неравных меж собою элементов и поставил между ними человека в качестве украшения". Когда царь попросил дальнейших разъяснений, Мориен ответил: "Зачем я стал бы говорить тебе о многом? Ведь эта субстанция [то есть сокровенное] извлекается из тебя и ты - ее руда; в тебе философы находят ее и из тебя (выражусь яснее) добывают ее. И когда ты испытаешь это, любовь и желание ее возрастут в тебе. И ты узнаешь, что сия вещь существует подлинно и несомненно... Ибо в сем камне четыре элемента связаны воедино, и люди уподобляют его миру и составу мира"¹³.

530 Из приведенного рассуждения можно заключить, что человек, благодаря своему положению между четырьмя мировыми началами, содержит в себе воспроизведение мира, в коем соединены неравные элементы. Это микрокосм в человеке, соответствующий "небесному своду" или "Олимпу" Парацельса: присутствующая в человеке неизвестная величина, настолько же универсальная и широкая, как и сам мир, вложенная в него природой, а не приобретаемая. Психологически она соответствует коллективному бессознательному, проекции которого встречаются повсюду в алхимии. Я должен буду воздержаться от приведения дальнейших доказательств психологической проницательности алхимиков, поскольку это уже сделано мною в другом месте¹⁴.

531 В концовке поэмы присутствует намек на бессмертие, на эликсир жизни - предмет великих упований алхимиков. Будучи трансцендентальной идеей, бессмертие не может выступать объектом опыта, а потому не существует аргументов "за" или "против" него. Однако бессмертие как опыт чувства - нечто совсем иное. Чувство представляет собой настолько же бесспорную реальность, как и существование какой-либо идеи, и в такой же степени поддается опытной проверке. Я неоднократно наблюдал, как спонтанные манифестации самости, то есть проявления определенных относящихся к ней символов, несут с собой некую долю вневременного характера бессознательного, выражающую себя в ощущении вечности или бессмертия. Опыт подобного рода может производить чрезвычайное впечатление. В идее *aqua permanens*, неучтожимости камня, бессмертная пища и т.д. нет ничего чересчур странного, поскольку она согласуется с феноменологией коллективного бессознательного¹⁵. Может показаться чудовищной самоуверенностью то, что алхимики возомнили себя способными, пусть даже с Божьей помощью, сотворить вечную субстанцию. Подобные претензии придают многим трактатам оттенок хвастовства и пустословия, из-за чего они заслуженно имели плохую репутацию и были забыты. И все же, нам нужно следить, как бы не выплеснуть вместе с водой ребенка. Существуют трактаты, глубоко проникающие в природу *opus* и подающие алхимию в совсем ином свете. Так, анонимный автор *Rosarium* говорит: "Ясно, следовательно, что камень - господин философа, как если бы он [философ] должен был сказать, что он делает по природе то, к чему его понуждают; так что философ не господин, а скорее слуга камня. Следовательно, кто пытается с помощью искусства, не согласуясь с природой, ввести в предмет нечто ему по природе не присущее, тот ошибается, и об этой ошибке еще пожалеет"¹⁶. Здесь достаточно откровенно сообщается, что мастер действует не по своей творческой прихоти, а согласно тому, куда направляет его камень. Столь могущественным надсмотрщиком является не что иное, как самость. Она требует дать ей проявить себя в делании, и по этой причине *opus* оказывается процессом индивидуации, становления самости. Самость есть целостный, вневременной человек; как таковая, она соответствует первоначальному сферическому¹⁷.

двуполому существу, коим представлена обоюдная интеграция сознания и бессознательного.

532 На основании вышеизложенного можно видеть, как *opus* завершается идеей в высшей степени парадоксального существа, бросающего вызов всякому рациональному анализу. Делание вряд ли могло бы заканчиваться по-другому, поскольку сплетение противоположностей не ведет ни к чему, кроме озадачивающего парадокса. Психологически это означает, что человеческая целостность поддается описанию лишь в виде антиномий; так обстоит дело всегда, когда мы сталкиваемся с трансцендентальной идеей. Для сравнения можем упомянуть столь же парадоксальную корпускулярно-волновую теорию света - хотя здесь, по крайней мере, имеется возможность математического синтеза, естественно, отсутствующая в случае психологической идеи. Наш парадокс, однако, открыт для возможностей интуитивного и эмоционального опыта, поскольку единство самости, непознаваемое и непостижимое, пронизывает даже сферу нашего разделяющего (а потому и разделенного) сознания и, подобно всем бессознательным содержаниям, делает это с весьма сильными последствиями. Такое внутреннее единство (или опыт единства) с наибольшей убедительностью выражено мистиками в идее *unio mystica*, прежде всего - в философских и религиозных учениях Индии, в китайском даосизме и японском дзен-буддизме. С психологической точки зрения безразлично, как мы поименуем самость, равно как безразличен вопрос, "реальна" ли она. Ее психологической реальности достаточно для любых практических целей. За ее пределами интеллект неспособен что бы то ни было познать, а потому его расспросы в духе Пилата лишены значения,

533 Вернемся к нашему рисунку: на нем изображен апофеоз Ребиса, правая сторона тела которого - мужская, левая - женская. Эта фигура стоит на луне, в данном случае соответствующей женскому лунному сосуду, то есть *vas hermeticum*. Ее крылья означают легучесть, то есть духовность. В одной руке она держит кубок с тремя змеями или, возможно, одной трехглавой змеей; в другой руке она держит одну змею. Это очевидный намек на аксиому Марии и давнюю дилемму 3 и 4, а также на таинство Троицы. Три змеи в кубке представляют собой хтонический эквивалент Троицы, а одна змея репрезентирует, во-первых, выражаемое Марией единство трех, во-вторых же, "зловещего" *serpens Mercurialis* со всеми сопутствующими ему значениями¹⁸. Остается открытым вопрос, соотносятся ли рисунки такого рода каким-то образом с Бафометом¹⁹ тамплиеров, однако символизм змеи²⁰ определенно указывает на злое начало, которое, хотя и исключено из Троицы, все же так или иначе связано с делом искупления. Далее по левую руку от Ребиса мы видим также ворона, синонимичного дьяволу²¹. Птица без оперения исчезла: ее место занял крылатый Ребис. Справа растет "солнечное и лунное дерево" *arbor philosophica* - сознательный эквивалент бессознательного процесса развития, предполагаемого противоположной стороной. На соответствующем изображении Ребиса во второй версии²² вместо ворона помещен пеликан, раздирающий свою грудь, чтобы накормить птенцов: хорошо известная аллегория Христа. На том же рисунке за спиной Ребиса крадется лев, а у подножия холма, на котором стоит Ребис, находится трехглавая змея²³. Алхимический гермафродит сам по себе является проблемой, действительно требующей специального разъяснения. Здесь я скажу лишь несколько слов о том примечательном факте, что горячо желаемая цель стараний алхимика подается в виде столь чудовищного, отпугивающего образа. Мы к своему полному удовлетворению показали, что антитетическая природа цели в большой мере ответственна за чудовищность соответствующего символа. Однако такое рациональное объяснение не изменяет того факта, что монстр представляет собой отвратительное уродство и извращение природы. К тому же, это - не просто случайность, не заслуживающая более тщательного рассмотрения; напротив, она в высшей степени значима и является следствием определенных фундаментальных для алхимии психологических фактов. Необходимо помнить, что символ гермафродита - один из многих синонимов цели искусства. Дабы избежать ненужных повторений, я отошлю читателя к материалу, собранному в "Психологии и алхимии", и в особенности, к параллели *lapis*-Христос, к которой мы должны добавить более редкое и по очевидным причинам избегаемое сравнение *prima materia* с Богом²⁴.

Несмотря на близкий характер аналогий, *lapis* не следует понимать как воскресшего Христа, а *prima materia* как Бога; *Tabula smaragdina* скорее намекает на то, что алхимическое таинство является неким "низшим" эквивалентом высших мистерий, таинством, связанным не с отцовским "умом", но с материнской "материей". Исчезновение териоморфных символов в христианстве здесь компенсируется богатством аллегорических животных форм, неплохо согласующихся с матерью прородой то время как христианские фигуры суть творения духа, света и добра, алхимические фигуры - порождения ночи, тьмы, яда и зла. Темное происхождение объясняет многое в нелепой форме гермафродита; однако оно не объясняет всего. Грубые, зачаточные черты этого символа выражают незрелость ума алхимика, развитого недостаточно для того, чтобы тот мог справиться с трудностями своей задачи. Он был недоразвит в двух смыслах: во-первых, он не понимал действительной природы химических соединений, а во-вторых, ничего не знал о психологической проблеме проекций и о бессознательном. Все это тогда еще было скрыто в утробе будущего. Развитие естественных наук заполнило первый пробел, а психология бессознательного старается заполнить второй. Если бы алхимики понимали психологические аспекты своего делания, они были бы в состоянии высвободить свой "объединяющий символ" из тисков инстинктивной сексуальности, в которых - к лучшему или к худшему - не могла не оставить его природа к чистом виде, лишенная опоры на критическую способность интеллекта. Природе нечего было сказать, кроме того, что сочетание противоположных крайностей есть нечто гибридное. Ее высказывание останавливается на сексуальности, как и всегда, когда природе на помощь не приходят возможности сознания; в средние века вряд ли могло быть иначе, из-за полного отсутствия психологии²⁵. Так все и оставалось, пока в конце XIX века Фрейд не взялся вновь за эту проблему. Далее последовало то, что всегда случается, когда сознательный разум сталкивается с бессознательным: первый подпадает под влияние и в высшей степени набирается предрассудков второго, если вообще не оказывается подавлен им. Проблема единства противоположностей в течение многих столетий сохраняла свою сексуальную форму, дожидаясь, пока научное просвещение и объективность не продвинутся вперед достаточно далеко, чтобы слово "сексуальность" могло упоминаться в научной беседе. Бессознательная сексуальность тотчас же была воспринята с величавшей серьезностью и возведена в ранг своего рода религиозной догмы, фанатически отстаивавшейся вплоть до настоящего времени: такова была зачаровывающая сила, исходящая от соответствующих содержаний, в последний раз перед тем культивировавшихся алхимиками. Природные архетипы, стоящие за мифологемами инцеста, иерогамии, божественного младенца и т.п., расцвели пышным цветом (в век науки!) в форме теории детской сексуальности, извращений и инцеста, тогда как *coniunctio* было заново открыто в неврозе переноса²⁶.

534 Сексуальный характер символа гермафродита целиком пересилил сознание и вызвал умственный настрой, столь же непривлекательный, как и тот, что сопутствовал старинному гибриднему символизму. Задача, справиться с которой не смогли алхимики, заявила о себе снова: как понимать глубокий раскол в человеке и мире, как реагировать на него и как (если это возможно) устранить его? Так выглядит вопрос, если лишить его природного сексуального символизма, в коем он увяз только из-за того, что проблема не могла пробить себе путь через пороговый уровень бессознательного. Сексуальный характер соответствующих содержаний всегда означает бессознательное отождествление эго с той или иной фигурой бессознательного (анимой или анимусом); по этой причине эго вынуждено, вольно и в то же время невольно, стать одним из участников иерогамии или, по крайней мере, поверить, что все дело - исключительно в достижении эротических целей. И конечно же, чем больше в это верят, тем больше дело обстоит действительно так - то есть тем сильнее человек концентрируется исключительно на сексуальных аспектах и тем меньшее внимание он уделяет архетипическим схемам. Как мы видели, вопрос, о котором идет речь, легко провоцирует фанатизм, поскольку делает совершенно очевидной нашу неправоту. С другой стороны, если мы отказываемся принять довод, что нечто является

абсолютной истиной лишь на том основании, что оно обладает зачаровывающей силой, мы сами даем себе шанс увидеть, что сексуальный аспект - лишь один из многих, и именно он сбивает с толку нашу способность суждения. Данный аспект всегда направлен на то, чтобы передать нас в руки партнера, кажущегося составленным из всех тех качеств, которые мы не сумели реализовать в себе. Поэтому, если только мы не предпочитаем быть обманутыми своими иллюзиями, мы, тщательно анализируя все, что нас зачаровывает, станем каждый раз извлекать из него, как квинтэссенцию, частицу нашей собственной личности, и мало-помалу осознаем, что вновь и вновь встречаем в тысяче обликов самих себя на жизненных путях. Эта истина, однако, принесет пользу лишь тому, кто искренне убежден в индивидуальной, не сводимой ни к чему реальности своих собратьев.

535 Мы знаем, что в ходе диалектического процесса бессознательное порождает определенные образы цели. В "Психологии и алхимии" я описал длинный ряд сновидений, содержащих такие образы (включая даже мишень для стрельбы). Чаще всего они связаны с представлениями типа мандалы, то есть с кругом и кватернионом. Это - самые отчетливые, наиболее характерные репрезентации цели. Такие образы объединяют противоположности под знаком кватерниона, то есть комбинируют их в форме креста, - или же выражают идею целостности посредством круга либо сферы. Высший тип личности также может, хотя и реже, фигурировать в качестве образа цели. От случая к случаю особый акцент ставится на светоносном характере центра. Гермафродит еще ни разу не встретился мне как персонификация цели; он скорее - образ исходного состояния, выражающий отождествление с анимой либо анимусом.

356 Естественно, указанные образы являются только предвосхищениями самости, которая в принципе всегда недостижима для нас. Они также не обязательно сигнализируют о подсознательной готовности пациента сознательно реализовать эту целостность на последующей стадии; зачастую они означают не более чем временную компенсацию хаоса, путаницы и потери ориентации. В фундаментальном смысле они, конечно, всегда указывают на самость - вместилище и организующее начало всех противоположностей. Однако в момент своего появления они просто сообщают о возможности порядка в целостности.

537 То, что алхимик пытался выразить с помощью своих Ребиса и квадратуры круга, и то, что современный человек также пытается выразить, рисуя круги и квадраты, - это целостность, разрешающая все противоположности и либо кладущая конец конфликту, либо по крайней мере притупляющая его остроту. Ее символ - *coincidentia oppositorum*, которую Николай Кузанский, как мы помним, отождествлял с Богом. Я далек от намерения скрестить шпаги с этим великим человеком. Мое дело - лишь естественнонаучное познание психе, и моя главная забота состоит в установлении фактов. Как будут названы эти факты и какая интерпретация будет им дана впоследствии - все это уже второстепенно. Наука о природе является не наукой слов и идей, но наукой фактов. Я не отличаюсь терминологическим ригоризмом: можно называть имеющиеся символы "целостностью", "самостью", "осознанностью", "высшим эго" или как-нибудь еще, - разница будет невелика. Я, со своей стороны, лишь стараюсь не давать ложных и уводящих в сторону названий. Все перечисленные термины - только имена для фактов, которые одни лишь и имеют вес. Даваемые им мною имена не подразумевают какой-либо философии, хоть я и не могу запретить людям нападать на эти терминологические призраки как на что-то метафизически гипостазированное. Достаточно и фактов самих по себе, и знать о них небесполезно; интерпретацию же их надлежит оставить на усмотрение индивида. "Максимум есть то, чему ничто не противопоставлено, в чем минимум есть вместе с тем и максимум"²⁷, - утверждает Николай Кузанский. Но и Бог также стоит над противоположностями: "Над этим совпадением творения и сотворенного находишься ты, Боже"²⁸. Человек же - аналогия Бога: "Человек есть Бог, но не в абсолютном смысле, ибо он человек. Следовательно, он есть Бог в человеческом смысле. Человек также есть мир, но не все вещи мира в сокращенном виде, ибо он человек. Следовательно, человек есть микрокосм"²⁹. Поэтому *complexio oppositorum* оказывается не только возможностью, но и этическим долгом: "В этих глубочайших

предметах все старания нашего человеческого разума должны быть направляемы на достижение той простоты, в коей примиряются противоречия"³⁰. Алхимики были как бы эмпирическими исследователями великой проблемы соединения противоположностей, философом которой выступает Николай Кузанский.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 "Numerus perfectus est denarius" (Совершенное число есть десять) - Mylius, Phil. ref., p. 134. Пифагорейцы рассматривали 8гкои:[десятка (греч.) — Прим. перев.] как $\alpha\pi\theta\epsilon\iota\omicron\varsigma$ a.p10|10([совершенное число (греч.) — Прим. перев.]) — Hippolytus, Elenchos, I, 2, 8. Ср. Joannes Lydus, De mensibus, 3, 4 и Proclus, In Platonis Timaeum Commentaria, 21 AB. Данное воззрение перешло в алхимию при посредничестве Turba (pp.300ff., "Sermo Pythago-gae"). Дорн ("Congeries", Theatr. chem., I, p.622) утверждает: "Quando quidem ubi Quaternarius et Ternarius ad Denarium ascendunt, eorum fit ad unitatem regressus. In isto concluditur arcano omnis occulta rerum sapientia"(Короче же числа "четыре" и "три" восходят к числу "десять", происходит их возврат к Единице. В этой тайне содержится сокровенная мудрость всего). Он, однако, отрицает ("Duellum animi", Theatr. chem., I, p.545), что $1+2+3+4=10$, поскольку единица не число, и утверждает, что десятка возникает как $2+3+4=9+1$. Он же настаивает на устранении дьявольской двойки (ibid., pp.542ff). Джон Ди ("Monas hieroglyphica", Theatr. chem., II, p.220) выводит десятку обычным способом: antiquissimi Latini philosophi [Древнейшие латинские философы (лат.) — Прим. перев.] считали, что Прямолинейный крест означает десятку. Старинный автор Артефий (вероятно, арабский по происхождению) также выводит десятку из суммирования первых четырех чисел ("Clavis", Theatr. chem., IV, p.222). Далее он, однако, говорит, что первым числом является "2", после чего переходит к следующим операциям: $2+1=3$; $2+2=4$; $4+1=5$; $4+3=7$; $7+1=8$; $8+1=9$; $8+2=10$, и заявляет: "eodem modo centenarii ex denariis, millenarii vero ex centenariis procreantur" (тем же способом из десятков получаются сотни, из сотен - тысячи). Такую процедуру можно считать либо загадочной, либо инфантильной.

2 По Ипполиту Elenchos, IV, 43, 4), египтяне говорили, что Бог есть (i,ovdq d8iaipexog (неделимая единица), и что "10" есть монада, начало и конец всех чисел.

3 Десятка как allegoria Christi обнаруживается в: Rabanus Maurus, Allegoriae in universam sanctam Scripturam (Migne, P.L., vol.112, col.907).

4 "Audi atque attende: Sal antiquissimum Mysterium! Cuius nucleum in Denario, Harpocrate, sile". (Слушай и внимай: Соль есть древнейшая тайна! Утай ее ядро в числе десять, подобно Гарпократу) — Khunrath, Amphitheatrum, p. 194. Под солью имеется в виду соль мудрости. Гарпократ - гений тайных мистерий. Ср. "Психология и алхимия", рис.52 и 253.

5 Параллель к этому находим в системе Моноима (Hippolytus, Elenchos, VIII, 12,2ff.) Сын Океана (Антропос) выступает неделимой монадой, и в то же время он поддается делению: он и мать, и отец, монада и вместе с тем декада. "Ex denario divinus statuet unitatem" (Из божественной десятки составишь единство) — цитата из: Joh.Dausten in Aegidius de Vadis, "Dialogus", Theatr. chem., II, p. 115. Даустин, или Дастин, был, по всей видимости, англичанином; некоторые авторы датируют его деятельность началом XIV в., другие — гораздо более поздним временем. См.: Ferguson, Bibl. chem., I, s.v. "Dausten".

6 Norton's "Ordinal", Theatr. chem. britannicum, p.48. Филалет ("Fons chemicae veritatis", Mas. herm., p.802) говорит: "Qui semel adeptus est, ad Autumnum sui laboris pervenit" (Тот, кто единожды достиг ее, достиг времени сбора урожая в своем делании). Это - цитата из Иоанна Понтана, жившего около 1550 г. и бывшего врачом и профессором философии в Кенигсберге. Ср. Ferguson, Bibl. chem., II, p.212.

7 Стоит упомянуть, что Сан Хуан де ла Крус изображает восхождение души состоящим из десяти стадий.

8 "Ipsa omnia sunt ex uno et de uno et cum uno, quod est radix ipsius" (Все они суть из

Единобо, в Едином и принадлежат Единому, являющемуся корнем самого себя). -Art. aurif., II, p. 369.

9 Никоей Кузанский в *De docta ignorantia* [Об ученой не учености (лат.) -Прим. перев] рассматривал антиномическую мысль как высшую форму мышления.

10 Ср. "Rosinus ad Sarratantam", Art. aurif., I, p.309: "Cuius [lapidis] mater virgo est, et pater non concubuit" (Его [камня] мать девственна, и отец не возлежал с ней).

11 Ср. Petrus Bonus, "Pretiosa margarita novella", Theatr. chem., V, p.649: "Cuius mater virgo est, cuius pater foeminam nescit. Adhuc etiam noverunt, quod Deus fieri debet homo, quia in die novissima huius artis, in qua est operis complementum, generans et generatum fiunt omnino unum: et senex et puer et pater et filius fiunt omnino unum. Ita quod omnia vetera fiunt nova". (Чья мать девственна, чей отец не познал женщину. Они также знали, что Бог должен стать человеком, ибо в последний день своего искусства, когда произойдет завершение делания, родившее и рожденное станут единым целым; и единым целым станут старик и юноша, отец и сын. Так старое становится новым).

12 Ср. Данте, "Рай", XXXIII, 1: "О дева мать, дочь своего же сына" [Перевод М.Лозинского, цит. по: Данте Алигьери, Божественная комедия — М.: Л., 1950. - С.423 - Прим. перев.]

13 "Sermo de transmutatione metallorum". Art. aurif., II, p.37.

14 Ср. "Психология и религия", пар.95 слл., 153 слл., и "Психология и алхимия", пар.342 слл.

15 Незачем и говорить, что подобные понятия не дают решения каких-либо метафизических проблем. Они не доказывают бессмертия души, но и не опровергают его.

16 Art. aurif., II, pp.356f.: "Patet ergo quod Philosophorum Magister lapis est, quasi diceret, quod naturaliter etiam per se facit quod tenetur facere: et sic Philosophus non est Magister lapidis, sed potius minister. Ergo qui quaerit per artem extra naturam per artificium inducere aliquid in rem, quod in ea naturaliter non est, errat et errorem suum delet". [Приводимый выше в тексте перевод следует авторской немецкой версии. Равно вероятен следующий перевод фразы после "quasi diceret": "как если бы он (камень) должен был сказать, что делает по природе то, что, как считается, он делает" — A.S.B.G.]

17 Персидский Гайомарт одинаков в ширину и в длину, то есть сферичен по форме, подобно мировой душе в "Тимее" Платона. Предполагалось, что он обитает в каждой индивидуальной душе, и в ней возвращается к Богу. См.: Reitzenstein and Schaeder, Studien zum antiken Synkretismus, p.25.

18 Ср. "Дух Меркурий".

19 Возможно от Рафт (тинктура) и (искусность, прозорливость), что приблизительно соответствует Кратеру Гермеса, наполненному vouq. Ср.: Nicolai, Versuch uber die Beshuldigungen, welche dem Tempelherrenoren gemacht wurden, p. 120; Hammer-Purgstall, Mysterium Baphometis, pp.3ff.

20 Ср. "Психология и алхимия", рис.70, где изображен ритуал с участием змей. Отчетливая связь почитания змей с тамплиерами не установлена (Hammer-Purgstall, Memoire sur deux coffrets gnostiques).

21 Anastasius Sinai'ta, Anagogicae contemplationes: "Et cum vel suffocatus esset et perisset tenebrosus corvus Satan"... (И когда темный ворон Сатана [или: Сатаны] задохнется или погибнет). Св. Амвросий De Noe et Area, I, 17 (Migne, P.L., vol.14, col.411): "Siquidem omnis impudentia atque culpa teneb-rosa est et mortuis pascitur sicut corvus..." (Если и в самом деле всякие бесстыдство и вина темны и питаются мертвыми, как ворон...). Ворон обозначает также грешников: Св. Августин, Annotationes in Job, I, xxviii, 41 (Migne, P.L., vol.34, col.880): "Significantur ergo nigri [scl.corvi] hoc est peccatores nondum dealbati remissione peccatorum" (Они обозначены черным [т.е., как вороны], то есть они — грешники, еще не обеленные отпущением грехов). Паулин Аквилейский Liber exhortationis (Migne, P.L., vol.99, col.253): "anima peccatoris... quae nigrior corvo est" (душа грешника., которая чернее, чем ворон).

22 Art. aurif., II, p.359. См.: "Психология и алхимия", рис. 54.

23 Другие изображения Ребиса см. там же, указатель, "гермафродит".

24 Отождествление *prima materia* с Богом встречается не только в алхимии, но и в других отраслях средневековой философии. Оно восходит к Аристотелю и впервые появляется в алхимии в харранитском трактате о платоновских тетралогиях ("*Liber Platonis Quartorum*", *Theatr. chem.*, V). Менненс ("*Aureum vellus*", *Theatr. chem.*, V, p.334) говорит: "*Motep itaque quadriliterum Dei sanctissimam Trinitatem designare videtur et materiam, quae et umbra eius dicitur et a Moyse Dei posteriora vocatur*" (Итак, четырехбуквенное имя Бога представляется обозначающим Святейшую Троицу и материю, называемую также его тенью, Моисеем же названную его тыльной частью) Впоследствии эта идея неожиданно возникает в философии Давида из Динанта, критиковавшегося Альбертом Великим. "*Sunt quidam haeretici dicentes Deum et materiam primam et vovv, sive mentem idem esse*" (Есц, некие еретики, утверждающие, что Бог, и первая материя, и Нус суть одно и то же) - *Summa Theologica*, I, 6, qu.29, memb.1, art.1, par.5 (*Opera*, ed Borgnet, vol.31, p.294). Подробнее см.: Kronlein!!!, "*Amalrich von Bena*", pp.303ff.

25 Идею гермафродита, кажется, можно встретить в позднейшей христианской мистике. Так, Пьер Пуаре (1646-1719), друг мадам Гийон, обвинялся в распространении верований, согласно которым в период тысячелетнего золо-

того века размножение будет происходить путем гермафродитизма. Обвинение опроверг Крамер (*Nauck. Realencyklopadie*. XV. p.496). показавший, что в сочинениях Пуаре ничего подобного не содержится.

26 Интересно наблюдать, как эта теория вновь объединила силы с алхимией в книге Герберта Зильберера: *Problems of Mysticism and Its Symbolism*.

27 *De docta ignorantia*, II. 3: "*Maximum autem est, cui nhl opponitur, ubi et Minimum est Maximum*".

28 "*Ultra hanc coincidentiam creare cum creari es tu Deus*".

29 *De conjecturis*, II, 14: "*Homo enim Deus est, sed non absolute, quoniam homo. Humane igitur est Deus. Homo etiam mundus est, sed non contracte omnia, quoniam homo. Est igitur homo цгкркоацех;*".

30 *Of Learned Ignorance* (trans. Heron), p. 173: "*Debet autem in his profundis omnis nostri humani ingenii conatus esse. ut ad illam se elevet simplicitatem, ubi contradictoria coincidunt*".

ЭПИЛОГ

538 Дать какое-либо описание феномена переноса - весьма трудная и щекотливая задача, и я не знал, как подступиться к ней, не черпая из символизма алхимического *opus*. Кажется, мне удалось показать, что *theoria* алхимии по большей части представляет собой проекцию бессознательных содержаний, то есть архетипических форм, характерных для всех продуктов фантазии в чистом виде и встречающихся в мифах и сказках, равно как в снах, видениях и индивидуальных системах иллюзий различных людей, как мужчин, так и женщин. Важная роль, принадлежавшая в истории алхимии иерогамии и мистическому браку, а также *coniunctio*, соответствует центральному значению переноса, с одной стороны, в психотерапии, с другой - в сфере нормальных человеческих взаимоотношений. Поэтому мне не показалось чересчур рискованным предприятием использование исторического документа, содержание которого обязано своим появлением столетиям умственных усилий, в качестве основной направляющей нити моей аргументации. Постепенное разворачивание символической драмы предоставило мне благодатную возможность свести воедино ^бесчисленные случаи индивидуального опыта, накопившиеся у меня за многие годы изучения данной темы; с готовностью признаю, что мне было неизвестно, как иначе упорядочить этот опыт. Таким образом, все предприятие следует рассматривать как чистый эксперимент: я не имею ни малейшего желания придавать ему какое бы то ни было

решающее значение. Проблемы, связанные с переносом, настолько сложны и разнообразны, что мне недостает категориального аппарата, необходимого для их систематического изложения. В подобных случаях всегда появляется стремление к упрощению; однако же оно небезопасно, ибо с легкостью совершает насилие над фактами, стараясь свести несовместимое к общему знаменателю. Я, насколько мог, противился такому искушению, и позволяю себе надеяться, что читатель не станет представлять себе описанный здесь мною процесс как рабочую модель среднестатистического развития событий. Опыт показывает, что фактически не только у алхимиков последовательность различных стадий весьма неоднозначна, но и в наших наблюдениях над индивидуальными случаями встречаются и озадачивающе большое число вариаций, и величайший произвол в последовательности этапов, несмотря на принципиальную согласуемость основных фактов. Логический порядок, как мы его понимаем, или даже простая возможность такого порядка, кажется, выходит за пределы нашего нынешнего предмета. Здесь мы движемся по территории индивидуальных, уникальных событий, параллели к которым отсутствуют. Если наш категориальный аппарат достаточно широк, процессы такого рода можно свести к какому-нибудь смешанному порядку и описать (хотя бы в общих чертах) с помощью аналогий; однако их внутренней сущностью остается уникальность индивидуально прожитой жизни, не поддающаяся охватыванию извне, но - напротив - не выпускающая из своей хватки индивида. Служившая нам нитью Ариадны серия рисунков - одна из многих¹, так что мы легко могли бы построить несколько других рабочих моделей, и каждая из них подавала бы процесс переноса в ином свете. Но никакая единичная модель не была бы в состоянии полностью выразить бесконечное богатство индивидуальных вариаций, которые все имеют *raison d'être*. Поскольку дела обстоят именно так, для меня очевидно, что даже и предпринятая здесь попытка сколько-нибудь объемлющим образом описать данный феномен представляет собой весьма смелую затею. Однако практическая важность феномена столь велика, что попытка определенно оправдывает себя, хоть ее недостатки и провоцируют недоразумения.

539 Мы живем во времена замешательства и дезинтеграции. Все плавится, как в тигле. И, как обычно в таких обстоятельствах, бессознательные содержания прорываются к самым границам сознания, дабы скомпенсировать кризис, в коем пребывает последнее. Поэтому полезно рассмотреть с величайшей тщательностью все такие пограничные явления, сколь бы темны они ни казались, и попытаться отыскать в них семена возможной новой упорядоченности. Несомненно, феномен переноса - один из важнейших синдромов, проявляющихся в процессе индивидуации; богатство его значений выходит далеко за пределы личных симпатий и антипатий. С помощью присутствующих в нем коллективных содержаний и символов он трансцендирует индивидуальную личность и простирается в социальную сферу, напоминая нам 6 человеческих отношений высшего характера, отсутствие которых так болезненно ощутимо в нынешнем общественном порядке или, скорее, беспорядке. Символы круга и кватерниона, будучи признаками процесса индивидуации, направлены, с одной стороны, назад - к исходному примитивному устройству человеческого общества, с другой же стороны - вперед, к внутренней упорядоченности психе. Психе как бы выступает незаменимым инструментом реорганизации цивилизованного сообщества, в противоположность ставшим сегодня чрезвычайно популярными коллективным конгломератам наспех вылепленных людей массы. Подобный тип организации осмыслен, только если человеческий материал, который он призван организовать, на что-то годен. Но массовый человек не годен ни на что; он - простая частица, забывшая, что такое быть человеком, и потерявшая душу. Чего действительно недостает нашему миру, это психической связи; и никакие клики, политические партии или общность интересов, или Государство, никогда не будут в состоянии заменить ее. Поэтому неудивительно, что именно врачи, а не социологи, первыми отчетливее всех ощутили подлинные нужды человека; ибо они, будучи психотерапевтами, самым непосредственным образом имеют дело со страданиями души. Если мои выводы общего характера иногда почти дословно совпадают с мыслями Песталоцци, то фундаментальная причина этого заключается

не в каком-то моем особом знании сочинений великого педагога, но в природе самого предмета, состоящего в проникновении в реальность человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Из их числа я привлеку внимание лишь к серии, содержащейся в *Mat us liber*, где адепт и его *soror mystica* изображены за совершением *opus*. На первом рисунке (рис.11) показан ангел, пробуждающий спящего трубой; на втором рисунке (рис.12) пара алхимиков стоит на коленях по обе стороны Атанора (печи) с запечатанным фиалом внутри; над ними два ангела держат тот же фиал, на сей раз содержащий в себе Солнце и Луну — духовные эквиваленты двух адептов. На третьем рисунке (рис.13), в числе прочего, сестра изображается ловящей птиц сетью, а адепт - вылавливающим русалку удочкой: птицы, как летающие животные, обозначают мысли, или плюралистический анимус. а русалка соответствует аниме. Неприкрыто психологический характер данного представления *opus* связан, вероятно, с фактом сравнительно позднего (1677 г.) написания книги.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

